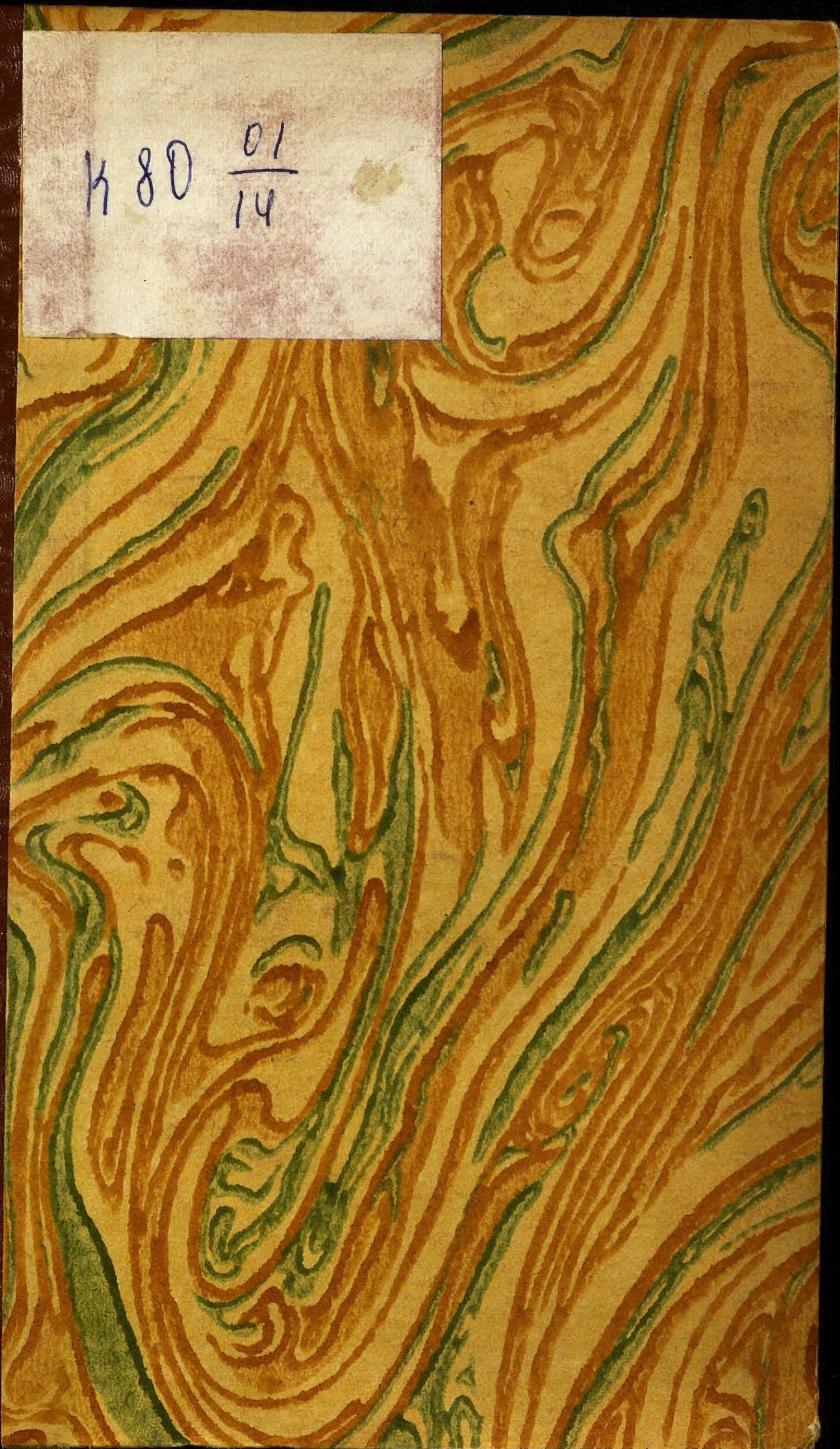
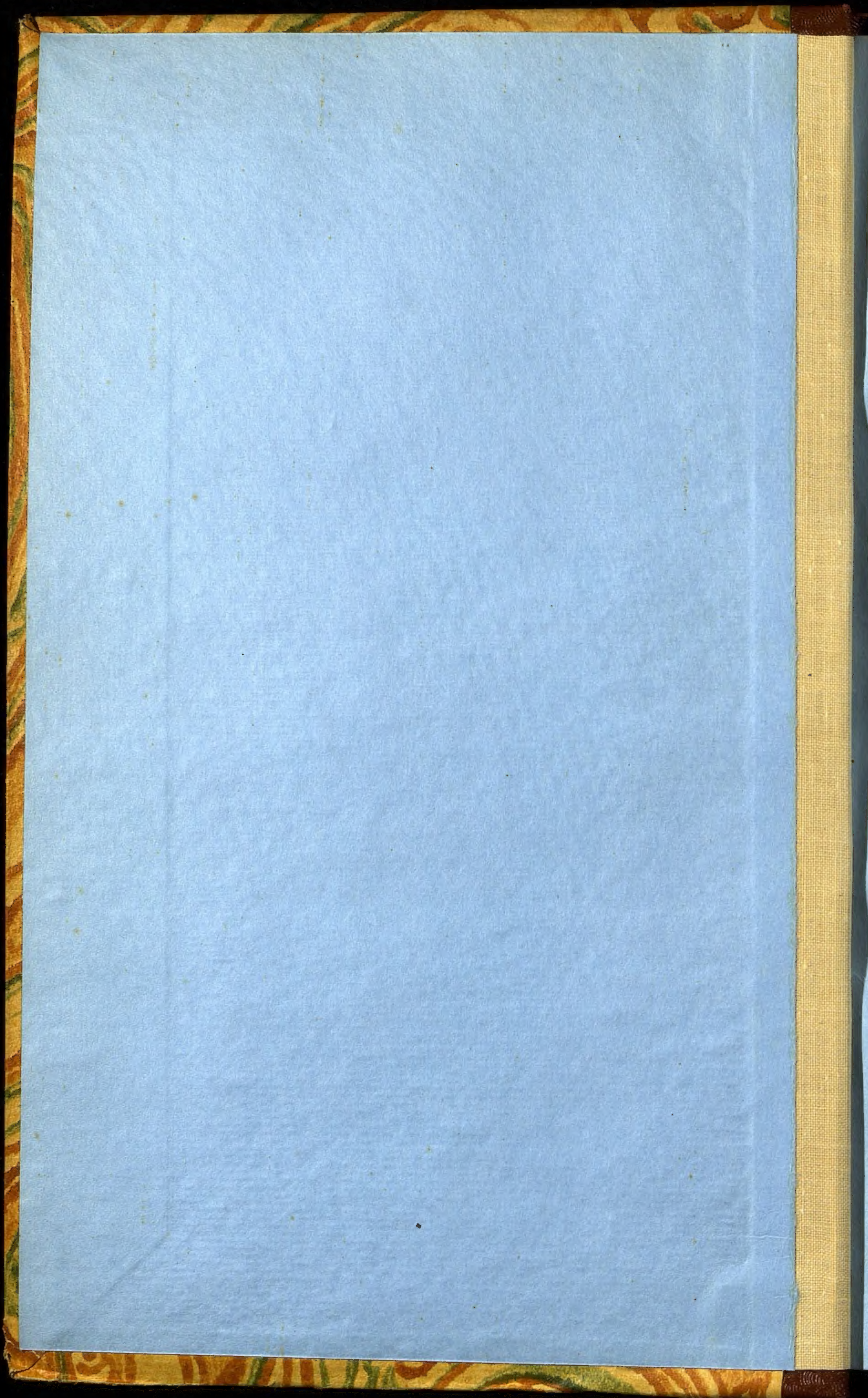
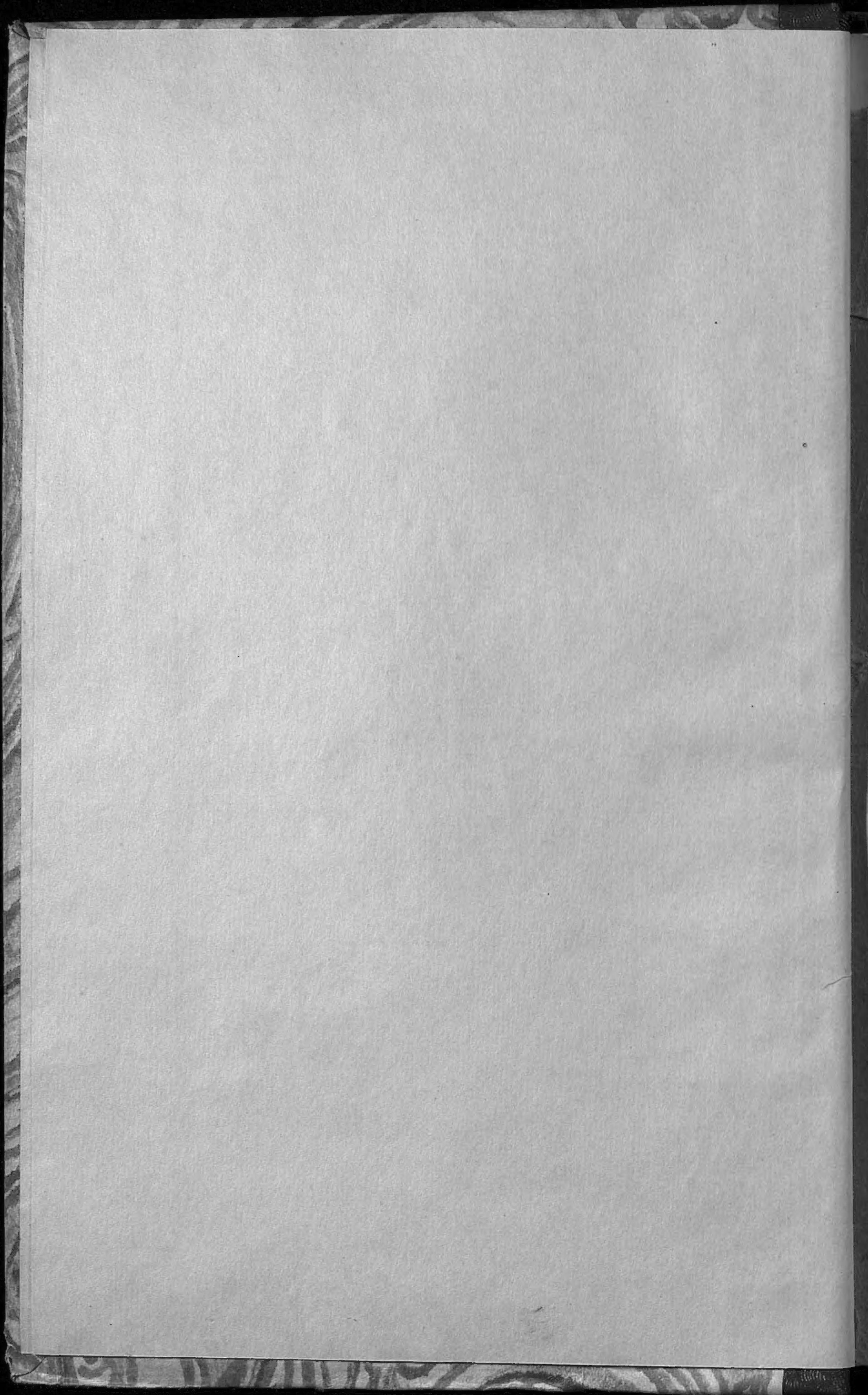

K 80 01/14

Ю. П. Струве,
преподавательница женскихъ гимназій княгини Оболенской и Л. С. Таганцевой въ С.-Петербургѣ.

Книга для чтенія

на урокахъ русскаго языка въ I и II классахъ средне-учебныхъ заведеній.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Ю. П. Струве,
преподавательница женскихъ гимназій княгини
Оболенской и Л. С. Таганцевой въ С.-Петербургѣ.

Книга для чтенія

на урокахъ русскаго языка въ I и II классахъ средне-учебныхъ заведеній.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1909.

Составитель книги для чтенія на урокахъ родного языка прежде всего долженъ имѣть въ виду ознакомленіе учащихся именно съ языкомъ. Естественное развитіе народа, идущаго впередъ по пути культуры, обыкновенно оказываетъ сильное вліяніе на языкъ: тѣ конкретныя впечатлѣнія, которыя когда-то породили въ языкѣ то или иное слово, забываются, и умозрительное начало беретъ верхъ надъ конкретностью. Уничтожить это вліяніе, разумѣется, невозможно, но если не противодѣйствовать ему нисколько, то наша рѣчь скоро утратитъ большую часть образности, а вмѣстѣ съ ней, красоты и силы. Въ Петербургѣ особенно сильно это вліяніе; сильно обезцвѣчивается рѣчь петербургскихъ жителей и вліяніемъ иностранцевъ и той „комнатной“ жизнью, которую поневолѣ ведутъ петербуржцы. Противодѣйствовать *обезцвѣченію* рѣчи въ своихъ ученикахъ, возстанавливать утраченную ими связь съ живой народной рѣчью— обязанность каждаго преподавателя родного языка. Имѣя въ виду эту цѣль, я старалась ввести въ свою книгу образцы разныхъ народныхъ произведеній—сказки, былины, пословицы, загадки, пѣсни. Основываясь на томъ, что все, воспринятое въ дѣтствѣ, особенно прочно остается въ душѣ и бываетъ освѣщено въ нашемъ воспоминаніи какимъ-то особеннымъ свѣтомъ поэзіи,—я охотно останавливалась на тѣхъ образцахъ, которые опять-таки связаны съ бытомъ нашего народа.

Останавливаясь на этихъ произведеніяхъ и на описаніи разныхъ народныхъ обычаевъ и повѣрій, я имѣла также въ виду подготовку къ курсу исторіи словесности и надѣялась при этомъ, что учащіеся, встрѣтясь въ старшихъ классахъ съ тѣмъ, что когда-то имъ было хорошо знакомо и дорого, отнесутся съ большимъ интересомъ къ усваиваемому матеріалу, да и самое усвоеніе его покажется имъ легкимъ.

Считая, что высшая сила человѣка, возвышающая его надъ прочими существами, есть творческое воображеніе, я, разумѣется, ставлю на первый планъ его развитіе. Какъ извѣстно, дѣятельность творческаго воображенія слагается изъ двухъ моментовъ: дробленія полученныхъ воспріятій и составленія изъ полученныхъ элементовъ новаго стройнаго цѣлаго. Оба момента равно важны. Для того, чтобы дать дѣтямъ матеріалъ сначала для такого дробленія, а затѣмъ и для построенія новаго цѣлаго, я сгруппировала многія статьи вокругъ временъ года и мѣсяцевъ; но съ другой стороны, не желая ни въ чемъ стѣснять преподавателя, я ввела довольно много статей, басенъ и стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго ни съ временами года ни съ мѣсяцами.

Такъ какъ на урокахъ русскаго языка долженъ развиваться художественный вкусъ дѣтей, то я старалась выбирать, по возможности, наи-

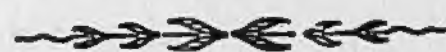
болѣе художественныя произведенія, въ которыхъ возвышенная идея сочеталась бы съ прекрасной формой.

Зная, какое чувство неудовлетворенія переживаютъ дѣти, находя въ книгѣ для чтенія лишь маленькіе отрывки изъ произведеній, и какъ это обстоятельство бываетъ непріятно преподавателю, лишенному возможности самому выбрать тѣ или иныя мѣста, я помѣщала довольно многія произведенія цѣликомъ, изъ другихъ же старалась брать отрывки болѣе или менѣе значительной величины.

Присутствіе въ книгѣ нѣкоторыхъ переводныхъ произведеній объясняется или прелестью идеи произведенія, или интереснымъ содержаніемъ, или близостью описываемаго сердцу дѣтей.

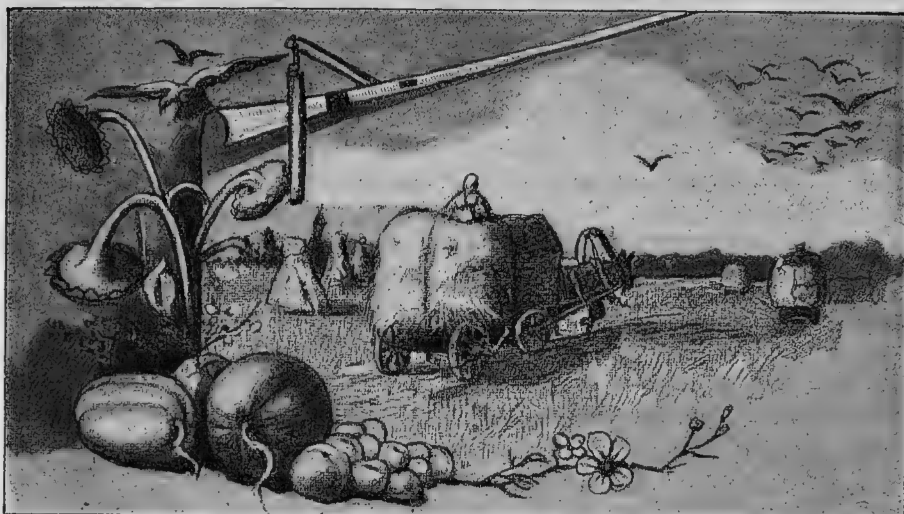
Краткій словарь[1]) помѣщенъ въ концѣ книги на томъ основаніи, что подстрочныя объясненія часто стѣсняютъ преподавателя и предвосхищаютъ интересъ учащихся.

Сознавая свою неопытность въ дѣлахъ составленія учебниковъ и зная напередъ, что въ книгѣ найдется много недочетовъ, я только скажу, что въ ней нѣтъ ни одной строки, которую бы я помѣстила, не руководясь при этомъ тѣмъ или инымъ серьезнымъ соображеніемъ.

---

[1]) По Далю и по академическому словарю.

1. Августъ.

Батюшка августъ крушитъ, да послѣ тѣшитъ.—У мужика въ августѣ три заботы: и косить, и пахать, и сѣять.—Овсы да льны въ августѣ смотри.

Этими поговорками народъ вѣрно высказалъ все, что касается августа.

Дергай ленъ, коси овесъ, приготовляй землю подъ озимое, сѣй озимое, убирай хлѣбъ въ скирды, заготовляй все на зиму—вотъ сколько заботъ несетъ съ собой августъ, но зато и утѣшно тому хозяину, у котораго все убрано, и всего вдоволь запасено на зиму—прибируху.

1-го августа заламываютъ соты.

6-го августа, въ день Преображенія Господня, освящаютъ плоды и начинаютъ ихъ ѣсть.

15-го, на Успеніе Пресвятой Богородицы, празднуютъ «дожинки», т.-е. конецъ жатвы. Съ этого же дня начинались прежде осенніе хороводы въ городахъ.

29-го наблюдаютъ полетъ птицъ: если журавли летятъ къ югу, то будетъ холодно. «У журавля та и дорога, что на теплыя воды летѣть».

Кончается красное лѣто, наступаетъ осень, а за ней и «зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошитъ».

Загадки. Чашечка медку закопана въ ледку до новаго годку (озимь).—Били меня, колотили, во всѣ чины производили и на столъ посадили (ленъ).—Стоитъ посудина нерукотворëна, налита въ ней кашица неварëна (соты).

Пословицы. Лѣтомъ дома сидѣть—зимой хлѣба не имѣть.—Какъ хлѣба край, такъ и подъ елью рай, а хлѣба ни куска, такъ и въ теремѣ тоска.—Лучше голодай, а добрымъ сѣменемъ засѣвай.—Въ пашнѣ огрѣхи, а на кафтанѣ прорѣхи.—Господь повелѣлъ отъ земли кормиться.

2. Примѣты.

Старайся наблюдать различныя примѣты:
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту. *А. Пушкинъ.*

3. По грибы.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ.

Вслѣдствіе такихъ частыхъ, хотя незначительныхъ перемòкъ, необыкновенно много появилось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ кòлкѣ *мостъ-мостомъ*, какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами,—взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно *ломать* грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшили отправиться въ лѣсъ въ сопровожденіи цѣлой

дѣвичьей и многихъ дворовыхъ женщинъ. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и такъ, только для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: «Не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями?» Къ удивленію моему, мать сейчасъ согласилась и сказала мнѣ: «Только съ тѣмъ, чтобы ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца». Обрадованный неожиданнымъ позволеніемъ, я отвѣчалъ, что ни на одну минуточку не отлучусь отъ отца.

Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Мать съ бабушкой сидѣли иа крыльцѣ, и мы поѣхали въ совершенной тишинѣ; всѣ молчали, но только съѣхали со двора, какъ на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело. Я мало слыхалъ пѣсенъ, и онѣ привели меня въ восхищеніе, которое до сихъ поръ свѣжо въ моей памяти.

Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ.

Евсеичъ *), тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, неподалеку другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: «Здѣсь непремѣнно должны быть грузди: такъ и пахнетъ груздями», и вдругъ закричала: «Ахъ, я наступила на нихъ!» Мы съ отцомъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это—ея грузди, что она нашла ихъ, и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папоротника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы также принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: «Посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ: они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ!» Въ самомъ дѣлѣ, молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.

Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: «Пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!» Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги, или роспуски, и

*) Дядька Сережи Аксакова, разсказчика.

еще долѣе бы ихъ проискали, если бы не заслышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. Многія горничныя дѣвки съ лукошками, полными груздей, скоро къ намъ присоединились, а нѣкоторыя, видно, зашли далеко. Мы не стали ихъ дожидаться и поѣхали домой. Мы воротились къ самому чаю. *С. Аксаковъ.*

4. Грибы.

Какъ задумалъ грибъ, загадалъ Боровикъ, подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, на войну итти. «Собирайтесь-ка, Волнушки, со мной на войну!» Отказалися Волнушки: «Мы все старыя старушки: куда намъ итти!» — «Вы идите-ка, Маслята, со мной на войну!» Отказались и Маслята: «Мы все малые ребята: не можемъ итти».— «Ну, идите вы, Опенки, со мной на войну!» Отказалися опенки: «У насъ ноги очень тонки: не идемъ на войну».—«Собирайтесь, Рыжики, пойдемъ на войну!» Отказались Рыжики: «Мы богаты мужики: не намъ воевать». — «Ну, пойдемте, Свинухи, со мной на войну!» Отказались Свинухи: «Мы свиные пастухи: не можемъ итти».— «Становитесь, Мухоморы, идемъ на войну». Отказались Мухоморы: «Мы — разбойники да воры: не хотимъ итти». — «Ну, сбирайтесь, Грузди; пойдемъ на войну!» Согласились Грузди: «Мы ребята дружны, — идемъ за тобой!» *Народная сказка.*

Загадки. Стоитъ Трошка на одной ножкѣ; его ищутъ, а онъ нишнетъ (молчитъ).—Мальчикъ съ пальчикъ; бѣлъ балахонъ, шапка красненькая.—На бору, на юру стоитъ старичокъ, красенъ колпачокъ.

Пословица. Ѣшь пирогъ съ грибами, держи языкъ за зубами.

5. Сторожъ.

Дѣло было осенью. Уже нѣсколько часовъ бродилъ я съ ружьемъ по полямъ и, вѣроятно, прежде вечера не вернулся бы въ постоялый дворъ на большой курской дорогѣ, гдѣ ожидала меня моя тройка, если бъ чрезвычайно мелкій и холодный дождь, который съ самаго утра неугомонно и безжалостно приставалъ ко мнѣ, не заставилъ меня, наконецъ, искать гдѣ-нибудь по близости хотя временнаго убѣжища. Пока я еще соображалъ, въ какую сторону пойти, глазамъ моимъ внезапно представился низкій шалашъ возлѣ поля, засѣяннаго горохомъ. Я подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидалъ старика, до того дряхлаго, что мнѣ тотчасъ же вспомнился тотъ умирающій козелъ, котораго Робинзонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Старикъ сидѣлъ на корточкахъ, жмурилъ свои потемнѣвшіе маленькіе глаза и торопливо, но осторожно, на подобіе зайца (у бѣдняка не было

ни одного зуба), жевалъ сухую и твердую горошину, безпрестанно перекатывая ее со стороны на сторону. Онъ до того погрузился въ свое занятіе, что не замѣтилъ моего прихода.

— Дѣдушка, а дѣдушка!—проговорилъ я.

Онъ пересталъ жевать, высоко поднялъ брови и съ усиліемъ открылъ глаза.

— Чего?—прошамшилъ онъ сиплымъ голосомъ.

— Гдѣ тутъ деревня близко?—спросилъ я.

Старикъ опять пустился жевать. Онъ меня не разслушалъ. Я повторилъ свой вопросъ громче прежняго.

— Деревня?.. Да тебѣ что надо?

— А вотъ, отъ дождя укрыться.

— Чего?

— Отъ дождя укрыться.

— Да! (Онъ почесалъ свой загорѣлый затылокъ.) Ну, ты, тово, ступай,—заговорилъ онъ вдругъ, безпорядочно размахивая руками:—во... вотъ, какъ мимо лѣска пойдешь—вотъ, какъ пойдешь—тутъ те и будетъ дорога; ты ее-то брось, дорогу-то, да все направо забирай, все забирай, все забирай... Ну, тамъ-те и будетъ Ананьево. А то и въ Ситовку пройдешь.

Я съ трудомъ понималъ старика. Усы ему мѣшали, да и языкъ плохо повиновался.

— Да ты откуда?—спросилъ я его.

— Чего?

— Откуда ты?

— Изъ Ананьева.

— Что жъ ты тутъ дѣлаешь?

— Чего?

— Что ты дѣлаешь тутъ?

— А сторожемъ сижу.

— Да что ты стережешь?

— А горохъ.

Я не могъ не разсмѣяться.

— Да, помилуй,—сколько тебѣ лѣтъ?

— А Богъ знаетъ.

— Чай, ты плохо видишь?

— Чего?

— Видишь плохо, чай?

— Плохо. Бываетъ такъ, что ничего не слышу.

— Такъ гдѣ жъ тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй.

— А про то старшіе знаютъ.

«Старшіе!» подумалъ я—и не безъ сожалѣнія поглядѣлъ на бѣднаго старика. Онъ ощупался, досталъ изъ-за пазухи кусокъ черстваго хлѣба и принялся сосать, какъ дитя, съ усиліемъ втягивая и безъ того впалыя щеки. *И. С. Тургеневъ.*

Загадка. Утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ.

Поговорка. Старость—не радость.

6. Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ,
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись!
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,

Хоть видитъ око, да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

7. Бородино.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»
И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:

«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.

Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время,

Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Ю. Лермонтовъ.

Пословица. Своя земля и въ горсти мила.

8. Новое знакомство.

Мнѣ все казалось, что гдѣ-то тамъ, въ большомъ и невѣдомомъ свѣтѣ, за старою оградой сада я найду что-то. Казалось, что я что-то долженъ сдѣлать и могу что-то сдѣлать, но я только не зналъ, что именно; а между тѣмъ, навстрѣчу этому невѣдомому и таинственному, во мнѣ, изъ глубины моего сердца что-то подымалось...

Шатаясь по улицамъ, я всматривался дѣтски-любопытными глазами въ незатѣйливую жизнь нашего городка съ его лачугами, вслушивался въ гулъ проволокъ на шоссе, вдали отъ городского шума, стараясь уловить, какія вѣсти несутся по нимъ изъ далекихъ большихъ городовъ, или въ шелесть колосьевъ, или въ шопотъ вѣтра на высокихъ гайдамацкихъ могилахъ. Не разъ мои глаза широко раскрывались, не разъ останавливался я съ болѣзненнымъ испугомъ передъ картинами жизненной панорамы; образъ за образомъ, впечатлѣніе за впечатлѣніемъ ложились на душу яркими пятнами; я узналъ и увидалъ много такого, чего не видали дѣти значительно старше меня.

Когда всѣ углы города стали мнѣ извѣстны, тогда я сталъ заглядываться на виднѣвшуюся вдали на горѣ часовню. Сначала я, какъ пугливый звѣрекъ, подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурной славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мною выступали только тихія могилы и разрушенные кресты. Нигдѣ не было видно признаковъ какого-либо жилья и человѣческаго присутствія. Все было какъ-то тихо, смиренно, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ захотѣлось осмотрѣть ее всю, заглянуть внутрь, чтобы убѣдиться окончательно, что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ пыли. Но такъ какъ одному было бы и страшно и неудобно предпринимать подобную экскурсію, то я навербовалъ на улицахъ города небольшой отрядъ изъ трехъ сорванцовъ, привлеченныхъ къ предпріятію обѣщаніемъ булокъ и яблоковъ изъ нашего сада.

Мы вышли въ экскурсію послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, взрытымъ лопатами жителей и весенними потоками.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ за-

кату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо, вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища...

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травою могилъ, скромныхъ крестовъ, полуразвалившихся каменныхъ гробницъ, на развалинахъ которыхъ стлалась густая зелень, пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки, фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходитъ,—замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, но стояло еще надъ горою.

Дверь часовни была крѣпко заколочена, окна—высоко надъ землею; однако при помощи товарищей я надѣялся взобраться на нихъ и взглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—вскрикнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, вдругъ потерявшій всю свою храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ ко всѣмъ чертямъ, баба! —прикрикнулъ на него старшій изъ нашей маленькой арміи, съ готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился, и я сталъ ногами на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ труда досталъ рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на него.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня внизу съ живымъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни, и оттуда на меня пахнуло торжественною тишиной брошеннаго храма. Внутренность высокаго, узкаго зданія была лишена всякихъ украшеній. Лучи вечерняго солнца, свободно врываясь въ открытыя окна, разрисовывали яркимъ золотомъ старыя ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя истлѣвшія колонны, какъ бы покачнувшіяся подъ непосильной тяжестью. Углы были затканы паутиной, и въ нихъ ютилась та особенная тьма, которая залегаетъ всѣ углы такихъ старыхъ зданій.

Отъ окна до пола казалось гораздо дальше, чѣмъ до травы снаружи. Я смотрѣлъ, точно въ глубокую яму, и сначала не могъ разглядѣть какихъ-то странныхъ предметовъ, маячившихъ по полу причудливыми очертаніями.

Между тѣмъ моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій, и потому одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же процедуру, какую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мною, держась за оконную раму.

— Престолъ,—сказалъ онъ, вглядѣвшись въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для Евангелія.

— А вонъ тамъ, что такое?—съ любопытствомъ указалъ онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ быть, въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно посмотрѣть. Давай, привяжемъ къ рамѣ поясъ, и ты по немъ спустишься.

— Да, какъ же, такъ и спущусь!.. Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что жъ! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай.

Дѣйствуя по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взглядъ на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою бодрость. Стукъ каблука зазвенѣлъ подъ потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ ея темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насиженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны, на окнахъ которой мы сидѣли, глянуло на меня вдругъ строгое лицо съ бородой, въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самаго потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко, глаза моего друга сверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь?—спросилъ онъ тихо.

— Подойду,—отвѣтилъ я такъ же, собираясь съ духомъ, но въ эту минуту случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухъ тучею пыли, и большая сѣрая масса, взмахнувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обезпокоенная нашей возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула, распластавшись, на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай!—крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся!—успокаивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора, шапка или ведро, оказавшійся въ концѣ концовъ горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутныя очертанія небольшой, какъ будто дѣтской руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Я не страдалъ; чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Я былъ на томъ свѣтѣ. Откуда-то, точно изъ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрою дробью тревожный топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ и необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могъ сказать, скоро ли я услышалъ подъ престоломъ сдержанный шопотъ.

— Почему же онъ не лѣзетъ себѣ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ, второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ показалось также, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что жъ онъ теперь будетъ дѣлать?—послышался опять шопотъ.

— А вотъ погоди,—отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завозилось, онъ даже какъ будто покачнулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ лѣтъ девяти, больше меня, худощавый и тонкій, какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной рубашонкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену столь неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безконечно-задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчишки, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола, или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, сзади мальчика показалось еще грязное личико, обрамленное бѣлокурыми волосами и сверкавшее на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы стали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчишка спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я.—Тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть руку изъ кармана и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу!—погрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновеніе было критическое, отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тоже... — сказалъ я, но ужъ болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ дѣвочка, опершись маленькими ручонками въ полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь приподнималась, и наконецъ направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплоть, она крѣпко ухватилась за него и, прижавшись къ нему, устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла, стало совершенно ясно, что въ такомъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя?—спросилъ мальчикъ, гладя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я—Валекъ... Я тебя знаю: ты живешь въ саду надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда, яблоки у насъ хорошія... Не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моею постыдно бѣжавшей арміей, я подалъ одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Боится,—сказалъ тотъ и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ.

— Зачѣмъ ты влѣзъ сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Что жъ, приходи! Я буду радъ,—отвѣтилъ я радушно. Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека, онъ призадумался.

— Я тебѣ не компанія,—сказалъ онъ грустно.

— Отчего же?—спросилъ я, искренно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

— Твой отецъ—панъ судья.

— Ну,такъ что же?—изумился я совершенно чистосердечно.— Вѣдь ты будешь играть со мной, а не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пуститъ, — сказалъ онъ, и какъ будто это имя напомнило ему что-то, онъ вдругъ спохватился.

— Послушай, ты — славный хлопецъ, но все-таки тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, плохо будетъ.

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Послѣдніе лучи солнца уходили ужъ сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу. Мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А она?—ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ, въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля, я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, отпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лилово-туманной тѣни, и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣе сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо!—сказалъ я, охваченный свѣжестью наступающаго вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь...—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ же вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ «дома».

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ ему грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножья горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому знакомому, я протянулъ ее также и дѣвочкѣ. Она ласково подала мнѣ свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

— Приду,—отвѣтилъ я,—непремѣнно!..

— Что жъ, — сказалъ въ раздумьи Валекъ, — приходи, пожалуй...

— Хорошо. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнулъ мнѣ Валекъ, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ.—А ты болтать не будешь о томъ, что ты былъ у насъ?

— Никому не скажу,—отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ, это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густыя сумерки залегли надъ Княжьимъ - Вѣномъ *), когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто-то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ...—заговорилъ взволнованнымъ шопотомъ мой бѣжавшій товарищъ.—Какъ же это ты?.. Голубчикъ!..

— А вотъ, какъ видишь... А вы всѣ меня бросили!..

Онъ потупился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда, и онъ спросилъ опять:

— Что же тамъ было?

— Что,—отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія:— разумѣется, черти... А вы—трусы.

И, отмахнувшись отъ сконфуженнаго товарища, я полѣзъ на заборъ.

Черезъ четверть часа я спалъ уже глубокимъ сномъ, и во снѣ мнѣ видѣлись дѣйствительные черти, весело выскакивавшіе изъ чернаго люка. Валекъ гонялъ ихъ ивовымъ прутикомъ, а Маруся, весело сверкая глазками, смѣялась и хлопала въ ладоши.

В. Короленко.

9. Дни недѣли.

Въ древности «недѣлей» назывался только одинъ день—воскресенье, потому что его слѣдуетъ посвящать Богу и *не дѣлать* въ теченіе этого дня своихъ обычныхъ дѣлъ. Первый *послѣ* недѣли (или, какъ говорили въ древности, *по* недѣлѣ) день—*понедѣльникъ*; второй—*вторникъ*; *среда*, или середа — средина недѣли; четвертый день—*четвергъ* (по-старинному *четвертокъ*); *пятница*—пятый день (по-старинному *пятокъ*); *суббота* — слово еврейское и означаетъ *покой*: этотъ день евреи должны проводить въ покоѣ.

Поговорка. День да ночь—сутки прочь.

10. Прилежная работница.

Въ понедѣльникъ я баньку истопила, во вторникъ въ баньку ходила, въ середу въ угарѣ пролежала, въ четвергъ буйную голову чесала, въ пятницу добры люди не пряли, въ субботу родителей поминала, въ воскресенье въ весельѣ погуляла.

Загадки. 1. Есть семь братьевъ, годами равные, именами разные. 2. Сестра къ брату идетъ, а братъ отъ сестры за лѣсъ прячется. 3. Не стукнетъ, не брякнетъ, ко всякому подойдетъ. 4. Черная корова весь міръ поборола, а бѣлая подняла. 5. Махнула птица крыломъ и покрыла весь свѣтъ однимъ перомъ.

*) Названіе города.

11. Сентябрь.

Въ Россіи до Петра Великаго новый годъ начинался съ перваго сентября.

Первые дни сентября въ деревнѣ называютъ «бабьимъ лѣтомъ». Вотъ отчего произошло это названіе: обыкновенно къ первому сентября мужчины кончаютъ полевыя работы; большей частью начало сентября бываетъ теплое, сухое, ясное, точно снова возвращается лѣто; бабы принимаются за свои работы: мочатъ коноплю и ленъ, сушатъ, треплютъ ихъ; ткутъ; сучатъ нитки и веревки.

Въ сентябрѣ же бываетъ и особенная осенняя игра: «пиво варить». Дѣвушки выносятъ пиво за ворота и угощаютъ прежде стариковъ, а потомъ молодыхъ. Послѣ этого принимаются за игры, при чемъ дѣвушка, ведущая хороводъ, начинаетъ слѣдующую пѣсню:

«Варили мы пиво,
Зеленое вино.
Ай. лешеньки лели!
Зеленое вино.
Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
Мы пива напьемся
И всѣ разойдемся.
Мы пива напьемся,
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ вмѣстѣ посядемъ,
Всѣ вмѣстѣ повстанемъ,
Всѣ вмѣстѣ подеремся,
Всѣ вмѣстѣ помиримся».

Все, что говорится въ пѣснѣ, исполняется на дѣлѣ, и—наконецъ всѣ обходятъ хороводный кругъ и цѣлуются въ знакъ прощенія за обиду.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ сентябрѣ устраиваютъ шуточныя похороны мухъ и таракановъ. Это основано на повѣрьѣ, будто отъ такого погребенья мухи и тараканы исчезаютъ. Въ назначенный день нарядныя женщины и дѣвушки ловятъ нѣсколько мухъ, завертываютъ ихъ въ тряпочку и вмѣстѣ съ кусочкомъ сала или хлѣба кладутъ въ старый изношенный лапоть, въ самый носокъ, и все прикрываютъ лоскуткомъ. Затѣмъ всѣ находящіеся въ избѣ берутся руками за веревку, привязанную къ лаптю, и съ серьезнымъ видомъ, словно надрываясь надъ тяжкой работой, тащатъ лапоть за околицу деревни и тамъ хоронятъ. Это сопровождается пѣснями. Такъ же хоронятъ и таракановъ.

Съ сентября же начинаются *посидѣлки*, *бесѣды*, или *досвитки*. Наступаютъ темные и длинные осенніе вечера. Тогда въ одну избу сходятся дѣвушки поболтать за шитьемъ, пряжей и вязаньемъ. При этомъ онѣ говорятъ про домашнія дѣла, смѣются и тутъ же запѣваютъ:

«Пряди, моя пряха,
Пряди, не лѣнися.
— Я рада бы пряла:
Меня въ гости звали
Къ сосѣду въ бесѣду»...
и т. д.

Съ начала вечера и до ужина всѣ занимаются усердно, чтобы показать хозяйкѣ, какъ много наработали. Но послѣ ужина всякая охота къ работѣ пропадаетъ.

«Сядешь прясть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летятъ!»

Тутъ всѣ бросаютъ работу, и начинаются игры. Къ дѣвушкамъ присоединяются парни съ балалайками, съ гармониками. Начинаются пѣсни и пляски и продолжаются *до свѣта* (досвитки).

12. Осень.

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера.
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ, и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все, просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Ѳ. Тютчевъ.

Поговорки. 1. Глядитъ сентябремъ. 2. Батюшка-сентябрь не любитъ баловать. 3. Въ сентябрѣ держись крѣпче за кафтанъ. 4. Хвалилися бабы да бабьимъ лѣтомъ на Семенъ день (1 сентября), а того бабы не вѣдали, что на дворѣ сентябрь. 5. Зажигай огонь съ сентября въ избѣ и на полѣ. 6. Въ сентябрѣ одна ягода, да и та—горькая рябина. 7. Въ сентябрѣ и листъ на деревѣ не держится.

13. Осеннія работы.

Послѣ двухнедѣльнаго ненастья, или, вѣрнѣе сказать, сырой погоды, наступило ясное осеннее время. Всякій день по ночамъ бывали морозы, и, проснувшись поутру, я видѣлъ, какъ всѣ мѣста, не освѣщенныя солнцемъ, были покрыты бѣлымъ блестящимъ инеемъ. «Вонъ какой морозъ лежитъ!» говорилъ Евсеичъ, подавая мнѣ одѣваться. И точно, широкая и длинная тѣнь нашего дома лежала бѣлая, какъ скатерть, ярко отличаясь отъ потемнѣвшей и мокрой земли. Тѣнь укорачивалась, косилась, и снѣжный иней скоро исчезалъ при первомъ прикосновеніи солнечныхъ лучей, которые и въ исходѣ сентября еще сильно пригрѣвали. Я очень любилъ наблюдать, какъ солнышко сгоняло морозъ, и радовался, когда совершенно исчезала противная снѣжная бѣлизна.

Не знаю, отчего еще ни разу не бралъ меня отецъ въ поле на крестьянскія работы. Онъ говорилъ, что ему надо было долго оставаться тамъ, и что я соскучусь. Жнитво уже давно кончили; большую часть ржи уже перевезли въ гумно; обмолотили горохъ, вытрясли макъ,—и я ничего этого не видалъ! Наконецъ морозъ и солнце высушили остальные снопы, и дружно принялись доканчивать возку, нѣсколько запоздавшую въ этотъ годъ. Я видѣлъ изъ бабушкиной горницы, какъ тянулись телѣги, нагруженныя снопами,

къ нашему высокому гумну. Это новое зрѣлище возбудило мое любопытство. Я сталъ проситься съ отцомъ, который собирался ѣхать въ поле, и онъ согласился, сказавъ, что теперь можно, что онъ только объѣдетъ поля и останется на гумнѣ, а меня съ Евсеичемъ отпуститъ домой. Мать также согласилась. Съ самаго Парашина *), чему прошло уже два года, я не бывалъ въ хлѣбномъ полѣ, и потому съ большой радостью усѣлся возлѣ отца на роспускахъ. Я предварительно напомнилъ ему, что не худо было бы взять ружье съ собой (что отецъ иногда дѣлалъ), и онъ взялъ съ собой ружье. Живя въ городѣ, я, конечно, не могъ получить настоящаго понятія, что такое осень въ деревнѣ. Все было ново, все изумляло и радовало меня. Мы проѣхали мимо пруда: на грязныхъ и отлогихъ берегахъ его еще виднѣлись ледяныя закрайки; стадо утокъ плавало посрединѣ. Я просилъ отца застрѣлить уточку; но отецъ отвѣчалъ, что «уточки далеко, и что никакое ружье не хватитъ до нихъ». Мы поднялись на изволокъ и выѣхали въ поле. Трава поблекла, потемнѣла и прилегла къ землѣ; голые крутые взлобки горъ стали еще круче и голѣе; сурчины какъ-то выше и краснѣе, потому что листья чилизника и бобовника завяли, облетѣли и не скрывали отъ глазъ ихъ глинистыхъ бугровъ; но сурковъ уже не было: они давно попрятались въ свои норы, какъ сказывалъ мнѣ отецъ. Навстрѣчу стали попадаться намъ телѣги съ хлѣбомъ, такъ называемыя *сноповыя* телѣги. Это были короткія дроги съ четырьмя столбиками по угламъ, между которыми очень ловко укладывались снопы въ два ряда, укрѣпленные сверху *гнетомъ* и крѣпко привязанные веревками спереди и сзади. Все это растолковалъ мнѣ отецъ, говоря, что такой возъ не опрокинется и не разсыплется по нашимъ косогористымъ дорогамъ, что умная лошадь одна, безъ провожатаго безопасно привезетъ его въ гумно. Въ самомъ дѣлѣ, при сноповыхъ возахъ были только мальчики или дѣвчонки, которые весело шли каждый при своей лошадкѣ, низко кланяясь при встрѣчѣ съ нами. Когда мы пріѣхали на десятины, то увидѣли, что нѣсколько человѣкъ крестьянъ длинными вилами накладываютъ воза и только увязываютъ и отпускаютъ ихъ. Мы поздоровались съ крестьянами и сказали имъ: «Богъ на помочь!» Они поблагодарили; мы спросили, не видали ли тетеревовъ. Отвѣчали, что на скирдахъ была тьма-тьмущая, да всѣ разлетѣлись; такъ ружье и не понадобилось намъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что большая часть крестьянъ работаетъ теперь на гумнѣ, и что мы скоро увидимъ ихъ работу. «А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ бабы молотятъ дикушу (гречу)?» спросилъ отецъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали. Еще издали заслышали мы глухой шумъ, похожій на топотъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками крикливыхъ женскихъ голосовъ. «Вишь, орутъ», сказалъ смѣясь Евсеичъ: «ровно дѣлаютъ что! Вотъ оно, бабье-то царство!» Шумъ и крикъ увеличивался, по мѣрѣ нашего приближенія, и

---

*) Парашино—село тетки отца Аксакова.

вдругъ затихъ. Евсеичъ опять разсмѣялся, сказавъ: «А, увидали, сороки!» На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный; на немъ высокою грядою лежала гречневая солома, по которой ходили взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ. Такое искусство казалось мнѣ непостижимымъ! Чтобъ не прерывать работы, отецъ не здоровался, покуда не кончили полосы, или ряда. Подошедшій къ намъ десятникъ сказалъ: «Послѣдній проходъ идутъ, батюшка Алексѣй Степанычъ. И давеча была, почитай, чиста солома, да я велѣлъ еще разокъ пройти. Теперь ни зернышка не останется». Когда дошли до края, мы оба съ отцомъ сказали обычное: «Богъ на помочь!» и получили обыкновенный благодарственный отвѣтъ многихъ женскихъ голосовъ. На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянь и тощія легкія зерна, а полныя и тяжелыя косымъ дождемъ падали на землю; другой крестьянинъ сметалъ метлою ухвостье и всякій соръ. Работать было не жарко, въ работающихъ незамѣтно было никакой усталости, и молотьба не произвела на меня тяжелаго впечатлѣнія, какое получилъ я на жнитвѣ въ Парашинѣ. Мы отправились, по дорогѣ къ дому, прямо на гумно. Я вслушался, что десятникъ вполголоса говорилъ Евсеичу: «Скажи старостѣ: что онъ? али заснулъ?—не шлетъ подводъ за обмолоченною дикушей». На гумнѣ стояло уже нѣсколько новыхъ высокихъ ржаныхъ кладей. Когда мы пріѣхали, то вершили одну пшеничную кладь и только заложили другую—полбенную. На каждой клади стояло по четыре человѣка; они принимали снопы, которые подавались на вилахъ, а когда кладь становилась высока, вскидывались по воздуху ловко и проворно; еще съ большею ловкостью и проворствомъ ловили снопы на-лету стоявшіе на кладяхъ крестьяне. Я пришелъ въ сильнѣйшее изумленіе и окончательно убѣдился, что крестьяне и крестьянки гораздо насъ искуснѣе и ловчѣе, потому что умѣютъ то дѣлать, чего мы не умѣемъ. У меня загорѣлось сильное желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ. Отецъ нашелъ на гумнѣ какія-то упущенія и выговаривалъ старостѣ, что бока у яровыхъ кладей неровны и что кладка неопрятна; но староста съ усмѣшкой отвѣчалъ: «Вы глядите, батюшка Алексѣй Степанычъ, на оржаныя-то клади,—яровыя такія не будутъ: оржаная солома-то длинная, а яровая—коротенькая, снопы-то и ползутъ». Мнѣ показалось, что отецъ смутился. Онъ остался на гумнѣ и хотѣлъ прійти пѣшкомъ, а меня съ Евсеичемъ отправилъ на лошади домой. Я пересказалъ матери все видѣнное мной съ моимъ обыкновеннымъ волненіемъ и увлеченіемъ. Я съ восторгомъ описывалъ крестьянскія работы и съ огорченіемъ увидѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала меня очень равно-

душно; а мое желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ назвала ребячьими бреднями. Я понасупился и ушелъ къ сестрицѣ, которая должна была выслушать мой разсказъ о крестьянскихъ работахъ. Надобно признаться, что и она слушала его очень равнодушно. Всего же болѣе досадила мнѣ Параша *). Когда я сталъ пенять сестрѣ, что она невнимательно слушаетъ и не восхищается моими описаніями, Параша вдругъ вмѣшалась и сказала: «Нечего и слушать. Вотъ нашли какую невидаль! Очень нужно сестрицѣ вашей знать, какъ крестьяне молотятъ да клади кладутъ»... и захохотала. Я такъ разсердился, что назвалъ Парашу дурой. Она погрозила мнѣ, что пожалуется маменькѣ, однакожъ не пожаловалась.—Когда воротился отецъ, мы съ нимъ досыта наговорились о крестьянскихъ работахъ. Отецъ уважалъ труды крестьянъ, съ любовью говорилъ о нихъ, и мнѣ было очень пріятно его слушать, а также высказывать мои собственныя чувства и дѣтскія мысли.

С. Аксаковъ.

Пословицы. 1. Дѣло мастера боится. 2. Лгать—не цѣпомъ махать.

14. Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ,
Работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.
Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
Тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
Тамъ скирдъ виднѣется; а тамъ черезъ заборъ
Кистями красными повиснула рябина.
Тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
Ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ;
И курится овинъ, и долго по утрамъ,
Какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ...
И цѣлый день скрипятъ возы, и далеко
Токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
И стая журавлей несется высоко,
Перекликаяся порой подъ небесами.

Н. Грековъ.

Задачи. 1. Разсказать о «бабьемъ лѣтѣ». 2. Видъ полей осенью. 3. Молотьба. 4. Возка сноповъ. 5. Посидѣлки.

15. Лебедь, щука и ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.

*) Няня дѣтей Аксаковыхъ.

Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

И. Крыловъ.

Пословица. Дружно—не грузно, а одинъ и у каши загинетъ.

16. Охота въ симбирскихъ садахъ.

Зачѣмъ я пѣть тебя не смѣю,
Симбирскъ, мой скромный городокъ?
И, какъ непризнанный пророкъ,
Молчу надъ лирою своею...

Не помню дальше, потому что эти стихи написаны давно; гдѣ напечатаны—не знаю. Написаны они однимъ изъ нашихъ любимыхъ учителей, Николаемъ Александровичемъ Гончаровымъ, братомъ знаменитаго писателя. Это былъ замѣчательный чудакъ. Добрый и честный, вѣчно задумчивый, безпамятный, но въ то же время общій любимецъ. Какъ теперь гляжу на его толстенькую фигуру, круглое лицо, коротко остриженную голову, на его добрые сѣрые глаза, постоянно блуждающіе, словно онъ не видитъ ничего, что дѣлается вокругъ. Да онъ и вправду ничего не видѣлъ. Войдетъ, бывало, въ классъ: всѣ встанутъ; по обычаю прочтутъ молитву, а Николай Александровичъ похаживаетъ въ это время по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и что-то бормочетъ про себя.

Онъ имѣлъ странную привычку какъ-то особенно вертѣть пальцами. Послѣ молитвы наступала мертвая тишина въ классѣ, но не надолго: то тамъ, то тутъ начиналась возня, говоръ, смѣхъ. Шумъ усиливался. Наконецъ Гончаровъ какъ будто пробуждался отъ этого шума; круглая фигурка его быстро повертывалась на всемъ ходу, сѣрые глаза устремлялись на какого-нибудь ученика.

— Это ты, ты шумишь? Я тебя запишу!..

Гимназистикъ моментально исчезаетъ подъ лавкой.

— Гдѣ, гдѣ онъ? Подайте его сюда!—вопилъ учитель. Виноватаго вытаскивали и подводили къ каѳедрѣ.

Учитель садился на стулъ и грозно требовалъ отвѣта.

— Отвѣчай, шалунъ!..

Отвѣты наши обыкновенно были не блестящи, но каждый неловкій отвѣтъ точно воодушевлялъ учителя.

Онъ начиналъ разъяснять то или другое грамматическое правило, и, нужно сознаться, мы заслушивались его тогда. Мы любили часы уроковъ грамматики также и потому, что чувствовали себя какъ-то вольнѣе, свободнѣе, чѣмъ у другихъ учителей; только иной разъ грозно раздастся голосъ Николая Александровича: «Тише, барышни, тише!»

Величалъ онъ насъ барышнями, потому что давалъ уроки въ женскомъ Елизаветинскомъ училищѣ, и по разсѣянности ему казалось иногда, что онъ тамъ, а не въ гимназіи.

Вы меня не осудите, что я вспомнилъ своего добраго учителя, начавъ разсказъ про наши былыя охоты въ томъ самомъ скромномъ городкѣ, который воспѣлъ тоже скромный и неизвѣстный поэтъ.

Тяжелое дѣло для школьника—вернуться въ городъ осенью и засѣсть на школьную скамью. Трудно приниматься за ученье: свѣжи еще въ памяти лѣтнія забавы. Вотъ и собираются на лавкахъ кучками гимназисты: въ одномъ мѣстѣ—рыболовы, въ другомъ—голубятники, тутъ—птицеловы, тамъ—наѣздники... Да что, и не перечтешь этихъ кучекъ, не переслушаешь и разговоровъ, которые ведутся въ каждой изъ нихъ. Весь этотъ людъ дѣлится своими впечатлѣніями, разсказываетъ объ удачахъ и неудачахъ, хвалится своими пріобрѣтеніями. Тутъ идутъ мѣна и торгъ, идутъ сговоры на осеннія охоты. Какъ теперь помню, во время одного класса грамматики, около носатаго гимназиста, по прозванію Турка, собрался кружокъ. Дѣло шло о большой охотѣ въ садахъ; Турокъ подбиралъ артель и ораторствовалъ. Надо разсказать, что такое эти сады.

Симбирскъ, о которомъ идетъ рѣчь, стоитъ на Волгѣ, на высокой горѣ въ нѣсколько десятковъ саженъ. Крутой склонъ къ Волгѣ, окаймляющей городъ съ востока и съ юга на нѣсколько верстъ, покрытъ сплошными фруктовыми садами. Внизу, по берегу Волги, раскинулась слободка съ большими хлѣбными амбарами волжской пристани. Сады различныхъ владѣльцевъ отдѣлены другъ отъ друга плетнями. Напрасно искать въ этихъ садахъ аллей, усыпанныхъ пескомъ, тѣнистыхъ, высокихъ деревьевъ, бесѣдокъ и тому подоб-

ныхъ затѣй. Это цѣлые лѣса яблонь, грушъ, сливъ, вишенъ, вперемежку съ кустами смородины, крыжовника, барбариса и малины. Въ каждомъ садикѣ есть непремѣнно избушка или шалашъ, гдѣ живетъ сторожъ, онъ же и садовникъ. Въ иныхъ садахъ есть даже маленькіе домики, гдѣ постоянно живутъ сами хозяева. Эти сады— настоящій рай для птицелова. Подъ осень, когда соберутъ съ деревъ груши и яблоки, сады пустѣютъ совершенно; ихъ сторожа, садовники и владѣльцы переселяются въ городъ, потому что зимой ходить по крутому склону, покрытому снѣгомъ, почти невозможно. Вотъ туда-то въ былое время ежегодно осенью, по праздникамъ отправлялись артели гимназистиковъ. Объ одномъ изъ такихъ походовъ я и хочу разсказать.

Это было въ началѣ сентября. Въ тотъ годъ восьмое сентября (праздникъ Рождества Богородицы) приходилось на понедѣльникъ, слѣдовательно, у насъ было слишкомъ два дня для охоты. Вотъ по этому-то поводу и ораторствовалъ мой Турокъ. Надо было выбирать людей. Иного возьмешь да и наплачешься съ нимъ, всю охоту испортитъ. На этотъ разъ мы подобрали испытанныхъ товарищей. Между ними, кромѣ птицелововъ, были два рыбака, одинъ яблочникъ, одинъ кашеваръ, трое загонщиковъ и четверо ловцовъ. Кромѣ нашей, составились и другія артели, при чемъ не обошлось безъ ссоръ. Въ концѣ концовъ однако рѣшили не ссориться изъ-за мѣстъ, не мѣшать другъ другу, а главное, въ случаѣ нападенія, стоять за своихъ крѣпко. Дѣло въ томъ, что въ сады зря ходить было опасно, несмотря на ихъ пустоту. Осенью тамъ нерѣдко укрывались разные бродяги, шлялись бурлаки, прокармливаясь недобранными фруктами. Иногда они обижали нашего брата, безъ церемоніи отбирая у насъ хлѣбъ и всякіе съѣстные припасы; поэтому мы не ходили туда въ одиночку.

Въ субботу, шестого сентября, послѣ обѣда наша артель отправилась въ путь; но, чтобы за нами не слѣдили, мы шли по одиночкѣ и только за городомъ сошлись въ условленномъ мѣстѣ. У каждаго былъ свой грузъ: одни несли снасти, другіе — удочки, третьи—провизію, посуду, оружіе. Двѣнадцатымъ нашимъ спутникомъ была легавая собака одного изъ артельщиковъ, громаднаго роста и непомѣрной силы, которую мы неизмѣнно брали съ собой. Съ этимъ товарищемъ мы ничего не боялись. Полчаса спускались мы въ одинъ изъ дальнихъ садовъ, который славился обиліемъ птицы; тамъ расположились въ большомъ, тепломъ соломенномъ шалашѣ и живо принялись за работу. Рыбаки пошли на Волгу, остальные принялись расчищать точки, налаживать снасти. Натаскали въ шалашъ сѣна; въ сторонѣ, подъ крупнымъ обрывомъ, устроили очагъ.

Яблочникъ отправился съ сумкой собирать яблоки и груши; затѣмъ развели на очагѣ огонь, и кашеваръ занялся приготовленіемъ ужина. На этотъ разъ ужинъ вышелъ роскошный. Рыболовы вернулись рано, съ порядочнымъ запасомъ разной рыбешки. Одинъ изъ нихъ съ торжествомъ показывалъ издали цѣлую связку жирныхъ стерлядокъ, купленныхъ у рыбака за гривенникъ. Сварили уху, заварили чайку, наѣлись, напились, спѣли хоромъ пѣсенку и залегли въ шалашѣ спать, накрывшись, вмѣсто одѣялъ, толстымъ слоемъ душистаго сѣна. Валетка улегся тутъ же, на сѣнѣ. Только что мы стали засыпать, какъ вдругъ кто-то закричалъ дикимъ голосомъ: «Караулъ! караулъ! волкъ!» Валетка бросился въ садъ, мы схватили, что попало, и за нимъ! Началась отчаянная гонка. Валетка лаялъ, кидался на кого-то съ ожесточеніемъ, но на кого—мы и понять не могли. Раздавалось странное рычанье, блестѣли чьи-то глаза. Наконецъ послышался отчаянный крикъ и ворчанье Валетки. Тутъ мы только поняли, что мнимый волкъ—просто котъ.

Лѣтомъ, пока работали въ садахъ, пока жили сторожа, тамъ разводилось много кошекъ. Онѣ истребляли птичьи гнѣзда и выводки и подъ конецъ совершенно дичали, такъ что съ осени ихъ не могли даже захватить съ собой хозяева. Осенью онѣ питались мышами, а зимой многія изъ нихъ гибли отъ голода. Ночью эти воры подкрадывались къ нашимъ шалашамъ, разламывали клѣтки и пожирали птицъ, поэтому мы ихъ терпѣть не могли и, при помощи Валетки, преслѣдовали ихъ безпощадно. И на этотъ разъ громадному черному коту тоже пришлось поплатиться своей шкуркой. Остальная часть ночи прошла совершенно тихо.

Рано утромъ, едва показалось за Волгой солнышко, мы были уже на ногахъ, наскоро напились чаю и отправились каждый къ своему мѣсту. Загонщики разносили и разставляли западни, осыпали заросли репейника силковой снастью на щеглятъ. Мнѣ въ тотъ разъ выпалъ жребій ловить дроздовъ понцами. Понцо—это два полотнища тонкой филейной сѣтки, концы ихъ привязаны къ палочкамъ, а вдоль длинныхъ боковъ протянуты бечевки. Ставятся они

по обѣ стороны точка, параллельно. Внутреннія веревки, обращенныя къ точку, имѣютъ около палочекъ петли. При помощи кольевъ, вставленныхъ въ петли и вколоченныхъ въ землю, бечевки натягиваются туго. Наружный конецъ одной пары палокъ снабженъ короткой бечевкой, конецъ которой колышкомъ прикрѣпляется къ землѣ на одной линіи съ другими кольями. Концы двухъ противоположныхъ палочекъ тоже имѣютъ бечевки, связанныя вмѣстѣ, и отъ нихъ уже идетъ длинная веревка къ шалашу птицелова. Стоитъ только дернуть за эту веревку, какъ оба полотна понцовъ переметываются другъ къ другу и быстро накрываютъ точокъ. Понцы—превосходная снасть для ловли птицъ и далеко лучше лучка. Они могутъ быть и маленькія и большія, длиною даже и нѣсколько саженъ. Ими ловятъ самыхъ разнообразныхъ птицъ, какъ мелкихъ, такъ и крупныхъ. Но для успѣха ловли необходимо выполнить два условія: во-первыхъ, понцы должны быть установлены правильно, а во-вторыхъ, ловецъ долженъ быть мастеръ своего дѣла, что вовсе не легко: надо дернуть веревку такъ, чтобы понцы перекинулись моментально, иначе всѣ птицы успѣютъ улетѣть.

Утро было чудно хорошо—ясное, теплое. Кругомъ стояли яблони, груши съ покраснѣвшими, пожелтѣвшими листочками. Передо мной раскинулась голая площадка, на которой, среди зелени, чернѣлъ точокъ, а далѣе виднѣлась широкая полоса матушки-Волги. Плыли суда, вился черный дымокъ отъ парохода; словно утки, сновали по рѣкѣ рыбачьи челны. Кругомъ, въ пожелтѣвшей листвѣ, звонко раздавались голоса синичекъ, усердно очищавшихъ стволы яблонь отъ яичекъ бабочекъ. Порой проносились высоко въ воздухѣ стаи журавлей, лебедей, гусей, утокъ. Какъ ни хороша была картина, но солнышко грѣло такъ ласково, что я чуть не вздремнулъ и непремѣнно заснулъ бы, если бы не подлетѣла стайка зеленыхъ чижей. Веселые звуки скрипки, на которую больше всего похожъ голосъ чижика, раздались слѣва, въ чащѣ яблонь. Ближе, ближе; вотъ наконецъ надъ вершиной яблони показался чижъ - передовикъ и остановился тутъ съ подозрительнымъ чириканьемъ. Одинъ за другимъ подвалили къ нему десятки чижей. Видъ чернаго точка, усыпаннаго коноплей, сережками ольхи и ягодами рябины, около которыхъ скакали манные *) чижи, овсянки и дрозды, очевидно, смутилъ странниковъ. Между ними пошли бойкіе переговоры. Манный чижикъ безпокойно завертѣлся въ клѣткѣ, обрадовавшись своимъ родственникамъ, и зачирикалъ изо всѣхъ силъ, приглашая ихъ къ себѣ; но гости церемонились и туго шли на приглашеніе. Они осторожно стали спускаться на нижнія вѣтви березы, подозрительно высматривая своего злополучнаго собрата. Это—самая лучшая минута въ жизни птицелова, тутъ рѣшается важный для него вопросъ; не подходите къ нему: онъ бросится на васъ, какъ звѣрь, кто бы

---

*) Посаженные для приманки.

вы ни были. Это какой-то полоумный: глаза его видятъ только птицъ и точокъ; натянувшія бечевку руки дрожатъ, какъ въ лихорадкѣ; онъ самъ себя не помнитъ отъ волненія и страха. А ну, какъ кто-нибудь испугаетъ птицъ?

На этотъ разъ однако этого не случилось. Одинъ голодный чижъ порхнулъ на точокъ и сталъ ѣсть приваду, его примѣру не замедлили послѣдовать и другіе.

Стая была огромная, по крайней мѣрѣ, штукъ въ полтораста. Я дернулъ веревку и выскочилъ изъ шалаша. Представьте же мой ужасъ: одно полотно понцовъ стояло торчкомъ, а подъ другимъ билось только три или четыре чижа! Остальная стая летѣла уже далеко. Я до такой степени опѣшилъ, что сразу не могъ даже понять, какъ это случилось; но причина неудачи скоро разъяснилась. Оправляя понцы, я задѣлъ ногой сломанный сукъ яблони, а онъ зацѣпилъ за наружный край сѣти. Оправивъ понцы и вынувъ чижей, я снова спрятался въ шалашъ. Но,—увы! счастье какъ будто отвернулось отъ меня. Стая за стаей—чижи, зяблики и разная другая птица—летѣли мимо меня, и ни одна не присѣла на мой точокъ.

На утро, лишь только начало разсвѣтать, мы принялись за работу. Мигомъ расчистили точки, уставили снасти, но день былъ пасмурный, и на удачную охоту мы не разсчитывали. Оказалось же какъ разъ наоборотъ. Птицы такъ и валили на точки, изъ западней едва успѣвали вынимать ихъ. Это былъ просто баснословный уловъ. Достаточно сказать, что въ половинѣ дня мы не знали, куда дѣвать птицу: все было полно. Тогда, волей-неволей, пришлось прекратить ловлю. Вотъ что мы добыли:

133 зяблика,
92 чижа,
15 реполововъ,
21 лѣсная канарейка,
17 щеглятъ,
3 черныхъ дрозда,
48 дроздовъ—рябинниковъ, дрябъ и бѣлобровиковъ,
2 синицы-князька,
17 долгохвостыхъ синицъ и 2 сычика.

Итакъ, рѣшено было прекратить ловлю, пообѣдать, а затѣмъ вернуться домой, разсортировать и подѣлить между собой добычу.

Нагруженные богатой добычей, усталые, но веселые, вернулись мы домой.

17. Листья.

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и метели
Закутавшись, спятъ.
Ихъ тощая зелень,

Какъ иглы ежа,
Хоть въ вѣкъ не желтѣетъ
Но въ вѣкъ несвѣжа.
Мы жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!..
Но птички отпѣли,
Цвѣты отцвѣли,
Луга поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
И намъ улетѣть?

Ѳ. И. Тютчевъ.

18. Нормандскій обычай.

Рыбачья хижина на берегахъ Нормандіи.
Бальдеръ, мореходецъ.
Рихардъ, рыбакъ.
Торильда.

Бальдеръ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый.
Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:

Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ
У свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ
Порадованъ я не былъ.

Рихардъ.

Въ добрый часъ!
Доволенъ ты, и мы довольны: въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный
Гость, объявить, что есть у насъ обычай,
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
За угощенье платитъ.

Бальдеръ.

Радъ исполнить
Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный;
Нормандскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины,
Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

Бальдеръ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
Душистѣе плода, пестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ, плѣняетъ
Нашъ слухъ; итакъ не вовсе я ошибся,

Хоть въ памяти не много у меня
Разсказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину,
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разсказывалъ.

Рихардъ.

Но прежде
Еще по кубку выпьемъ (пьютъ). Начинай.

Бальдеръ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ
И много бурь они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на югѣ и востокѣ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.

Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдіи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало небо:
Они супругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишась ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца-дочь. Чтобъ новымъ
Союзомъ утвердить святую дружбу,
Чтобъ вѣчная осталась память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ, были
Повѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи
Невѣстины, лазурный, а въ другомъ
Былъ камень розовый, какъ молодыя
Румяныя ланиты жениха.

Рихардъ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ.

Да, большой рубинъ.
Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣлъ мечомъ и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ за́мки
И области наслѣдственные предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же его была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели.
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ за́мка
Съ малюткой вышла няня; вслѣдъ за нею
Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камешки блестящіе сбирали
Онѣ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ

На свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты и, отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотятъ его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалося оно дотолѣ, тянетъ
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу подъемлютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріѣхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому лугу
Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался
И, свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ
И сѣдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,
И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

Рихардъ.

Бѣдное дитя,
Спаси тебя хранитель ангелъ твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ по долгомъ и напрасномъ
Исканіи нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышишь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай далѣ.
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю
Бросался въ волны и боролся съ моремъ
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился... На землѣ его надеждѣ
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ, въ глубинѣ, была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный
Корабль свой онъ украсилъ парусами
Пурпурными и рѣзьбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

Бальдеръ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственныя пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли;
Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ всѣ на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ. Когда въ бою,
Сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечомъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: «Бѣда!
Пропали мы! Женихъ морской, помилуй!»
Я кончилъ свой разсказъ.

Рихардъ.

Благодарю;
Мнѣ, старику, расшевелилъ онъ душу...

Но, кажется, недостаетъ конца
Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попасться могъ навстрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и, можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и, можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ: готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ нормандскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ Безстрашный,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаяся съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно;
Итакъ не взыщешь ты, когда на мѣсто
Меня мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинитъ при свѣтѣ ночника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсенъ знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу-красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда (поетъ).

Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.
Ждетъ... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгого перстенька
Бѣлоснѣжная рука;
И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжный,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.
Дѣва очи опустила:
«Не тебя въ волнахъ ловила
Я, красавецъ молодой,—
Возврати мнѣ перстень мой».
— Дѣва съ ясными очами!
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я:
Буду твой, ты будь моя.

Бальдеръ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лицо,
Горящее застѣнчивымъ румянцемъ,
Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ
И предо мной опять животворитъ
Минувшіе младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я... я—твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище, мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу сердце.
Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

В. Жуковскій.

19. Квартетъ.

Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки

И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—деруть, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!»—кричитъ мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть;
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,—
Имъ отвѣчаетъ соловей:—
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

И. А. Крыловъ.

20. Аленькой цвѣточекъ.

(Сказка ключницы Пелагеи.)

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ жилъ-былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскіихъ, жемчугу, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писаныя, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатства, жемчуговъ, драгоцѣнныихъ каменіевъ, золотой и серебряной казны—по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было некого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собой лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе. Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезныимъ дочерямъ:

— Дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по своимъ купецкіимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу — не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете жить безъ меня честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похочете, и даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете, какихъ гостинцевъ вамъ хочется.

Думали онѣ три дня и три ночи, и пришли къ своему родителю, и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ. Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая:

— Государь ты мой, батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмицкаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнаго, какъ отъ солнышка краснаго, и чтобъ было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ середи дня бѣлаго.

Честно́й купецъ призадумался и сказалъ потомъ:

— Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ такой вѣнецъ. Знаю я за моремъ такова [1]) человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая, да для моей казны супротивнаго нѣтъ.

Поклонилась ему въ ноги дочь середняя и говоритъ:

— Государь ты мой, батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго; а привези ты мнѣ тувалетъ [2]) изъ хрусталю восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы, глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную, и чтобъ, смотрясь въ него, я не старилась, и красота бъ моя дѣвичья прибавлялася.

Призадумался честно́й купецъ и, подумавъ мало ли, много ли времени, говоритъ ей таковыя слова:

— Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебѣ таковой хрустальный тувалетъ; а и есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевишны, красоты несказанной, неописанной и негаданной; и схороненъ тотъ тувалетъ въ терему каменномъ, высокіимъ, и стоитъ онъ на горѣ каменной, вышина той горы въ триста саженъ, за семью дверьми желѣзными, за семью замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому и день и ночь, съ саблею наголо булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныихъ носитъ королевишна на поясѣ. Знаю я за моремъ та-

[1]) Народная форма.
[2]) Народная форма.

кова человѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой тувалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной, да для моей казны супротивнаго нѣтъ.

Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово:

— Государь ты мой, батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскіихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, а привези ты мнѣ аленькой цвѣточекъ, котораго бы не было краше на бѣло́мъ свѣтѣ.

Призадумался честно̀й купецъ крѣпче прежняго. Мало ли, много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись, онъ цѣлуетъ, ласкаетъ, приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ таковыя слова:

— Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ; коли знаешь, что искать, то какъ не сыскать, а какъ найти то, чего самъ не знаешь? Аленькой цвѣточекъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣту? Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи.

И отпустилъ онъ дочерей своихъ, хорошіихъ, пригожіихъ, въ ихніе терема дѣвичьи.

Купецъ нашелъ тѣ вещи, которыя были ему заказаны старшими дочерьми, а красненькаго цвѣточка не могъ найти. Наконецъ онъ попалъ въ дремучій лѣсъ, изъ котораго его вывела единственная бывшая въ немъ дорога. Передъ нимъ очутились роскошныя палаты. Хозяина не было, за нимъ ухаживали невидимые слуги. Переночевавъ, онъ отправился гулять въ садъ.

Гуляетъ онъ и любуется; на деревьяхъ висятъ плоды спѣлы, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся, инда глядя на нихъ слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасные, мохровые, пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя, словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, инда глядѣть на ихъ вышину—голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ честно́й купецъ, дивуется; на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжалися, и не знаетъ онъ, на что смотрѣть и кого слушать. Ходилъ онъ такъ, много ли, мало ли времени—невѣдомо; скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ на пригорочкѣ зеленымъ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. У честно́го купца духъ занимается; подходитъ онъ къ тому цвѣтку, запахъ отъ цвѣтка по всему саду, ровно струя бѣжитъ; затряслись и руки и ноги у купца, и возговоритъ онъ голосомъ радошнымъ: «Вотъ аленькой цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая, любимая». И, проговоривъ таковы слова, онъ подошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточекъ. Въ тоё жъ минуту, безо всякихъ тучъ, блеснула молнія, и ударилъ громъ, инда земля зашаталася подъ ногами,—и выросъ, какъ будто изъ земли, передъ купцомъ звѣрь не звѣрь, человѣкъ

не человѣкъ, а такъ какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревѣлъ онъ голосомъ дикiимъ:

— Что ты сдѣлалъ? Какъ ты посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зѣницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него глядючи, а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни. Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя, какъ дорогого гостя и званаго, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты этакъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною!

И несчетное число голосовъ дикiихъ со всѣхъ сторонъ завопило:

— Умереть тебѣ смертью безвременною!

У честнóго купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ-подъ каждаго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лѣзетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ набольшимъ хозяиномъ, чудищемъ мохнатыимъ, и возговорилъ голосомъ жалобныимъ:

— Охъ, ты гой еси, господинъ честнóй, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ взвеличать тебя—не знаю, не вѣдаю. Не погуби ты души моей христiанскiя, за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери-красавицы, хорошiя и пригожiя; обѣщалъ я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери тувалетъ хрустальный, а меньшой дочери аленькой цвѣточекъ, какого бы не было краше на бѣлóмъ свѣтѣ. Старшимъ дочерямъ гостинцы я сыскалъ, а меньшой дочери гостинца отыскать не могъ; увидалъ я такой гостинецъ у тебя въ саду, аленькой цвѣточекъ, какого краше нѣтъ на бѣлóмъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленькаго, о какомъ просила моя меньшая дочь, любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты прости мнѣ, неразумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ родимыимъ, подари мнѣ цвѣточекъ аленькой для гостинца моей меньшой, любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь.

Раздался по лѣсу хохотъ, словно громъ загремѣлъ, и возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское:

— Не надо мнѣ твоей золотой казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвутъ тебя мои слуги вѣрные на куски, на части мелкiя. Есть одно для тебя спáсенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ, хорошiихъ, пригожiихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, а будетъ она жить у меня въ чести и привольѣ, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одному, и хочу я залучить себѣ товарища.

Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горючьми слезами обливается; а и взглянетъ онъ на звѣря лѣсного, на чудо морское, а и вспомнитъ онъ своихъ дочерей, хорошіихъ, пригожіихъ, а и пуще того завопитъ источнымъ голосомъ: больно страшенъ былъ лѣсной звѣрь, чудо морское. Много времени честно́й купецъ убивается и слезами обливается; и возговоритъ онъ голосомъ жалобнымъ:

— Господинъ честно́й, звѣрь лѣсной, чудо морское! А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои, хорошія и пригожія, по своей волѣ не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ, я не вѣдаю.

Возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское:

— Не хочу я невольницы; пусть пріѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣніемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнію, то самъ пріѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ пріѣхать ко мнѣ — не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во единое ока мгновеніе. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи.

Думалъ-думалъ купецъ думу крѣпкую и придумалъ такъ:

«Лучше мнѣ съ дочерьми повидаться, дать имъ свое родительское благословеніе, и коли онѣ избавить меня отъ смерти не похочутъ, то приготовиться къ смерти по долгу христіанскому и воротиться къ лѣсному звѣрю, чудо морскому».

Фальши у него на умѣ не было, а потому онъ разсказалъ, что у него было на мысляхъ. Звѣрь лѣсной, чудо морское, и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онъ и записи съ него заручной не взялъ, а снялъ съ свой руки золотой перстень и подалъ его честно́му купцу. И только честно́й купецъ успѣлъ надѣть его на правый мизинецъ, какъ очутился онъ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору, въ тѣ же ворота въѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго. Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ-за пялецъ своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя; почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными ласковыми именами называть, и двѣ старшія сестры лебезятъ пуще меньшой сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ-то не радошенъ, и что есть у него на сердцѣ печаль потаенная. Стали старшія дочери его допрашивать: не потерялъ ли онъ своего богатства великаго; меньшая же дочь о богатствѣ не думаетъ, и говоритъ она своему родителю:

— Мнѣ богатства твои не надобны, — богатство дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердечное.

И возговоритъ тогда честно́й купецъ своимъ дочерямъ родимымъ, хорошіимъ, пригожіимъ:

— Не потерялъ я своего богатества великаго, а нажилъ казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ веселитися.

Приказалъ онъ принести сундуки дорожные, желѣзомъ окованные; доставалъ онъ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ середней дочери, туалетъ хрусталю восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшой дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулися, унесли свои гостинцы въ терема высокіе и тамъ на просторѣ ими досыта потѣшалися. Только дочь меньшая, любимая, увидавъ цвѣточекъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердце ее что ужалило. Какъ возговоритъ къ ней отецъ таковы рѣчи:

— Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго; краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

Взяла дочь меньшая цвѣточекъ аленькой словно нехотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣжали дочери старшія, попытали онѣ гостинцы отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости.

Когда отецъ разсказалъ своимъ старшимъ дочерямъ о своей бѣдѣ, то онѣ отказались ему помочь.

Позвалъ честной купецъ меньшую дочь и сталъ ей все разсказывать, все отъ слова до слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала:

— Благослови меня, государь мой, батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточекъ, и мнѣ надо выручить тебя.

Залился слезами честной купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ ей таковыя слова:

— Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая! Да будетъ надъ тобою мое благословенье родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя, и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житье противное къ страшному звѣрю лѣсному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ—никто не знаетъ, не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прыскучему, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха ни вѣсточки, а тебѣ объ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькой вѣкъ, лица твоего не видаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слыхаючи; разстаюсь я съ тобою на вѣки вѣчные, ровно тебя живую въ землю хороню.

Она же его утѣшила, собралась и при помощи кольца, даннаго ея отцу чудомъ морскимъ, отправилась въ невѣдомый путь.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣсного, чуда морского, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзного золота, со ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой кам-

кой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она цѣлый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать, да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ, раскладены и разставлены на столахъ зеленыихъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякаго, есть на чемъ посидѣть, полежать, есть во что пріодѣться, есть во что посмотрѣться. И была одна стѣна вся зеркальная, а другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебряная, а четвертая стѣна изъ кости слоновыя и мамонтовыя, самоцвѣтными яхонтами разубранная, и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальная». Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворецъ, и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любуючись; одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ разсказывалъ честной купецъ, государь ея батюшка родимый; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточекъ аленькой, сошла она въ зелены сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками, и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды, и громчѣй зашумѣли ключи родниковые; и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честный купецъ цвѣточекъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточекъ изъ кувшина золоченаго и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему и расцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому, завѣтному, и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоялъ столъ накрытъ, и только она подумала: «Видно, звѣрь лѣсной, чудо морское, на меня не гнѣвается, и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый»,—какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появилися словеса огненныя: «Не господинъ я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотою». Прочитала она словеса огненныя, и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысль написать письмо къ своему родителю и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумати, какъ видитъ она: передъ нею бумага лежитъ, золотое перо со чернильницей. Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ.

«Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣсного, чуда морского, какъ королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными; и знаетъ онъ все, что у меня на мысли, и тоё жъ минутою все исполняетъ, и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожей своей».

Не успѣла она письма написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было.

Заиграла музыка пуще прежняго, на столѣ явилися яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда золота червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя сроду не обѣдала одна-одинешенька; ѣла она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. Послѣ обѣда, накушавшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать. Послѣ сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садамъ зеленымъ, потому что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонялися, а спѣлые плоды, груши, персики и наливныя яблочки сами въ ротъ лѣзли. Проходивъ время не малое, почитай, вплоть до вечера, воротилась она въ свои палаты высокія, и видитъ она: столъ накрытъ, и на столѣ яства стоятъ сахарныя и питья медвяныя, и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату бѣломраморну, гдѣ читала она на стѣнѣ словеса огненныя, и видитъ она на той же стѣнѣ опять такія же словеса огненныя:

«Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеніемъ и прислугою?»

И возговорила голосомъ радостнымъ молодая дочь купецкая, красавица писаная:

— Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый да милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощеніе. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найти на бѣломъ свѣтѣ: то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюся я почивать одна; во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой.

Появилися на стѣнѣ словеса огненныя:

«Не бойся, моя госпожа прекрасная; не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мною берегутъ тебя и день и ночь; не дадимъ мы на тебя вѣтру вѣнути, не дадимъ и пылинкѣ сѣсть».

И пошла почивать въ опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ она чуть отъ страха жива, и обрадовалась она госпожѣ своей и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радошна,—принялась ее разспрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшихъ и про всю свою прислугу дѣвичью; опосля того принялась сама разсказывать, что съ нею въ это время приключилося; такъ и не спали онѣ до бѣлой зари. Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная.

Наконецъ она рѣшилась попросить чудо морское поговорить съ ней. Голосъ его былъ страшенъ, но его разумныя и ласковыя рѣчи полюбились красавицѣ, и пошли у нихъ частые разговоры.

А потомъ и увидать ей захотѣлось своего друга вѣрнаго, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать ее опасается, да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри дикіе его завсегда устрашалися и въ свои берлоги разбѣгалися. И говоритъ звѣрь лѣсной, морское чудо, таковыя слова:

— «Не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему привыкла ты; мы живемъ съ тобою въ дружбѣ, согласіи, другъ со другомъ, почитай, не разлучаемся, и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня, несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски.

Не слушая такихъ рѣчей, молода купецкая дочь, красавица писаная, стала молить пуще прежняго, клясться, божиться и ротитися, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается, и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго, и говоритъ ему таковыя слова:

— Если ты старъ человѣкъ — будь мнѣ дѣдушка; если середовикъ — будь мнѣ дядюшка; если же молодъ ты — будь мнѣ названый братъ, и поколь я жива — будь мнѣ сердешный другъ.

Долго-долго лѣсной звѣрь, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть, и говоритъ ей таково слово:

— Не могу я тебѣ супротивнымъ быть; по той причинѣ, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желаніе, хоша знаю, что погублю мое счастіе и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрыя, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «Покажися мнѣ, вѣрный другъ!» — и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ невмоготу тебѣ больше у меня оставаться, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотой перстень. Надѣнь его на правый мизинецъ, и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ николи не услышишь.

Не убоялась, не устрашилася, крѣпко на себя понадѣялась молода дочь купецкая, красавица писаная. Въ тѣ поры, не мѣшкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрыя, опустилося за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: «Покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!» — и показался ей издали звѣрь лѣсной, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и не взвидѣла свѣта молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками бѣлыми, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти. Да и страшенъ былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣриные, ноги лошадиныя, спереди, сзади горбы великіе верблюжіе, весь мохнатый

отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиные. Полежамши, долго ли, мало ли времени, опамятовалась молодая дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючьми слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ:

— Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мнѣ умереть смертью безвременною.

И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она съ своимъ страхомъ великiимъ и со своимъ сердцемъ робкiимъ дѣвичьимъ, и заговорила она голосомъ твердыимъ:

— Нѣтъ, не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не пугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давишнемъ: я только впервые испугалася.

Показался ей лѣсной звѣрь, чудо морское, въ своемъ видѣ страшныимъ, противныимъ, безобразныимъ, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнiя, ласковыя и разумныя, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она звѣря лѣсного, чудо морское, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоша сначала, разглядя его, испугалася, а виду не показала, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день денской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлаждалися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней катались по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени; скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Вотъ однова и привидѣлось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писаной, что батюшка ея нездоровъ лежитъ, и напала на нее тоска неусыпная, и увидалъ ее въ той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское, и весьма закручинился и сталъ спрашивать, отчего она въ тоскѣ, во слезахъ. Разсказала она ему свой недобрый сонъ и стала просить у него позволенiя повидать своего батюшку родимаго и сестрицъ своихъ любезныхъ. Онъ ее отпустилъ, но предупредилъ, что если она не вернется ровно черезъ три дня и три ночи, то ужъ не застанетъ его въ живыхъ.

Злыя сестры переставили назадъ всѣ часы, и она просрочила.

Вернулась она и видя, что онъ ея не встрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ:

— Гдѣ же ты, мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ? Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначеннаго, цѣлымъ часомъ со минуточкой.

Ни отвѣта ни привѣта не было, тишина стояла мертвая; въ зеленыхъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскiя, не били фонтаны воды, и не шумѣли ключи родниковые, не играла музыка во палатахъ высокихъ. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной,

почуяла она нѣшто недоброе, обѣжала она палаты высокія и сады зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго, — нѣтъ нигдѣ ни отвѣта ни привѣта и никакого гласа послушанія; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточекъ аленькой, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными. И помстилось ей, что заснулъ онъ, ее дожидаючись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная,—онъ не слышитъ; принялась будить покрѣпче, схватила его за лапу мохнатую, и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское, бездыханенъ, мертвъ лежитъ... Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колѣни, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ:

— Ты встань, пробудись, мой сердешный другъ; я люблю тебя, какъ жениха желаннаго...

И только таковы словеса она вымолвила, какъ заблестѣли молоньи со всѣхъ сторонъ, затряслась земля отъ грома великаго, ударила громова стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купецкая, красавица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала безъ памяти—не вѣдаю; только, очнувшись, видитъ она себя въ палатѣ высокой бѣломраморной; сидитъ она на золотомъ престолѣ со каменьями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной; передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣняхъ стоитъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ, и возговоритъ къ ней молодой принцъ-красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою:

— Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня еще малолѣтняго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудище страшное и наложила такое заклятіе, чтобы жить мнѣ въ такомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари Божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы роду и званія ни была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища и пожелаетъ быть моей женой законною, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять попрежнему человѣкомъ молодымъ и пригожимъ; и жилъ я таковымъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одиннадцать дѣвицъ красныхъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты зато женою короля славнаго, королевою въ царствѣ могучімъ.

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшой, любимой и молоду принцу-королевичу. И поздравили жениха съ невѣстою сестры старшія завистныя и всѣ слуги вѣрные, бояре великіе и кавалеры ратные и, нимало немедля, принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пиво, медъ пила, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

21. Октябрь.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей.
Подулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ,
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей,
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.
Унылая пора! очей очарованье!
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и сонное дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

А. Пушкинъ.

22. Октябрь.

Названіе этого мѣсяца происходитъ отъ латинскаго слова octo— восемь: въ древности, когда годъ начинался съ марта, октябрь и былъ восьмымъ мѣсяцемъ. Народное названіе этого мѣсяца — грязникъ. 1 октября—праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы. Съ этого дня въ деревняхъ начинаются свадьбы. Лѣтомъ и думать нечего ни о свадебномъ весельи ни объ угощеніи гостей: одна работа догоняетъ другую, ничего еще не собрано, и денегъ нѣтъ. Старые люди считаютъ хорошимъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ, если въ этотъ день выпадетъ снѣгъ. Дѣвушки говорятъ, обращаясь къ Покрову: «Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду». Говорятъ и такъ: «Бѣлъ снѣгъ землю прикрываетъ, не меня ли, молоду, замужъ снаряжаютъ? «Дѣвушки просятъ «покрыть» ихъ, потому что замужняя женщина, по понятіямъ народа, не должна ходить простоволосой; среди свадебныхъ обрядовъ существуетъ и обрядъ расплетанія косы и надѣванія повойника.

Первое октября считается въ деревнѣ срокомъ работъ и наймовъ. Покровское гулянье считается послѣднимъ.

Въ октябрѣ мочатъ и мнутъ ленъ, стригутъ овецъ, охотники начинаютъ охоту на зайцевъ по порошѣ, въ Сибири рыбаки выѣзжаютъ на ловлю красной рыбы.

Поговорки. 1. Мни и топчи льны съ половины грязника. 2. Знать осень въ октябрѣ по грязи. 3. Въ октябрѣ та бабамъ и работа, что льны приспѣвать. 4. Охъ ты, батюшка октябрь! только и добра въ тебѣ, что пивомъ взялъ.

23. Повѣрье.

Наши поселяне думаютъ, что съ четвертаго октября перестаютъ бродить по лѣсу лѣшіе. Разставаясь съ лѣсомъ, они будто съ досады ломаютъ деревья, какъ тросточки, въ полянахъ вырываютъ землю на семь пядей, загоняютъ всѣхъ звѣрей по норамъ, а сами проваливаются сквозь землю.

«Жилъ когда-то въ деревнѣ мужикъ, не въ нашей, а тамъ, въ чужой, собой не мудрой, но зато такой проворной, что всегда и вездѣ поспѣлъ первый. Поведутъ ли хороводы,—онъ первый впереди; хоронятъ ли кого, онъ и гробъ примѣряетъ и на гору*) стащитъ; просватаютъ ли кого,—онъ поселится отъ рукобитья до самой свадьбы, и поетъ и пляшетъ, обновы закупаетъ и бабъ наряжаетъ. Отродясь своей избы не ставилъ, городьбы не городилъ, а живалъ въ чужой избѣ, какъ у себя во дворѣ. Хлебалъ молоко отъ чужихъ коровъ, ѣлъ хлѣбъ изо всѣхъ печей, выѣзжалъ на базаръ на барскихъ коняхъ, накупалъ гостинцевъ для всѣхъ деревень. Въ деньгахъ счету не зналъ. У кого нѣтъ избы, онъ дастъ денегъ на избу; у кого нѣтъ лошадки, онъ дастъ денегъ на пару коней. Одного только не знали православные: откуда къ нему деньги валятся? Старики поговаривали, что онъ продалъ свою душу нечистому за

*) На кладбище.

деньги, и утверждали за правду, что трудовая копейка не велика и для своей нужи. А у него отчего же завелись деньги для всѣхъ? Съ работы де не будешь богатъ, а только горбатъ. Бабы говорятъ свое: старики никогда правды не скажутъ. Ну, кто бабъ переспоритъ? Молодые судили по-своему: онъ де кладъ нашелъ съ золотомъ и серебромъ. Вотъ отчего и богатство. Бабы и тутъ стояли на своемъ: что молодые знаютъ? Молодо—зелено. Поди, увѣрь ихъ, что молодые не дураки, такъ послѣ и бѣги самъ съ бѣла свѣта. Старушки увѣряли своихъ кумушекъ, что удалой таскаетъ свои деньги изъ вороньяго гнѣзда. Тамъ де никогда деньгамъ перевода нѣтъ. Вотъ затѣмъ-то онъ и въ лѣсъ ходитъ каждый день. Бабы и тому не вѣрили: гдѣ де старухамъ знать? Давно изъ ума выжили! А скажи бабамъ, что старухи умнѣе ихъ, такъ и въ избѣ мѣста не дадутъ. Одинъ только староста говаривалъ подъ хмелькомъ, что онъ знаетъ всю правду. Старостѣ можно было бы повѣрить: мужикъ онъ богатый, поитъ стариковъ брагой, кормитъ ребятъ пирогами. Все это говорятъ мужики, а бабы думаютъ другое: староста де все дѣлаетъ по женину велѣнью. Что скажетъ его баба, такъ тому и быть. А съ бабьимъ умомъ далеко ли уйдешь? Послушайте-ка, что сосѣди говорятъ про старосту. Разъ случилась на него, старосту, бѣда: недочетъ вышелъ въ подушныхъ. Вотъ онъ началъ спрашивать бабу издалека: «Хвалишься ты, баба, что умнѣй тебя нѣтъ, а знаешь ли ты, баба, сколько у насъ въ селѣ дворовъ?»—«Знать, не знаю, а сочту поумнѣй твоего». И начла баба всѣхъ тридцать дворовъ. Староста сидитъ за столомъ, бороду поглаживаетъ, на бабу поглядываетъ, да и молвитъ: «Дворовъ-то было тридцать еще до тебя, когда я не женился, а ты, баба, замужъ не шла».—«А знаешь ли ты, баба сколько подушнаго съ мужиковъ идетъ?»—«Вотъ еще чего не знать! Съ Петрова по рублю, съ Евдокей по рублю, съ Радуницъ по рублю; а сколько всего, ты самъ смекни, умная голова». Сидитъ мужикъ и думаетъ: «Нѣтъ, эдакъ и въ годъ не сочтешь! Есть дворы вдовьи, есть и впустѣ. Въ приказѣ уряжено со вдовьяго двора не брать, а съ пустого нечего взять». И пошелъ староста къ удалому мужику на совѣтъ, ума разума набраться. А пошелъ было онъ не просто съ поклонами, а съ дорогими посулами: съ виномъ и пряникомъ. Дозналась баба, что у мужа на умѣ сидитъ, такъ и не вѣсть что было: и била-то его, и бранила-то его, и на недѣлю въ амшеникъ заперла. Ну, сами вы, православные, народъ толковый, посудите поумнѣй: можно ли вѣру дать старостѣ, что онъ говоритъ? Другое дѣло удалой мужикъ: ума палата. Все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается: какъ на торгу купецъ торгуетъ, какъ въ городѣ воевода судитъ-рядитъ, какъ бояре живутъ въ каменной Москвѣ. Кажись, мужику чего бы больше и знать? Такъ нѣтъ: давай то, что не знаю, говори то, что не вѣдаю. Нашъ удалой одного только не зналъ: какъ лѣшіе проваливаются сквозь землю. Задумалъ мужикъ самъ собой посмотрѣть на лѣшаго, да и былъ таковъ. Ну, что бы ему попросить совѣта у бабъ? Все бы лучше присудили, какъ миновать бѣды. Старики прежде насъ говаривали, что бабы на это дѣло умнѣй

мужиковъ. Вотъ и ходитъ мужикъ по лѣсу, а тутъ навстрѣчу ему лѣшій. Онъ и тутъ не сробѣлъ: шапку долой, да и ему жъ челомъ. Извѣстное дѣло, что лѣшій не говоритъ, а только смѣется. Удалой себѣ на умѣ молвитъ: «Нѣтъ, братъ, меня этимъ не проведешь, смѣйся себѣ, сколько хочешь. Лучше попытаю, гдѣ его жилье». И началъ пытать его, вотъ такъ: «А есть ли у тебя, Иванычъ, хата да жена-баба?» И повелъ лѣшій мужика къ своей хатѣ, по горамъ, по доламъ, по крутымъ берегамъ. Шли, шли и пришли прямо къ озеру. «Не красна же твоя изба, Иванычъ,—молвилъ удалой.—У насъ, братъ, изба о четырехъ углахъ, съ крышкой да съ поломъ. Есть въ избѣ печь, гдѣ ребятамъ лежать; есть полати, есть лавки, гдѣ гостей сажать. А у твоей хаты, прости Господи, ни дна ни покрышки». Не успѣлъ мужикъ домолвить слова, какъ бухъ лѣшій о землю; земля-то разступилась, туда и лѣшій пропалъ. Съ тѣхъ поръ удалой сталъ дуракъ-дуракомъ: ни слова сказать ни умомъ пригадать. Такъ дуракомъ померъ. Зачѣмъ было ему смотрѣть на лѣшаго? Хотѣлъ умнѣй всѣхъ быть. Да и чего набраться у него, лѣшаго? Важное дѣло: смотрѣть, какъ будетъ онъ сквозь землю проваливаться! Небось, весною опять выскочитъ изъ земли, какъ ни въ чемъ не бывало. Вишь ихъ, такая порода».

24. Дружка.

На другой или на третій день, какъ стали плотники у меня работать, я подошелъ и сѣлъ на бревнѣ около Сергѣича, на долю котораго выпало тесать полъ, и, слѣдовательно, онъ работалъ вдали отъ прочихъ.

— Что, дѣдушка, старъ бы ты по чужой сторонѣ ходить,—заговорилъ я.

— Что дѣлать-то, батюшка?—отвѣчалъ старикъ мягкимъ голосомъ.—Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ—да! Хоть бы и мое дѣло, немолодой бы молодикъ, а на седьмой десятокъ валитъ... Пора бы не бревна катать, а лыко драть да на печкѣ лежать—да!

— Отчего это ты все вотъ въ складъ говоришь?—замѣтилъ я ему.

Сергѣичъ усмѣхнулся.

— Измолоду, государь мой милостивый,—отвѣчалъ онъ,—такая ужъ моя рѣчь; гдѣ и языкъ-то набилъ на то—не помню; съ хороводъ да съ пѣсенъ, видно, дѣло пошло, ну, и тоже, грѣшнымъ дѣломъ, дружничалъ по свадебкамъ.

— Дружкой ты былъ?—сказалъ я.

Старикъ самодовольно улыбнулся.

— Я былъ, може, изъ дружекъ дружка, а не то, что просто дружка; меня ажно изъ Ярославля купцы ссягали дружничать у нихъ на сыновнихъ свадебкахъ, по сту рублевъ мнѣ за это платили; я былъ дорогой дружка — да! Ты вотъ, государь милостивый, въ замѣчанье взялъ, что я рѣчь въ складъ говорю; а кабы ты посмотрѣлъ еще меня на свадебномъ дѣлѣ, такъ что твой колоколецъ подъ дугой али гусли многострунныя!

— Какъ же у васъ начинаются, напримѣръ, эти сговоры? съ чего?—спросилъ я.

— Сговоры, сударь мой милостивый,—отвѣчалъ Сергѣичъ, кажется, очень довольный моимъ вопросомъ,—начинаются, ежели дружка правитъ дѣломъ по порядку, какъ онъ сейчасъ въ избу вошелъ, такъ съ поклономъ и говоритъ: «У васъ, хозяинъ, есть товаръ, а у насъ есть купецъ; товаръ вашъ покажите, а купца нашего посмотрите...» Тутъ сейчасъ съ ихнной, съ невѣстиной, стороны свашка и выводитъ дѣвку изъ-за занавѣски, ставитъ супротивъ жениха; они, вѣстимо, тупятся, а имъ говорятъ, чтобъ смотрѣлись да глядѣлись — да! Теперича невѣста, значитъ, понравилась. Жениховъ дружка сейчасъ по имени чествуетъ хозяина въ дому... Иванъ Иванычъ, что ли: «Товаръ вашъ, Иванъ Иванычъ, показался, умъ-разумъ разступился, пожалуйте шубу на столъ, станемъ Богу молиться и по рукамъ биться»—да! Дѣвку опять за занавѣску уводятъ—горе горевать, свой дѣвичій вѣкъ обвывать, а батька съ маткой сядутъ за столъ дочку пропивать.

— А дары когда жъ дарятся между женихомъ и невѣстой?—перебилъ я.

— Дары тутъ же дарятся,—продолжалъ Сергѣичъ.—Какъ теперича по молитвѣ это рукобитье совершится, старички, выходитъ, по другому, по третьему стаканчику выпили, дружка сейчасъ и ведетъ жениха за занавѣску, по началу молитву читаетъ: «Господи! помилуй насъ»—да! Тутъ женишокъ и спрашиваетъ: «Красна дѣвица, дайте знать, какъ васъ звать?» Она—хоша Катерина Степановна; значитъ: «Катерина Степановна, извольте наши дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много».

Невѣста дары пріемлетъ... Теперича и невѣста въ оборотъ жениху говоритъ: «Господи, помилуй насъ! Добрый молодецъ, какъ васъ звать?» Примѣрно, Николай Иванычъ; выходитъ: «Николай Иванычъ, извольте отъ меня дары принять, да не прогнѣваться, примите мало, а сочтите за много!» Отдаривается значитъ — да!

— А какъ же невѣста обвываетъ свой дѣвичій вѣкъ?—спросилъ я.

— Хорошо, сударь, обвываетъ,—отвѣчалъ Сергѣичъ съ какимъ-то умиленіемъ:—причитываетъ все къ отцу, къ матери такими рѣчами: «Не лѣсъ къ сырой землѣ клонится, добрые люди Богу молятся. Стрѣчай-ка ты, родимый батюшка, своихъ дорогихъ гостей, моихъ разлучниковъ; сажай-ка за столъ подъ окошечко свата-сватьюшку, дружку-засыльничка ко свѣтцу, ко присвѣтничку; не сдавайся, родимый батюшка, на слова ихъ, на слова ласковыя, на поклоны низкіе, на стаканъ пива пьянаго, на чару зелена вина; не отдавай меня, родимый батюшка, изъ теплыхъ рукъ въ холодныя, ко чужому къ отцу, къ матери»—да! Приговоры хорошіе идутъ. У насъ вѣдь лучше, обряднѣе, чѣмъ у васъ, у баръ. Я вотъ тоже съ улицы въ окошко на господскія свадьбы гляживалъ—что?.. Ничего нѣтъ потѣшнаго; схватятся только за руки да ходятъ, а ничего разговоровъ нѣтъ.

— Это на сговорахъ; а на свадьбахъ, я думаю, еще больше приговоровъ бываетъ?—продолжалъ я спрашивать, видя, что Сергѣичъ былъ въ душѣ мастеръ по свадебному дѣлу, и я убѣжденъ, что онъ нѣкоторые приговоры самъ былъ способенъ сочинить.

Вопросъ мой окончательно расшевелилъ старика; онъ откашлялся, обдернулъ бороду и сталъ ужъ называть меня, вмѣсто «государь мой милостивый»—«другъ сердечный».

— Въ самую свадьбу, другъ сердечный,—началъ онъ,—приговоры большіе ведутся. Теперича взять такъ примѣрно: жениховъ поѣздъ въѣзжаетъ въ селенье; дружка сейчасъ, коли онъ ловкій, соскочитъ съ саней и бѣжитъ къ невѣстиной избѣ подъ окошко съ такимъ приговоромъ: «Стоятъ наши добрые кони во чистомъ полѣ, при пути, при дороженькѣ, подъ синими небесами, подъ частыми подъ звѣздами, подъ черными облаками; нѣтъ ли у васъ на дворѣ, сватъ и сватьюшка, мѣстечка про нашихъ коней?» Изъ избы имъ откликаются: «Милости просимъ; про вашихъ коней есть у насъ много мѣстовъ». Теперича, по его командѣ поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ, а онъ, государь мой милостивый, все впереди, никому впередъ себя итти не даетъ. По сѣнямъ идетъ, молитву творитъ и себѣ приговоръ говоритъ: «Идетъ друженька лѣсенкой кленовою, мостикомъ калиновымъ, берется друженька за скобочку полужоную. Растворите, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, дверечки широкія: самъ я, сватушка, двери на петлѣ поведу, а безъ *аминя* не войду!» Тѣмъ, другъ сердечный, что въ свадебномъ дѣлѣ ничего безъ молитвы починать нельзя, весь поѣздъ, значитъ, *аминя* и ждетъ—да! Какъ теперича имъ *аминь* изъ избы оголосили, дружка опять впереди всѣхъ. Первый его приговоръ, какъ въ избу во-

шелъ: «Скокъ чрезъ порогъ, насилу ножки переволокъ!» значитъ, чтобъ съ шутки начать да и дѣло кончить—да! Второй приговоръ его: «Всѣ люди смотрящіе, всѣ люди глядящіе! покажите мнѣ хозяина настоящаго въ дому». Третій его приговоръ: «Сватьюшка любезный, кто у васъ въ домѣ началъ?»—«Началъ у насъ въ домѣ Спасъ, Пресвятая Богородица!» отвѣчаютъ ему. Четвертый приговоръ дружки, значитъ: «Богу помолимся, на всѣ четыре стороны поклонимся; сватьюшка любезный, въ нѣкоторые годы, въ нѣкоторыя времена ходили промежъ насъ старушонки, дѣла наши свашили, были промежъ насъ и сговоры! Теперича, значитъ, дѣло наше сужено, ряжено: къ молодому нашему князю пожалуйте молодую нашу княгиню, къ большому барину—большого барина; къ меньшему барину — меньшаго; къ тысяцкому — тысяцкаго, а ко мнѣ, дураку-дружкѣ — такого же дурака-дружку». Теперича сейчасъ невѣсту и выводитъ изъ-за занавѣски братъ родной али тамъ крестный. Дружка опять было первый идетъ, брату пива подноситъ, только на тотъ разъ ему говорятъ—да: «Пришлите себя помоложе, подороже и повѣжливѣе!» Значитъ, надо женишка посылать. Идетъ тотъ сначала съ пустымъ пивомъ, безъ денегъ, значитъ, братъ ему и говоритъ: «Кушайте сами; наша сестрича недешевая, не по бору ходила, не шишки брала, а золотомъ шила; у нашей сестрички по тысячѣ косички, по рублю волосокъ».—Значитъ, выкупъ надобно дѣлать, денегъ въ пиво класть.

— А дружка что тутъ дѣлаетъ?—спросилъ я.

— Дружка промежъ тѣмъ свое справляетъ,—отвѣчалъ Сергѣичъ.—Тоже, грѣшнымъ дѣломъ, бывало, попересохнетъ въ горлѣ-то, такъ нарочно и закашляешься; и кашляешь, и кашляешь, а тутъ такой приговоръ и ведешь: «Сватьюшки любезные, что-то въ горлѣ попершило, позакашлялось: нѣтъ ли у васъ водицы испить, а коли воды нѣтъ, мы пьемъ и пивцо, а пивца нѣтъ, выпьемъ и винца!» Ну, и на другой хорошей свадьбѣ, гдѣ виномъ-то просто, тутъ же стакана три въ тебя вольютъ, такъ и считай теперь, сколько въ цѣлый день-то попадетъ. Хорошо дружкѣ бываетъ, нечего сказать, больно хорошо.

— Хорошо-то, хорошо, да вѣдь и это дѣло не всякій справитъ: надобно тоже разумъ имѣть,—замѣтилъ я.

— Еще какой разумъ-то, другъ сердечный! Разумъ большой надо имѣть, — отвѣчалъ Сергѣичъ:—вотъ тоже нынѣшніе дружки, посмотришь, званье только носятъ... Хоть бы теперь приговоръ вести надо такъ, чтобъ кажинное слово всякъ въ толкъ взялъ, а не что на вѣтеръ языкомъ проболтать. За поясъ бы, кажись, въ экіе годы свои всѣхъ ихъ заткнулъ!—заключилъ онъ и началъ тесать.

А. Писемскій.

Поговорка. Малъ языкъ, да человѣкомъ ворочаетъ.

25. Крестьянская пирушка.

Ворота тесовы
Растворилися;
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго.
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмельною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ потчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись.
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ,—
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

А. В. Кольцовъ.

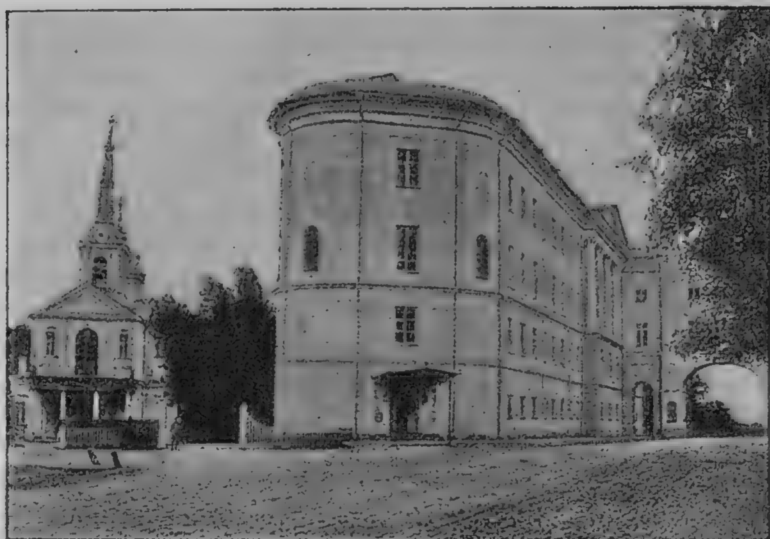
Пословица. Не красна изба углами, красна пирогами.

Загадка. Не княжеской породы, а ходитъ съ короной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ, не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будитъ.

26. Птичка.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ,
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ.
Людямъ скучно, людямъ горе,—
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

27. Изъ дѣтства Александра Сергѣевича Пушкина.

ПЕРВЫЙ ПРИВѢТЪ ЛИЦЕЯ [1]).

Открытіе лицея, предполагавшееся къ началу учебныхъ занятій въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, т.-е. перваго сентября, отлагалось дважды: сперва—вслѣдствіе замедленія во внутренней отдѣлкѣ лицейскаго зданія, потомъ—вслѣдствіе несвоевременной доставки изъ Петербурга классной мебели. Наконецъ все было готово, и воспитанникамъ было предложено съѣхаться съ Царское Село за нѣсколько дней до 19 октября, когда должно было послѣдовать формальное открытіе лицея.

За три дня до этого торжества Пушкины, дядя [2]) и племянникъ, выѣхали къ мѣсту въ собственной бричкѣ Василія Львовича, въ которой прибыли еще изъ Москвы. Единственнымъ путемъ сообщенія между столицею и Царскимъ Селомъ служило въ то время шоссе; трехчасовой переѣздъ въ Царское не столько утомилъ нашихъ бывалыхъ путешественниковъ, сколько возбудилъ въ нихъ волчій аппетитъ. Директоръ лицея, Василій Өедоровичъ Малиновскій, принялъ Пушкиныхъ тѣмъ болѣе радушно, что зналъ Василія Львовича еще по Москвѣ, и тотчасъ распорядился закуской. Въ ожиданіи послѣдней, Василій Львовичъ усадилъ хозяина рядомъ съ собой на диванъ и, схвативъ его за пуговицу, съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ сталъ осыпать его, какъ изъ рога изобилія, столичными новостями. Племянникъ, между тѣмъ, точно чѣмъ-то подавленный, пришибленный, отошелъ на противоположный конецъ комнаты, къ окошку, выходившему въ садъ.

---

[1]) Учебное заведеніе, основанное императоромъ Александромъ I въ 1811 г. въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Дядя поэта, тоже поэтъ—Василій Львовичъ, привезшій племянника изъ Москвы для помѣщенія въ лицей.

До последнихъ дней погода стояла чуть не лѣтняя: ясная, теплая. Но въ послѣднюю ночь ртуть въ градусникѣ разомъ упала ниже нуля, съ ранняго утра стоялъ густой туманъ, а теперь, къ полудню, разыгралась первая зимняя вьюга. Съ ноющей тоской слѣдилъ Александръ за безжалостной игрой бушевавшаго вѣтра: какъ срывалъ онъ съ деревьевъ послѣдніе листья, какъ смѣшивалъ ихъ съ хлопьями крутящагося снѣга и тутъ же засыпалъ безжизненной бѣлой пеленой,—не такъ ли точно срывались теперь и послѣдніе листья съ вольнаго, беззаботнаго дѣтства его, Александра, и заметались не на одинъ годъ, а на цѣлыя шесть лѣтъ мертвящимъ снѣгомъ школьной дрессировки? И крылатая мечта перенесла его уже далеко, далеко—въ Москву, а оттуда еще за сорокъ верстъ далѣе—въ милое Захарьино, имѣніе покойной бабушки его, Маріи Алексѣевны [1]). Съ ранней весны они всей семьей перебрались уже туда на дачу; и вотъ онъ, вдвоемъ съ сестрицей Олей, неразлучной подругой его дѣтскихъ игръ, весело обѣгаетъ сперва весь домъ, а потомъ взламываетъ наглухо заколоченную съ осени дверь балкона. О, какъ здѣсь чудно свѣжо, какъ дышится вольно! Рука объ руку съ Олей, онъ соскакиваетъ въ садъ и, со смѣхомъ таща ее за собою, во весь духъ несется внизъ по кленовой аллеѣ, покрытой первымъ зеленымъ пухомъ, къ манящему вдали зеркальному пруду. Бѣгутъ они и на бѣгу кричатъ другъ другу:

«Смотри-ка, смотри: вонъ, тутъ, помнишь, мы играли столько разъ въ горѣлки?»

— А тамъ, направо, видишь, старый дубъ, гдѣ обѣдали всегда въ жаркую погоду?

Въ это время откуда-то доносятся къ нимъ звонкіе дѣвичьи голоса, такъ и заливающіеся знакомою пѣсней.

— Ахъ, это, вѣрно, опять хороводъ въ деревнѣ!

Но вотъ сестрицу Олю увели переодѣваться.

Онъ, Александръ, потихоньку уноситъ со стола забытую отцомъ книжку и зарывается въ глубину парка, гдѣ его уже никто не разыщетъ. Растянувшись на мягкой, душистой травѣ, онъ раскрываетъ книгу. Но лежать здѣсь такъ отрадно; солнечные лучи, сквозь прозрачную еще зелень, пригрѣваютъ такъ ласково... И интересная книга валится у него изъ рукъ. Заложивъ, вмѣсто подушки, за голову руки, онъ лежитъ на спинѣ и, не отрывая глазъ, глядитъ въ это синѣющее между зелеными верхушками небо, по которому тихо-тихо плывутъ молочно-бѣлыя облака. И грудь у него ширится, точно готова распахнуться, и самъ онъ готовъ ринуться туда, въ эту глубокую, бездонную синеву, и, падая, ухватиться за облачко, чтобы поплыть на немъ чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, хоть на самый край свѣта...

— О чемъ замечтались, миленькій мой?—прозвучалъ надъ самымъ ухомъ Пушкина чей-то не то насмѣшливый, не то вкрадчивый голосъ, и чья-то рука фамильярно легла къ нему на плечо.

---

[1]) Мать его матери, урожденной Ганнибалъ.

Милыя видѣнья недавняго прошлаго разлетѣлись, какъ дымъ. Снова передъ глазами его замелькали, закрутились безчисленные снѣжные хлопья, снова нависъ сверху непроглядный, свинцово-сѣрый небесный сводъ, а сердце загрызла прежняя тоска.

Рѣзкимъ движеніемъ плеча онъ отвелъ непрошенную руку и, нахмурясь, обернулся. Передъ нимъ стоялъ сухопарый господинъ въ вицмундирѣ, съ тонкою усмѣшкой на тонкихъ губахъ и съ умильно-прищуренными, масляннстыми глазами; но глаза эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, глядѣли такъ пристально, что, казалось, хотѣли проникнуть въ самую душу.

— Съ кѣмъ имѣю честь?.. — холодно пробормоталъ Пушкинъ.

Незнакомецъ беззвучно разсмѣялся и отвѣтилъ тѣмъ же ласковымъ тономъ:

— Имѣете честь говорить съ однимъ изъ вашихъ будущихъ начальниковъ, класснымъ надзирателемъ Мартыномъ Степановичемъ Пилецкимъ - Урбановичемъ. Но таковымъ я почитаюсь только по званію служебному, на дѣлѣ же я буду вашимъ ближайшимъ другомъ, который вполнѣ замѣнитъ вамъ и отца, и мать, и дядю.

— Никогда! — вырвалось у Пушкина.

— Та-та-та! Экой вы, милѣйшій мой, недотрога и незамайка. Мнѣ говорили ужъ, что вы до сей поры, какъ одичалый конь, не вѣдали узды и браздовъ. Наши бразды будутъ самые вольготные — можно сказать — бархатные, но все же научатъ васъ итти туда, куда долгъ велитъ.

Пилецкій промолчалъ, только сжалъ свои тонкія губы, повернулся на каблукахъ и отошелъ къ Василію Львовичу, который продолжалъ свою неумолкаемую бесѣду съ Малиновскимъ.

— Однако племянничекъ-то вашъ, господинъ Пушкинъ, признаться сказать, еще строптивѣе, чѣмъ вы мнѣ давеча говорили!— замѣтилъ Пилецкій.

— Не всякое лыко въ строку, господинъ надзиратель,—благодушно вступился Василій Львовичъ:—разлука, знаете, съ родными, новая обстановка, то да сё...

— Да и голодъ, конечно! — хватился Малиновскій. — Что жъ это не подадутъ горячаго бульону?—И, позвавъ слугу, онъ распорядился завтракомъ.

— Прошу васъ, господа, закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Александръ! подите же сюда, покушайте съ нами.

— Благодарю... право, не хочется...—отказался мальчикъ.

Зато Василія Львовича не нужно было еще разъ просить; смачно закусывая, онъ обратился къ надзирателю:

— Изволите видѣть: даже аппетитъ у молодца отбило, хоть съ утра во рту маковой росинки не было. Выражаясь фигурально, это—молодое деревцо, пересаженное на чужую почву: какъ его ни поливай—въ первое время свѣжіе дотолѣ листья поблекнуть, свернутся. Все теперь въ вашихъ рукахъ, въ рукахъ его будущихъ садовниковъ; вы можете акклиматизировать его, заставить приносить обильные и сочные плоды, какъ вотъ эта ветчинка. А славно запечена! Это у васъ здѣшній колбасникъ мастеръ такой, или изъ Питера вывезли? Отвѣдай, Александръ: во рту, я тебѣ скажу, таетъ.

— Ей Богу, не могу, дядя...

— Ну, послѣ, за общимъ столомъ накушается тѣмъ плотнѣе,—замѣтилъ Малиновскій.

— Вы бы, Мартынъ Степанычъ, отвели его теперь къ товарищамъ; это его немножко развлекло бы.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ Пилецкій и взялъ уже Александра за руку. Но Василій Львовичъ остановилъ племянника:

— Да вѣдь мы съ тобой, я думаю, ужъ не увидимся?

— Вы сейчасъ развѣ ѣдете, дядя?

— Мнѣ надо еще уложиться въ Москву.

Племянникъ заволновался.

— Какъ? но передъ отъѣздомъ туда вы все же заѣдете?

— Да, проѣздомъ, пока на станціи перепрягаютъ лошадей, можетъ статься, загляну на минутку. Но проститься, на всякій случай, не мѣшаетъ.

— А къ открытію лицея вы развѣ не будете?

— Не пустятъ, дружокъ: за множествомъ сановниковъ, которые будутъ сопровождать ихъ величества, для нашего брата, простого смертнаго, говорятъ, мѣста не хватитъ.

— Да, къ сожалѣнію,—подтвердилъ директоръ:—по распоряженію министра...

— Ахъ, дядя!..

— Что, голубушка родная, жутко стало? Ничего, не тужи! Терпи казакъ—атаманомъ будешь. А дома-то отъ тебя поклониться?

— Пожалуйста! Олѣ, нянѣ...

— И родителямъ?

— Да, конечно... Прощайте, дядя...

— А обнять на прощанье не хочешь?

Александръ, не сдерживая уже слезъ, повисъ у него на шеѣ.

— Прощайте... не забывайте меня, пишите... Благодарю васъ, дядя, за все, за все...

— Не за что, милый мой, — отвѣчалъ растроганный Василій Львовичъ, цѣлуя племянника.

Такъ же порывисто, какъ обнялъ дядю, Александръ оторвался теперь отъ него и выбѣжалъ изъ комнатъ, отирая на бѣгу глаза. Надзиратель Пилецкій схватилъ со стола свою фуражку и поспѣшилъ за мальчикомъ, напрасно крича ему:

— Куда же вы, Пушкинъ? Вѣдь вы и дороги-то не знаете!

Догналъ онъ его только на другой сторонѣ двора, когда Пушкинъ поневолѣ задержалъ шагъ, недоумѣвая, въ какую дверь войти. Буйнымъ вѣтромъ такъ и развѣвало на непокрытой головѣ его густыя кудри, такъ и хлестало его по разгоряченному лицу колючими снѣжинками.

— Сюда, за мной!—крикнулъ ему Пилецкій, бросаясь въ ближайшую дверь: — въ четвертый этажъ!..

Пушкинъ уже опередилъ его и, шагая черезъ двѣ ступени, побѣжалъ наверхъ. Тутъ, на поворотѣ лѣстницы, онъ столкнулся лицомъ къ лицу со спускавшимся внизъ другимъ лицеистомъ, въ казенной уже формѣ—синемъ сюртукѣ съ красными обшлагами.

— Пушкинъ!—Пущинъ!—вырвалось разомъ у обоихъ. Не будь тутъ надзирателя, который задыхаясь догонялъ Пушкина, они, быть можетъ, заключили бы другъ друга въ объятья; теперь же, въ присутствіи незванаго свидѣтеля, они ограничились только рукопожатіемъ. Впрочемъ, и Пилецкому, должно быть, уже порядкомъ успѣлъ надоѣсть не въ мѣру шустрый новичокъ-лицеистъ, потому что онъ поспѣшилъ сбыть его съ рукъ.

— Очень радъ, что вы попались намъ, Пущинъ. Отведите-ка товарища въ его камеру да кликнете дежурнаго дядьку.

Съ этими словами онъ отворилъ сосѣднюю дверь третьяго этажа и захлопнулъ ее за собою. Лицеисты наши продолжали стоять на площадкѣ, держась за руки и глядя вслѣдъ надзирателю.

— Съ этой минуты, значитъ, мы шесть лѣтъ будемъ неразлучны?—заговорилъ первымъ Пущинъ, крѣпко сжимая пріятеля и дружески заглядывая ему въ глаза.—Да ты, Пушкинъ, никакъ плакалъ?

— Ахъ, вовсе нѣтъ!..—сконфуженно возразилъ тотъ.—Я не выспался хорошенько...

— Чего же ты стыдишься? Вѣдь ты, вѣрно, сейчасъ прощался съ Василіемъ Львовичемъ?

— Прощался.

— Ну, вотъ. И я тоже, когда разставался со своими, — а они совсѣмъ близко, въ Петербургѣ, — и я захныкалъ, какъ маленькій ребенокъ.

— Мы оба, стало-быть, еще дѣти! — разсмѣялся Пушкинъ. — Однако здѣсь, на лѣстницѣ, вовсе не жарко.

— И то правда! идемъ же, идемъ. Я тебѣ сейчасъ покажу твою новую квартиру. Ну, кто скорѣй?

И, попрежнему держась за руки, они взапуски пробѣжали остальныя ступени до четвертаго этажа.

Авенаріусъ.

Пословицы. Чужимъ умомъ въ люди не выйдешь. — Недозрѣлый умокъ — что вешній ледокъ. — Кто грамотѣ гораздъ, тому не пропасть.

Загадки. Зимою грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ. — На дворѣ — горой, а въ избѣ — водой (снѣгъ). — Ни на мѣру ни на вѣсъ — у всѣхъ людей есть (умъ).

28. Разлука.

Коляска и бричка стояли у подъѣзда. Николай былъ одѣтъ по дорожному, то-есть штаны были всунуты въ сапоги, и старый сюртукъ туго-натуго подпоясанъ кушакомъ. Онъ стоялъ въ бричкѣ и укладывалъ шинели и подушки подъ сидѣнье; когда оно ему казалось высоко, онъ садился на подушки и, припрыгивая, обминалъ ихъ.

— Сдѣлайте божескую милость, Николай Дмитричъ, нельзя ли къ вамъ будетъ баринову шкатулку положить? — сказалъ запыхавшійся камердинеръ папа́, высовываясь изъ коляски: — она маленькая...

— Вы бы прежде говорили, Михей Иванычъ, — отвѣчалъ Николай скороговоркой и съ досадой, изо всѣхъ силъ бросая какой-то узелокъ на дно брички.

— Ей Богу, голова и такъ кругомъ идетъ, а тутъ еще вы съ вашими щикатулками! — прибавилъ онъ, приподнявъ фуражку и утирая съ загорѣлаго лба крупныя капли пота.

Дворовые мужчины, въ сюртукахъ, кафтанахъ, рубашкахъ, безъ шапокъ, женщины въ затрапезахъ, полосатыхъ платкахъ, съ дѣтьми на рукахъ, и босоногіе ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой. Одинъ изъ ямщиковъ—сгорбленный старикъ въ зимней шапкѣ и армякѣ—держалъ въ рукахъ дышло коляски, потрогивалъ его и глубокомысленно посматривалъ на ходъ; другой—видный молодой парень, въ одной бѣлой рубахѣ съ красными кумачевыми ластовицами, въ черной поярковой шляпѣ черепеникомъ, которую онъ, почесывая свои бѣлокурыя кудри, сбивалъ то на одно, то на другое ухо—положилъ свой армякъ на козлы, закинулъ туда же возжи и, постегивая плетенымъ кнутикомъ, посматривалъ то на свои сапоги, то на кучеровъ, которые мазали бричку. Одинъ изъ нихъ, натужившись, держалъ подъемъ; другой, нагнувшись надъ колесомъ, тщательно мазалъ ось и втулку,—даже, чтобы не пропадалъ остальной на помазкѣ деготь, мазнулъ имъ снизу по кругу.

Почтовыя, разномастныя, разбитыя лошади стояли у рѣшетки и отмахивались отъ мухъ хвостами. Однѣ изъ нихъ, выставляя свои косматыя оплывшія ноги, жмурили глаза и дремали; другія отъ скуки чесали другъ друга, или щипали листья и стебли жесткаго темнозеленаго папоротника, который росъ подлѣ крыльца. Нѣсколько борзыхъ собакъ—однѣ тяжело дышали, лежа на солнцѣ, другія въ тѣни ходили подъ коляской и бричкой и вылизывали сало около осей.

Во всемъ воздухѣ была какая-то пыльная мгла, горизонтъ былъ сѣро-лиловаго цвѣта; но ни одной тучки не было на небѣ. Сильный западный вѣтеръ поднималъ столбами пыль съ дорогъ и полей, гнулъ макушки высокихъ липъ и березъ сада и далеко относилъ падавшіе желтые листья. Я сидѣлъ у окна и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ приготовленій. Когда всѣ собрались въ гостиной около круглаго стола, чтобы въ послѣдній разъ провести нѣсколько минутъ вмѣстѣ, мнѣ и въ голову не приходило, какая грустная минута предстоитъ намъ. Самыя пустыя мысли бродили въ моей головѣ. Я задавалъ себѣ вопросы: какой ямщикъ поѣдетъ въ бричкѣ и какой въ коляскѣ? кто поѣдетъ съ папа, кто съ Карломъ Ивановичемъ? и для чего непремѣнно хотятъ меня укутать въ шарфъ и ваточную чуйку?

«Что я за нѣженка? авось, не замерзну. Хоть бы поскорѣе это все кончилось: сѣсть бы и ѣхать».

— Кому прикажете записку о дѣтскомъ бѣльѣ отдать? — сказала вошедшая, съ заплаканными глазами и съ запиской въ рукѣ, Наталья Саввишна, обращаясь къ maman.

— Николаю отдайте, да приходите же послѣ съ дѣтьми проститься.

Старушка хотѣла что-то сказать, но вдругъ остановилась, закрыла лицо платкомъ и, махнувъ рукой, вышла изъ комнаты. У

меня немного защемило въ сердцѣ, когда я увидалъ это движеніе; но нетерпѣніе ѣхать было сильнѣе этого чувства, и я продолжалъ совершенно равнодушно слушать разговоръ отца съ матушкой. Они говорили о вещахъ, которыя замѣтно не интересовали ни того ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжнѣ Sophie и madame Julie? и хороша ли будетъ дорога?

Вошелъ Фока и точно тѣмъ же голосомъ, которымъ онъ докладывалъ: «кушать готово», остановившись у притолоки, сказалъ: «лошади готовы». Я замѣтилъ, что maman вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ извѣстіи, какъ будто оно было для нея неожиданно.

Фокѣ приказано было затворить всѣ двери въ комнатѣ. Меня это очень забавляло: «какъ будто всѣ спрятались отъ кого-нибудь».

Когда всѣ сѣли, Фока тоже присѣлъ на кончикѣ стула, но только что онъ это сдѣлалъ, дверь скрипнула, и всѣ оглянулись. Въ комнату торопливо вошла Наталья Саввишна и, не поднимая глазъ, пріютилась около двери на одномъ стулѣ съ Фокой. Какъ теперь вижу я плѣшивую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку въ чепцѣ, изъ-подъ котораго виднѣются сѣдые волосы. Они жмутся на одномъ стулѣ, и имъ обоимъ неловко. Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ. Десять секундъ, которыя просидѣли съ закрытыми дверьми, показались мнѣ за цѣлый часъ. Наконецъ всѣ встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнялъ maman и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Полно, мой дружокъ!—сказалъ папа:—вѣдь не на вѣкъ разстаемся.

— Все-таки грустно! — сказала maman дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

Когда я услыхалъ этотъ голосъ, увидалъ ея дрожащія губы и глаза, полные слезъ, я забылъ про все, и мнѣ такъ стало грустно, больно и страшно, что хотѣлось бы лучше убѣжать, чѣмъ прощаться съ нею. Я понялъ въ эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась съ нами. Она столько разъ принималась цѣловать и крестить Володю, что, полагая, что она теперь обратится ко мнѣ, я совался впередъ, но она еще и еще благословляла его и прижимала къ груди. Наконецъ я обнялъ ее и, прильнувъ къ ней, плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ своего горя. Когда мы пошли садиться, въ передней приступила прощаться докучная дворня. Ихъ «пожалуйте ручку-съ», звучные поцѣлуи въ плечико и запахъ сала отъ ихъ головъ возбудили во мнѣ чувство, самое близкое къ огорченію у людей раздражительныхъ.

Подъ вліяніемъ этого чувства я чрезвычайно холодно поцѣловалъ въ чепецъ Наталью Саввишну, когда она, вся въ слезахъ, прощалась со мной. Странно то, что я какъ теперь вижу всѣ лица дворовыхъ и могъ бы нарисовать ихъ со всѣми мельчайшими подробностями; но лицо и положеніе maman рѣшительно ускользаетъ изъ моего воображенія,—можетъ быть, оттого, что во все это время

я ни разу не могъ собраться съ духомъ взглянуть на нее. Мнѣ казалось, что, если бъ я это сдѣлалъ, ея и моя горесть должны бы были дойти до невозможныхъ предѣловъ. Я бросился прежде всѣхъ въ коляску и усѣлся на заднемъ мѣстѣ. За поднятымъ верхомъ я ничего не могъ видѣть, но какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что maman еще здѣсь.

«Посмотрѣть ли на нее еще, или нѣтъ?.. Ну, въ послѣднiй разъ!» сказалъ я самъ себѣ и высунулся изъ коляски къ крыльцу. Въ это время maman, съ тою же мыслью, подошла съ противоположной стороны коляски и позвала меня по имени. Услыхавъ ея голосъ сзади себя, я повернулся къ ней, но такъ быстро, что мы столкнулись головами; она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣднiй разъ.

Когда мы отъѣхали нѣсколько саженъ, я рѣшился взглянуть на нее. Вѣтеръ поднималъ голубенькую косыночку, которою была повязана ея голова; опустивъ голову и закрывъ лицо руками, она медленно входила на крыльцо. Фока поддерживалъ ее. Папа сидѣлъ со мной рядомъ и ничего не говорилъ; я же захлебывался отъ слезъ, и что-то такъ давило мнѣ въ горлѣ, что я боялся задохнуться... Выѣхавъ на большую дорогу, мы увидали бѣлый платокъ, которымъ кто-то махалъ съ балкона. Я сталъ махать своимъ, и это движенiе немного успокоило меня. Я продолжалъ плакать, и мысль, что слезы мои доказываютъ мою чувствительность, доставляла мнѣ удовольствiе и отраду. Отъѣхавъ съ версту, я усѣлся покойнѣе и съ упорнымъ вниманiемъ сталъ смотрѣть на ближайшiй предметъ передъ глазами — заднюю часть пристяжной, которая бѣжала съ моей стороны... Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пѣгая пристяжная, какъ забивала она одну ногу о другую, какъ доставалъ по ней плетеный кнутъ ямщика, и ноги начинали прыгать вмѣстѣ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея, и на шеѣ кольца, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, покуда эта шлея покрылась около хвоста мыломъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ: на волнующiяся поля спѣлой

ржи, на темный паръ, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись соха, мужикъ, лошадь съ жеребенкомъ, на верстовые столбы, заглянулъ даже на козлы, чтобъ узнать, какой ямщикъ съ нами ѣдетъ; и еще лицо мое не просохло отъ слезъ, какъ мысли мои были далеко отъ матери, съ которой я разстался, можетъ быть, навсегда. Но всякое воспоминаніе наводило меня на мысль о ней. Я вспомнилъ о грибѣ, который нашелъ наканунѣ въ березовой аллеѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Любочка съ Катенькой поспорили, кому сорвать его, вспомнилъ и о томъ, какъ онѣ плакали, прощаясь съ нами. Жалко ихъ, и Наталью Саввишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими [1])—и ту жалко. Все, все жалко. А бѣдная maman?.. И слезы опять навертывались на глаза, но не надолго.

29. Дѣтство.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій.

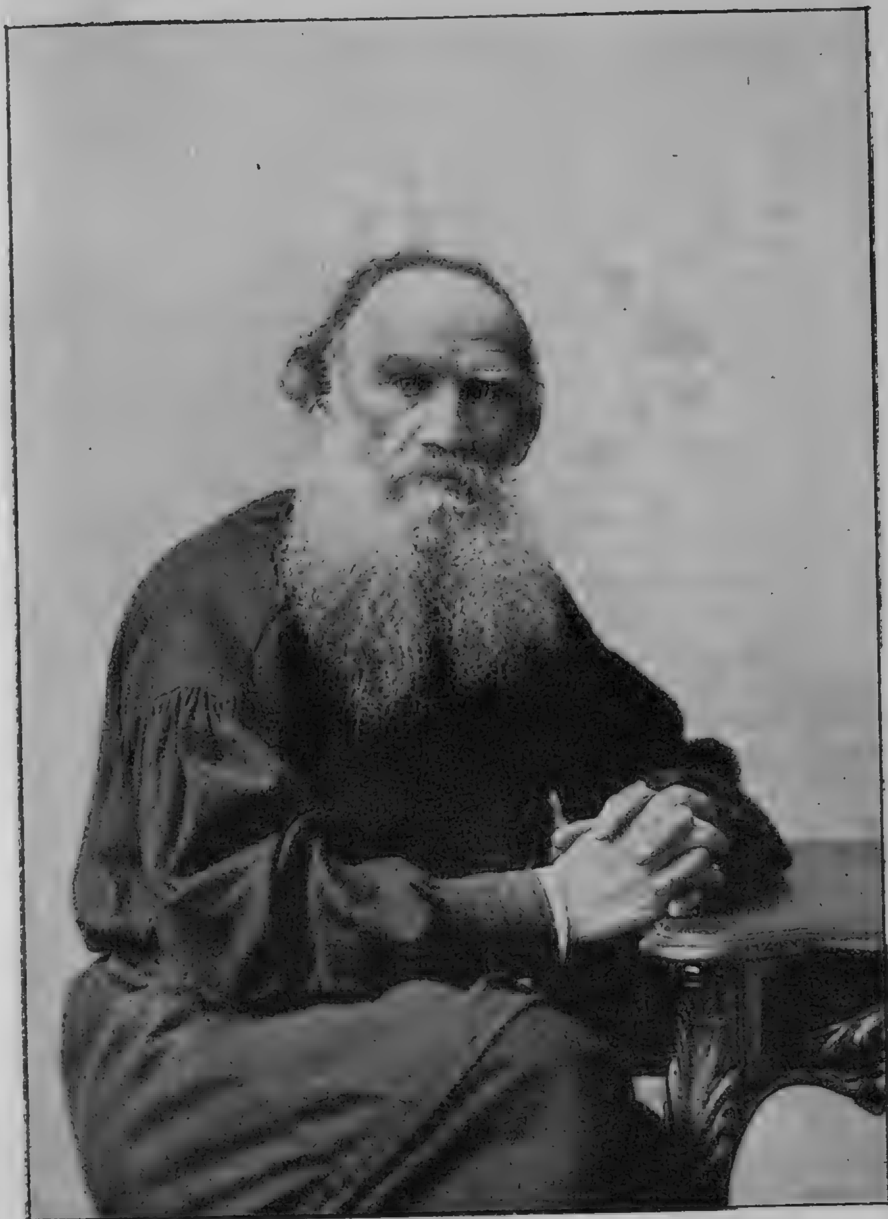
Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать? Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая... лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все такъ же ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такою крошечною. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ, но я пошевелился, и очарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька!—говоритъ мнѣ maman.— Ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко-крѣпко прижмешь ее къ губамъ. Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной

---

[1]) Гувернантка.

ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:

«Вставай, моя душечка; пора итти спать». Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ея; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

«Вставай же, мой ангелъ!»

Она другою рукою беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самаго меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все

это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь?

Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:

— Смотри, люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея?.. Не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно, и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя!— вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни; и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимою матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство. Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Иванычѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ—и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: дай Богъ ему счастія, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всѣмъ готовъ для него пожертвовать... Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку— уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастія всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ. Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви — были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ горячія молитвы, гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленья? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжкіе слѣды въ моемъ сердцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминанія?

Л. Толстой.

Пословицы. У кого дѣтей много, тотъ не забытъ отъ Бога.—Дѣтки хороши—отцу, матери вѣнецъ; худы—отцу, матери конецъ.—При солнцѣ тепло, а при матери добро.—Дѣтушекъ воспитать—не курочекъ пересчитать.

30. Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:
«Ларецъ съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ исподтишка!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою».
Вотъ за ларецъ принялся онъ;
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой,
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ! не такъ, не тамъ!»
Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И, какъ открыть его, никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался.

И. А. Крыловъ.

Пословица. Съ одного конца хитро, съ другого мудренѣе того, а въ середкѣ умъ за разумъ заходитъ.

31. Судъ Божій надъ епископомъ.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.
Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.
Рвутся толпой и голодный и нищій

Въ двери епископа, требуя пищи;
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
Общей бѣдою не тронулся онъ.
Слушать и вопли ему надоѣло;
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.
«Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ».
Такъ говорилъ изумленный народъ.
Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угостить ихъ епископъ Гаттонъ.
Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.
Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: «Будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».
Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.
Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ, что холстины и признака нѣтъ.
Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».
Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».
Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной;
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
«Въ реинской башнѣ спасусь!» говоритъ.
Башня изъ реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.
Въ легкую лодку епископъ садится;

Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.
Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.
Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.
Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ;
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ;
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.
Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.
Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;

Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?
Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили,
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

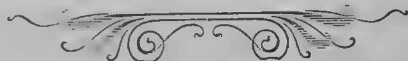
Жуковскій.

32. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
        Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
        Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
        Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
        Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь — будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

М. Ю. Лермонтовъ.

33. Ноябрь.

Слово *ноябрь* происходитъ отъ слова латинскаго *novem*—девять (по-французски *novembre*); онъ и считался въ старину девятымъ мѣсяцемъ. Старинное народное названіе этого мѣсяца—груденъ.

Природа въ ноябрѣ совсѣмъ ужъ измѣняется: не надолго и рѣдко стало показываться къ намъ красное солнышко: встаетъ поздно, поднимется невысоко и не надолго да какъ разъ и закатится; а иногда осеннія тучи такъ заволокутъ небо, что солнцу неоткуда и проглянуть на осиротѣлую землю. Вмѣстѣ съ тѣмъ укоротились и дни, да и погода сдѣлалась суровою: холодный, рѣзкій вѣтеръ, несмотря на осеннюю одежду, пробираетъ до костей, а холодная, твердая земля, съ затянутыми ледяной корою жилками, говоритъ о ночномъ морозѣ. Лугъ, покрытый мѣсяца два тому назадъ пестрымъ ковромъ разнообразныхъ цвѣтовъ, представляетъ теперь сѣрую, наводящую тоску площадь, по которой гуляетъ вѣтеръ, шелестя остатками какой-то поблекшей соломы.

Деревья, подъ густой зеленью которыхъ мы нерѣдко укрывались отъ солнечнаго зноя, стоятъ теперь обнаженными, и только хрустящій подъ ногами листъ напоминаетъ объ ихъ изношенномъ лѣтнемъ нарядѣ. Нѣтъ пестрыхъ мотыльковъ, нѣтъ красивыхъ пташекъ, весело рѣзвившихся въ воздухѣ: все укрылось, все покинуло насъ вмѣстѣ съ краснымъ солнцемъ!

Вотъ пустое гнѣздо ласточки, которая нашла себѣ новый пріютъ на какой-нибудь египетской пирамидѣ; вотъ семья летучихъ мышей, повиснувъ въ дуплѣ дерева, собралась дружно выдержать морозы во время зимней спячки; подъ деревомъ лежитъ свернувшійся клубкомъ ежъ, а еще ниже, подъ землею, забился кротъ въ свою нору; квакавшая въ прудѣ лягушка закуталась въ илъ и въ

тину вмѣстѣ со съежившеюся піявкой, а водяной паучокъ помѣстился уже въ сотканномъ имъ изъ паутины коконѣ, въ который не проникнетъ и самый жестокій морозъ; улитка забилась въ свою раковину, ввинтила ее въ землю и затворилась плотною дверкою.

Все приготовилось встрѣтить зиму, и человѣкъ запасся шубами, печами, двойными рамами.

Нѣжная мать-природа не забыла растеній. Эти обнаженныя теперь деревья, свѣжею, сочною зеленью которыхъ мы любовались весною, подъ тѣнь которыхъ скрывались лѣтомъ, не пропадутъ и зимою: кора защититъ стволъ и сучья, а плотныя кожистыя чешуйки почекъ не допустятъ проникнуть морозу до нѣжной ткани покоящихся въ ней зачатковъ будущихъ вѣтвей, листьевъ и цвѣтовъ. Сама земля, скрывающая въ себѣ тысячи различныхъ сѣмянъ, корневищъ, корней и клубней, покрыта слоемъ опавшихъ листьевъ и остатковъ растеній, но скоро и они исчезнутъ подъ снѣжнымъ покровомъ.

Такимъ образомъ все приготовилось встрѣтить зиму.

Много примѣтъ, много обычаевъ связано у народа съ нѣкоторыми днями ноября мѣсяца; много наблюденій надъ измѣненіями, совершающимися въ природѣ, хранится въ народной памяти и передается изъ устъ въ уста, отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Перваго ноября, день свв. Козьмы и Даміана, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ празднуются *курьи именины*. Такъ, этотъ старый обычай былъ въ прежнее время извѣстенъ и въ Москвѣ.

Въ Толмачевскомъ переулкѣ, за Москвой-рѣкой, женщины собирались вокругъ церкви Козьмы и Даміана съ курами. Усердныя старушки послѣ обѣдни служили молебны. Богатые люди разсылали куръ въ подарки по своимъ роднымъ. Въ селахъ женщины прихаживали съ курами на боярскій дворъ и съ челобитьемъ подносили ихъ своей боярынѣ на *красное житье*. Боярыни отдаривали поселянокъ лентами на *убрусникъ*. Такія челобитныя куры содержались въ почетѣ: ихъ кормили овсомъ и ячменемъ и никогда не убивали. Яйца отъ нихъ считались цѣлебными.

О днѣ восьмого ноября, св. архангела Михаила, существуютъ самыя разнообразныя и разнорѣчивыя поговорки: то вамъ будутъ говорить о *михайловскихъ грязяхъ*; то скажутъ, что день архангела Михаила бываетъ *съ мостомъ;* то—что съ Михайлова дня зима не стоитъ, земля не мерзнетъ, что со дня Михаила архангела зима куетъ морозы. Это разногласіе основано на томъ, что зима устанавливается въ разные сроки и по-разному. Какъ-никакъ, а во второй половинѣ ноября выпадаетъ прочный снѣгъ.

Съ двадцать четвертаго ноября, дня св. Екатерины, начинались въ городахъ зимнія гулянья на саняхъ.

Въ старину, къ этому гулянью бывали особенныя приглашенія. Въ домъ богатаго и зажиточнаго семьянина, гдѣ была осенняя свадьба, сходились всѣ родные смотрѣть, какъ поѣдутъ новобрачные.

Маленькимъ дѣтямъ, именинницамъ, посылали въ подарокъ *козырныя санки съ куклами.* Эта обязанность лежала на тещахъ и на крестныхъ матеряхъ.

Двадцать шестое ноября—осенній Юрьевъ день. Въ старину, когда еще не было крѣпостного права, крестьянамъ позволялось переходить отъ одного помѣщика къ другому около этого дня. Борисъ Годуновъ отмѣнилъ это. Отсюда и пошла пословица: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!»

Наконецъ тридцатаго ноября въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выходили вечеромъ на рѣки, озера и колодцы прислушиваться къ водѣ. Если вода стоитъ спокойно, то это означаетъ, что зима будетъ теплая, безъ метелей. Если вода гудетъ и стонетъ, то это предвѣщаетъ бури, большіе морозы и бѣды.

34. Осенью въ лѣсу.

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу;
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю лѣса красу...
Съ холоду щеки горятъ!
Любо въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать...
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ:
Лѣсъ съ себя тайну совлекъ;
Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнятъ, не взрытъ
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.

А. Майковъ.

35. * * *

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливый караванъ
Тянулся къ югу—приближалась

Довольно скучная пора:
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной,
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ.
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый,
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

А. Пушкинъ.

36. Игра стараго вѣрнаго Вейнемейнена [1] на кантеле [2].

Старый вѣрный Вейнемейненъ,
Вѣковѣчный заклинатель,
Тутъ привелъ въ порядокъ пальцы,
И большихъ два пальца вымылъ,
На скалу отрады вышелъ,
Сѣлъ на камень пѣснопѣнья,
На серебристомъ возвышеньи,
На холмѣ, покрытомъ златомъ.
Взялъ онъ кантеле подъ пальцы,
Ставитъ выгибъ на колѣни,
Взялъ онъ кантеле руками,
Говоритъ слова такія:
«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышалъ раньше,
Эти звуки вѣчныхъ пѣсенъ,
Звуки кантеле—отрады».
Началъ старый Вейнемейненъ
Издавать прекрасно звуки
На тѣхъ гусляхъ рыбьей кости,
На томъ кантеле изъ щуки;
Пальцы быстро поднялися,
Высоко большой поднялся.
Шло веселье за весельемъ,
Кликъ за кликомъ раздавался.
То игра была игрою,

[1]) Одинъ изъ героевъ финскихъ народныхъ пѣсенъ.
[2]) Музыкальный инструментъ.

Пѣнье было по напѣвамъ.
Звукъ издали рыбьи кости,
Дали тонъ тѣ щучьи зубы,
Волоса звучали громко,
Волоса коня звенѣли.
Вотъ играетъ Вейнемейненъ —
Не осталось звѣря въ лѣсѣ,
Изо всѣхъ четвероногихъ,
Звѣря съ длинными ногами,
Чтобъ не шелъ туда послушать
И ликуя подивиться.
Бѣлка весело цѣплялась,
Съ вѣтки прыгала на вѣтку;
Подбѣжали горностаи,
Возлѣ изгороди сѣли;
Лось запрыгалъ на полянѣ;
Даже радовались рыси.
Волкъ проснулся на болотѣ;
На песчаникѣ поднялся
Самъ медвѣдь въ еловыхъ вѣт-
кахъ,
Средь густыхъ зеленыхъ сосенъ;
Волкъ бѣжитъ черезъ болота,
А медвѣдь черезъ дубраву
И садится у забора,
У калитки онъ усѣлся;
Повалилъ заборъ на камни,
На песокъ свалилъ калитку.
На сосну тогда влѣзаетъ,
Лѣзетъ онъ тогда на елку,
Чтобы ту игру послушать,
Чтобы радуясь дивиться.

Мудрый старецъ Тапіолы [1]),
Онъ хозяинъ на Метсолѣ,
Съ нимъ и весь лѣсной народецъ,
Всѣ, и юноши и дѣвы,
Влѣзли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка лѣса—
Эта мудрая старуха,
Вышла въ синенькихъ чулочкахъ,
Подвязавъ ихъ краснымъ бантомъ,
На наростъ березы сѣла,
Въ изгибъ ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтобъ услышать эти звуки.
Всѣ воздушныя летуньи,
Всѣ съ двумя крылами птицы,
Запорхали, прилетѣли,
Прилетѣли и усѣлись,
Чтобъ услышать эти звуки,
Чтобы радуясь дивиться.
Вотъ орелъ услышалъ дома
Эти звуки по Суоми [2]);
Онъ птенцовъ въ гнѣздѣ оставилъ,
Самъ собравшись улетаетъ,
Прямо къ кантеле героя,
Гдѣ игралъ самъ Вейнемейненъ.
Съ высоты орелъ спустился,
Изъ-за тучъ спустился ястребъ,
Изъ потоковъ вышли утки,
Вышли лебеди изъ топей,
Даже зяблики-малютки,
Что такъ весело щебечутъ,
Съ сотней чижиковъ слетѣлись,
Съ ними жаворонки съ поля
Цѣлой тысячей летѣли,
На плечахъ садились старца.
Такъ игралъ отецъ почтенный,
Восхищалъ всѣхъ Вейнемейненъ.
Даже дочери творенья,
Дѣвы воздуха, явились,
И дивяся восторгались,
Слыша кантеле звучанье,
И одна въ воздушномъ сгибѣ
На небесномъ сводѣ сѣла,
А на облакѣ другая
На краю сіяла красномъ.
Дѣва мѣсяца, красотка,
И красавица-дочь солнца
Берда въ ручкахъ задержали
И станки остановили,
Золотую ткань не ткали,
Ткань съ серебряною ниткой,
На окрайнѣ красной тучки,
На краю большого свода.
Но какъ только услыхали
Звуки кантеле драгого,
Берда выпали изъ ручекъ,
Ускользнулъ челнокъ изъ пальцевъ,
Порвалась златая нитка,
Порвался шнурокъ сребристый.
И въ водѣ не оставалось
Никого изъ тѣхъ, кто носитъ
Шесть для плаванія перьевъ,
Не осталось рыбьей стаи,
Что бъ не шла туда послушать,
Чтобы радуясь дивиться.
Собрались подальше щуки,
Водъ негибкія собаки;
Собрались отъ рифовъ семги,
Изъ глубинъ сиги приплыли,
Выплылъ окунь красноглазый,
Плыли корюшки; всѣ рыбы
Въ камыши уткнулись грудью,
Вышли на берегъ послушать
Вейнемейнена напѣвы,
На игру полюбоваться.
Ато, этотъ царь потоковъ,
Съ травяной брадою старецъ,
Выплылъ тоже на поверхность,
На цвѣткѣ морскомъ онъ выплылъ.
Слышитъ дивные тѣ звуки,
Говоритъ слова такія:
«Не слыхалъ нигдѣ я раньше
Ничего, что бъ такъ звучало,
Какъ играетъ Вейнемейненъ,
Этотъ вѣчный заклинатель».

[1]) Тапіо.
[2]) Финляндія.

Сотко [1]) дочери у брега,
Тростниковыя сестрицы,
На морскомъ прибрежьи сидя,
Волоса свои чесали,
То чела ихъ украшенье,
Золотистою щетиной,
Серебромъ обитой щеткой.
Услыхали эти звуки—
Соскользнула щетка въ воду,
Быстро въ волны повалилась:
Такъ волосъ не расчесали,
Развѣ только вполовину.
Наконецъ воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась изъ глуби моря,
Выплываетъ осторожно,
Проползла въ тростникъ прибрежный
И на рифѣ тамъ усѣлась,
Чтобъ послушать эти звуки,
Вейнемейнена напѣвы.
Звуки чудно раздавались,
И игра была прекрасна.
Задремала водъ хозяйка,
И, заснувши, наклонилась
Наверху скалы пестрѣвшей,
На краю большого камня.
Старый вѣрный Вейнемейненъ
День играетъ и другой день;
Не осталося героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа
Ни жены, носящей косы,
Кто бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронуло бы сердце.
Плачутъ юные и старцы,
Плачутъ люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачутъ также и дѣвицы,
Плачутъ дѣвочки-малютки.
Такъ чудесны эти звуки,
Такъ играетъ дивно старецъ...
Плачетъ старый Вейнемейненъ,
Слезы катятся обильно,
Изъ очей сбѣгаютъ капли,
Тѣ жемчужины стекаютъ;
Ячменя онѣ крупнѣе,
Больше ягодки болотной,
Покрупнѣй яйца тетерки,
Головы касатки больше.
Изъ очей водица каплетъ,
Сильно каплями сбѣгаетъ.
И на челюсти стремится,
По щекамъ бѣжитъ прекраснымъ,
А со щекъ она сбѣгаетъ
На широкій подбородокъ,
Съ подбородка же стремится
По груди высокой старца
На крѣпчайшія колѣни,
А съ колѣнъ крѣпчайшихъ этихъ
На подъемъ ноги высокой,
А съ ноги высокой старца
Ужъ на землю подъ ногами,
Черезъ пять катится куртокъ,
Шесть златистыхъ подпоясокъ
Да чрезъ семь рубашекъ синихъ,
Черезъ восемь штукъ кафтановъ.
Такъ роняетъ Вейнемейненъ
Водяныя капли старый
На морское побережье,
А съ морского побережья
Въ глубину воды блестящей,
На чернѣющую тину.
Молвитъ старый Вейнемейненъ,
Говоритъ слова такія:
«Нѣтъ ли здѣсь межъ молодежью,
Между юными толпами,
Въ этомъ племени обширномъ,
Изъ сыновъ кто не найдется ль,
Кто бъ собралъ мнѣ эти слезы,
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ?»
Отвѣчали молодые,
Такъ ему сказали старцы:
«Нѣту здѣсь межъ молодежью,
Между юными толпами,
Въ этомъ племени обширномъ,
Изъ сыновъ здѣсь не найдется,
Кто бъ собралъ тебѣ тѣ слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ».
Молвитъ старый Вейнемейненъ,
Говоритъ слова такія:

---

[1]) Сотко—утка.

«Кто мои достанетъ слезы,
Водяныя вынетъ капли
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
Дамъ тому изъ перьевъ платье».
Подошелъ, закаркавъ, воронъ.
Молвитъ старый Вейнемейненъ:
«Принеси мнѣ, воронъ, слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».
Не досталъ въ водѣ слезъ воронъ.
Утка синяя то слышитъ,
Утка синяя подходитъ.
Молвилъ старый Вейнемейненъ:
«Утка синяя, ты часто
Въ глубину уходишь съ клювомъ,
Любишь свѣжую водицу—
Собери пойди мнѣ слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ;
Будетъ славная награда:
Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».
Собирать уходитъ утка
Вейнемейненовы слезы
Изъ глубокихъ водъ блестящихъ.
Тамъ, на черномъ, темномъ илѣ
Собрала по морю слезы,
Принесла ихъ въ руки Вейно.
Слезы видъ другой имѣли
И прекрасно измѣнились:
Заблестѣли, точно жемчугъ,
Голубымъ сверкали блескомъ,
Чтобъ царю служить украсой,
Вѣчной мощному утѣхой.

37. Садко купецъ, богатый гость.

Жилъ-былъ Садко, богатый гость,
Все-то у Садка́ по-небесному:
На небѣ солнце—во теремѣ солнце,
На небѣ звѣзды—во теремѣ звѣзды,
На небѣ мѣсяцъ—во теремѣ мѣсяцъ:
Все-то у Садка́ по-небесному.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирамъ ходилъ—игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,

Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть во гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался*),
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть во гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть во гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
«А и же ты, Садко новгородскіій!
Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
За твои за утѣхи великія,
За твою-то игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгородъ
И ударь о великъ закладъ,
Заложи свою буйну голову
И выряжай съ прочихъ купцовъ
Лавки товара краснаго
И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
Есть рыба—золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди—свяжи шелковый неводъ
И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
Дамъ три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.

*) Испугался.

Какъ тутъ Садко новгородскіій
Сталъ играть во гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садка попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
«А и же вы, купцы новогородскіе!
Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ:
А есть рыба—золоты перья въ Ильмень-озерѣ».
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты перья».—
«А и же вы, купцы новогородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара краснаго».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро,
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку—золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку—золоты перья.
Тутъ купцы новогородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце—и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ—и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

Потомъ Садко купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскіихъ
И тыихъ настоятелей новгородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,

Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новогородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
Похвальбамы всѣ похвалялися.
Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ,
Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тóщится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется.
А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородскіе,
Худые товары и добрые!»
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новогородскіе
Ударили о великъ закладъ
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новогородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ во гостиный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ-ранó,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавéзено
На тую на славу на великую новогородскую.
Опять выкупалъ товары новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,

Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавёзено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта—
Още повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскіій:
Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во рѣку Неву,
А со Невы рѣки въ сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синéмъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«А и же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
Требуетъ дани во сине море.
А и же, братцы, дружинушка хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,

Спущайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Видно, царь морской требуетъ
Живой головы во сине море.
«Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны,
Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдетъ,
Таковому итти въ сине море».
Дѣлали жеребья волжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья во сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по водѣ пловутъ,
А у Садка купца ключомъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А и же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны.
Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
А я сдѣлаю жеребей волжаный».
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ во воды пловутъ,
А у Садка купца ключомъ на дно...
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«А и же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
Самого Садка богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,

Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣніе нищей братіи,
Иное имѣнье молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
«А и же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мнѣ гуселки яровчаты
Поиграть ли мнѣ въ остатнее:
Больше мнѣ въ гуселки не игрывати;
Али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?»
Взимаетъ онъ гуселки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли, какъ черные вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ,
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ Царь морской,
Голова у Царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ Царь таковы слова:
«А и же ты, Садко купецъ, богатый гость!
Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
Мнѣ, царю, дани не плачивалъ,
А нонь весь ко мнѣ пришелъ во подарочкахъ.
Скажутъ, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
Поиграй же мнѣ въ гуселки яровчаты».
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другія
Да игралъ еще Садко и третьии,
А все пляшетъ царь морской въ синемъ морѣ—
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало много гинуть имѣньицевъ,

Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.
Какъ тронуло Садка во плечо во правое:
«А и же ты, Садко новгородскіій!
Полно играть въ гуселышки яровчаты!»
Обернулся—глядитъ Садко новгородскіій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говорилъ Садко новгородскіій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ,
Приказано играть въ гуселки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: у меня струночекъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчаты.
Скажетъ тебѣ Царь морской:
Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?
Говори ему таковы слова:
У меня воля не своя во синемъ морѣ.
Опять скажетъ Царь морской:
Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.
Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
Такъ перво триста дѣвицъ пропусти
И друго триста дѣвицъ пропусти
И третье триста дѣвицъ пропусти:
Позади идетъ дѣвица-красавица,
Красавица, дѣвушка Чернавушка.
Бери тую Чернаву за себя замужъ...
Будешь, Садко, во Новѣградѣ...
А на свою безсчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы Можайскому».
Садко струночки въ гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему Царь морской:
«А и же ты, Садко новгородскіій!
Что же не играешь въ гуселки яровчаты?»—
«У меня струночки въ гуселкахъ выдернулись,
А шпенечки во яровчатыхъ повыломались,
А струночекъ запасныхъ не случилося,
А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?»
Говоритъ ему Садко новгородскіій:

«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять говоритъ Царь морской:
«Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу».
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
Поглядитъ—идетъ триста дѣвушекъ красныихъ:
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ
И друго триста дѣвицъ пропустилъ
И третье триста дѣвицъ пропустилъ:
Позади шла дѣвица-красавица,
Красавица—дѣвица Чернавушка:
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ проснулся Садко во Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые кораблики по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
Не бывать Садку со синя моря!
А дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садко во синемъ морѣ!»
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садко во синемъ морѣ,
Очутился впереди насъ въ Новѣградѣ,
Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
    Брала Садко за бѣлы руки,
    Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыихъ кораблей,
Состроилъ церкву соборнюю Миколы Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко за сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

38. Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ и полъ и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,

Хоть по-міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя ли,—говоритъ,—помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: «Эхъ, свѣтъ!
Не надобно было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ: «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить».
— «Эхъ, братцы, это все не такъ»,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить».
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ и впрямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ. *И. А. Крыловъ.*

Пословица. Меньше говори, да больше дѣлай.

39. Горшеня.

Горшеня ѣдетъ—дремлетъ съ горшками. Догналъ его осударь Иванъ Васильевичъ.

— Миръ по дорогѣ!

Горшеня не оглянулся.

— Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ.

— Знать, вздремалъ?

— Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ.

— Экой ты смѣлый, Горшеня! Люблю этакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А что, Горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?

— Сызмолоду; да вотъ и середовый сталъ.

— Кормишь дѣтей?

— Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ.

— Хорошо, Горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа.

— Да, ваше царское величество, на свѣтѣ есть три худа.

— А какія три худа, Горшенюшка?

— Первое худо—худой шаберъ [1]), а второе худо—худая жена, а третье худо—худой разумъ.

— А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?

— Отъ худого шабра уйду, отъ худой жены—тоже можно, а отъ худого разума не уйдешь—все съ тобой.

— Такъ, вѣрно, Горшеня! Ты мозголовъ. Слушай! ты для меня, а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному [2]) покинешь [3])?

— Годится, такъ покину—какъ придетъ; а то и наголо.

— Ну, Горшеня, постой на часъ! Я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился, началъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть, и показались [4]) ему три тарелочки глиняны.

— Ты надѣлаешь мнѣ этакихъ?

— Сколько угодно вашему царскому величеству?

— Возовъ десятокъ надо.

— На много ли дашь время?

— Мѣсяцъ.

— Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, а ты для меня.

— Спасибо, Горшенюшка.

— А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ?

— Буду въ дому у купца въ гостяхъ.

Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы вся глиняная.

Горшеня кончилъ заказъ царскій и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ Горшенѣ и говоритъ ему:

— Богъ за товаромъ, Горшеня!

— Просимъ покорно.

— Продай мнѣ весь товаръ.

— Нельзя, по заказу.

— А что тебѣ, ты бери деньги—не повинятъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, что возьмешь?

— А вотъ что: каждую посудину насыпать полну денегъ.

— Полно, Горшенюшка, много!

— Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать—хочешь?

И сладили.

— Ты для меня, а я для тебя.

Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ—товару все много.

---

[1]) Сосѣдъ.

[2]) Правильное перо въ хвостѣ у птицы, она имъ правитъ, какъ рулемъ.

[3]) Оставишь.

[4]) Понравились, приглянулись.

— Какъ быть, Горшенюшка?

— Ну, нечего дѣлать, я тебя уважу—только знаешь что! свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ и всѣ деньги.

Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—сладили. Выпрягли лошадь—сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ споръ [1]) дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ да везетъ.

— До коихъ же мѣстъ везти тебя?

— Вотъ до этого двора и до этого дому.

Весело поетъ Горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ [2]). Осударь услыхалъ, выбѣгъ на крыльцо—призналъ Горшеню.

— Ба! Здравствуй, Горшенюшка, съ пріѣздомъ!

— Благодарю, ваше царское величество.

— Да на чемъ ты ѣдешь?

— На худомъ-то разумѣ, осударь.

— Ну, мозголовъ, Горшеня! Умѣлъ товаръ продать. Бояринъ! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, Горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, Горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! Немного послужилъ, да много услужилъ—а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, Горшеня, прилетали гуси съ Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?

— Нѣтъ, наголо, великій осударь, всего ощипалъ.

Народная шуточная сказка.

Загадки. Жилъ-былъ, много душъ кормилъ; умеръ — ни погребенья ни поминовенья.—На топталѣ былъ, на кружалѣ былъ, на базарѣ былъ, домой пришелъ.—Никто не таковъ, какъ Иванъ Дураковъ: сѣлъ на конь да поѣхалъ въ огонь.—На горѣ родился, въ огнѣ крестился—ихъ!.. расшибся (горшокъ).

40. Котъ и поваръ.

Какой-то поваръ, грамотей,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ бочонкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курчонкомъ.
«Ахъ, ты, обжора! Ахъ, злодѣй!»
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
«Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?

[1]) Спорится, удается, хорошо идетъ.
[2]) Громче запѣлъ.

(А Васька все-таки курчонка убираетъ).
Какъ! Бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ,
А ты... Ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
«Котъ Васька плутъ! котъ Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!»
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить:
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

И. А. Крыловъ.

41.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской.
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;

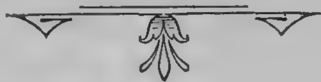
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ.

42. Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березника и вязу
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число;
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта,
И говоритъ: «Сосѣдъ, что за причина эта?
Деревья-таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?»
«Въ томъ», отвѣчалъ сосѣдъ:
«Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ—
Въ терпѣньѣ».

И. А. Крыловъ.

43. Декабрь.

Слово *декабрь*—значитъ *десятый* (по-гречески *дека*, по-латыни *decem*—значитъ *десять*). Это—первый зимній мѣсяцъ.

Перваго декабря празднуется память пророка Наума. Въ этотъ день наши предки обыкновенно начинали учить своихъ дѣтей грамотѣ и, молясь вспоминаемому въ этотъ день святому, говорили: «Батюшка Наумъ! наведи на умъ!» Поговорка эта сохранилась и до сихъ поръ.

Родители обучаемаго заранѣе условливались съ учителемъ—чаще всего это былъ приходскій дьячокъ — о томъ, чтобы онъ научилъ грамотѣ ихъ сына. Перваго декабря все семейство отправлялось въ церковь; послѣ обѣдни служили молебенъ о томъ, чтобы Господь помогъ мальчику успѣшно начать и преодолѣть трудное ученье. Учитель являлся въ назначенное время въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю съ просьбами научить уму-разуму и за лѣность учащать побоями. Мать, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всемъ околоткѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, обязанъ былъ сотворить ему три зем-

ныхъ поклона. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сажала сына за столъ, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывалъ азбуку, и начиналось ученье: азъ, земля, еръ — азъ. Мать плакала еще пуще и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ *азъ* оканчивался первый урокъ (отсюда выраженіе: «ни аза въ глаза»). Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками. Отецъ награждалъ учителя платьемъ или хлѣбомъ, мать—полотенцемъ отъ своихъ трудовъ. Проводы и угощенія продолжались до воротъ. На другой день ученика отправляли къ учителю съ указкой и азбукой. Матушка снабжала сынка огромнымъ завтракомъ и подаркомъ для учителя.

6 декабря—память особо чтимаго русскимъ народомъ св. Николая. Объ этомъ днѣ существуетъ множество поговорокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ.—Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ.—Провезли зиму на санкахъ до Николы, вотъ тебѣ и оттепель.—Коли зима до Николина дня слѣдъ заметаетъ, дорогѣ не стоять.—Хвали зиму послѣ Николина дня.—Всѣ эти поговорки заключаютъ въ себѣ различныя наблюденія относительно хода зимы. Кромѣ того, существуютъ и другого рода поговорки объ этомъ днѣ. Въ старину въ этотъ день въ городахъ и деревняхъ устраивались въ складчину особые пиры, которые поэтому носили названіе братчины Никольщины. Нѣкоторыя изъ существующихъ поговорокъ и упоминаютъ объ этомъ обычаѣ; напримѣръ: Никольщина красна пивомъ да пирогами.—Звали бабы Никольскихъ ребятъ брагу варить, а того бабы не вѣдали, что ребята брагу только пьютъ.—Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится, и т. п.

День двѣнадцатаго декабря называютъ *солоноворотомъ*, *поворотникомъ*, *поворотомъ*: съ этого дня начинаютъ прибывать дни, а зима точно все больше и больше входитъ въ силу; поэтому говорятъ, что съ этого дня «солнышко на лѣто, а зима на морозъ». Святого Спиридонія, память котораго празднуется въ этотъ день, въ народѣ называютъ «Спиридономъ-поворотомъ», «Спиридономъ-солноворотомъ». Существуетъ повѣрье, что солнце съ этого дня наряжается въ праздничный сарафанъ и кокошникъ, садится въ телѣгу и ѣдетъ въ теплыя страны. Зима ходитъ съ этого дня въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и будитъ бабъ ночью топить печи. Если зима ходитъ по полю, то за ней вереницами ходятъ метели и просятъ дѣла. Если ходитъ по лѣсу, то сыплетъ изъ рукава иней. Если по рѣкѣ идетъ, то подъ слѣдомъ своимъ куетъ воду на три аршина. Говорятъ еще, что въ этотъ день медвѣдь ворочается въ берлогѣ съ одного бока на другой.

Съ днемъ 24 декабря, кануномъ Рождества, связано много обычаевъ. Лучше всего эти обычаи сохранились на Украйнѣ. Тамъ въ этотъ день варятъ кутью (пшеница съ медомъ), узваръ (взваръ) изъ сушеныхъ фруктовъ, а молодежь ходитъ колядовать подъ окна

домохозяевъ, т.-е. пѣть особыя *колядскія* пѣсни, за которыя хозяева награждаютъ ихъ всякой рождественской снѣдью. Вотъ нѣкоторыя изъ колядскихъ пѣсенъ, или колядокъ.

1) Ой, коляда, коляда,
Посконная борода,
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто дастъ лепешки —
Золоты окошки,
Кто дастъ каши—
Золотыя чаши;
Кто дастъ свѣжины—
Золотые чугуны.

2) Прикажи-т-ко ты, хозяинъ, коляду просказать...
Мы ищемъ, мы ищемъ господинова двора...
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
На седьми верстахъ, на осьмидесятъ столбахъ...
Что же окола двора да желѣзный тынъ,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Что на всякой же по крестику,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку...
А среди того двора что три терема стоятъ,
Что три терема стоятъ златоверховаты...
Что въ первомъ терему красно солнце...
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ...
Что въ третьемъ терему часты звѣзды...

Съ вечера 25 декабря начинаются у насъ, на Руси, святки, веселое время для всѣхъ возрастовъ:

«Настали святки: то-то радость!»

Утро этого дня дѣти проводятъ въ славленіи. Ходятъ съ вертепомъ и со звѣздою. Вертепъ устраивался прежде въ видѣ ящика о двухъ ярусахъ. Здѣсь помѣщались деревянныя фигуры. Въ верхнемъ ярусѣ изображалась смерть Ирода, а въ нижнемъ Иродіадины пляски. Въ вертепѣ горѣли свѣчи. Славильщики ходили по домамъ и пѣли. За пѣніе награждали деньгами и пирогами.

Хожденіе со звѣздой очень распространено. Звѣзда дѣлается изъ бумаги величиною въ аршинъ, раскрашивается красками и освѣщается свѣчами. Мальчики, ходя по улицамъ, для важности вертятъ звѣзду во всѣ стороны.

Съ 26 декабря начинаются гаданья и переряживанья. О гаданьяхъ разскажемъ отдѣльно. Существуетъ повѣрье, что съ этого вечера начинаются бѣсовскія потѣхи, и что нечистые прилетаютъ тогда на землю. Вѣдьмы летаютъ на шабашъ, скрадываютъ съ неба мѣсяцъ и звѣзды...

Вечеръ 31 декабря, канунъ Новаго года, называютъ въ Малороссіи *щедрымъ вечеромъ* и ходятъ *щедровать,* т.-е. пѣть особыя пѣсни-щедривки.

Хозяйка приготовляетъ къ этому вечеру какъ можно болѣе пироговъ и *кнышей* (пшеничныхъ хлѣбовъ), складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столъ и проситъ мужа *исполнить законъ*. Хозяинъ затепливаетъ передъ иконой восковую свѣчу, куритъ ладаномъ и садится на покутѣ (въ переднемъ углу); входятъ домашніе, молятся Богу и дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ отца изъ-за хлѣба и пироговъ.

— Дѣ жъ нашъ батько?—спрашиваютъ они.

— Хибà жъ вы менè не бàчите? (Развѣ жъ вы меня не видите?)—въ свою очередь, спрашиваетъ онъ.

— Не бàчимо, тàту! (не видимъ, тятя!)—отвѣчаютъ дѣти.

— Дай же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачили (дай же, Боже, чтобъ и на будущій годъ не увидали), т.-е. чтобъ и на слѣдующій годъ всего было вдоволь у нихъ въ домѣ. Затѣмъ всѣ садятся за столъ, и отецъ раздѣляетъ пироги.

Великороссы называютъ этотъ вечеръ Васильевымъ вечеромъ (1 января—память св. Василія Великаго) и особенно усердно гадаютъ, желая по началу года узнать о томъ, какъ онъ пройдетъ для нихъ.

Въ наше время очень распространенъ обычай зажигать на святкахъ елку—обычай, заимствованный нами у нѣмцевъ.

44. Гаданье.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
  Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
  Ярый воскъ топили.
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
  Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
  Пѣсенки подблюдны.

В. Жуковскій.

45. Гаданье.

Никогда русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздольѣ, какъ на святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселости. Молодые люди, среди игръ и веселья, выбираютъ для себя суженыхъ; старики разсказываютъ про старину; старушки разсказываютъ, какъ въ томъ или другомъ случаѣ сбылось какое-нибудь гаданье. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ.

Вся важность святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ.

Святочныя гаданія, совершаемыя доселѣ въ русской семейной жизни, производятся вечерами съ 25 декабря по 5 января, и притомъ въ разное время. Такъ, одни совершаются вечеромъ, другія—въ полночь, а третьи приготовляются ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Перечислимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ, дѣвицы выходятъ на улицу: здѣсь каждая изъ нихъ должна спрашивать объ имени перваго встрѣтившагося ей человѣка. Онѣ вѣрятъ, что такимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это окликаніе производится подъ Новый годъ; дѣвушки тогда выходятъ на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подъ окна чужихъ домовъ и, внимая разговору веселому или скучному, предрекаютъ себѣ такую же жизнь въ замужествѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣнницы, и потомъ въ покояхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитый.

Снимаютъ съ насѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя и мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если клюнетъ золотое кольцо, то это предвѣщаетъ богатую жизнь; серебряное—средній достатокъ; мѣдное—бѣдность.

Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ.

Полуночныя гаданія начинаются послѣ ужина, съ двѣнадцатаго часа ночи. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Вывѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Дѣвушки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка всыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ: «Полю, полю бѣлъ снѣгъ среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженый!» Каждая дѣвушка прислушивается, какъ лаютъ собаки: чѣмъ звонче лай, тѣмъ лучшая судьба ожидаетъ гадающую.

А вотъ одно изъ гаданій, приготовляемыхъ на ночь.

Сбираютъ изъ прутиковъ мостикъ, ставятъ подъ кровать. Дѣвушка, ложась спать, говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ».

Много есть еще различныхъ способовъ гадать; гаданія—остатки нашей родной старины; было время, когда имъ придавалось важное значеніе; теперь же это—только святочная забава для молодежи.

46. Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,

То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка,
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка,
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

А. Пушкинъ.

47. Гостиница въ степи.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится,—шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ.

Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ-отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему навстрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась метель, и студентъ, должно-быть, сбился съ дороги, потому что ночь уже наступала, а родимаго села все еще не было видно.

Нехорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо въ грудь и въ лицо, засыпала его мокрымъ снѣгомъ.

Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодого человѣка; а упади онъ только — и въ полчаса она намела бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣна его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю — и заснуть, заснуть, во что бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодою; съ усиліемъ вытаскивалъ ноги изъ глубокаго снѣгу, но мало подвигался впередъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ бы бѣднякъ непремѣнно, если бъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шелъ студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣтель взвелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолкнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ отъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ-студентъ лишился чувствъ и непремѣнно бы упалъ; но встрѣтившіе его люди поддержали его и посадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледянѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и, вѣрно, очень голоденъ, — сказала она студенту: — поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но, взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено, вѣроятно, въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, — сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: — садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать: онъ чувствовалъ сильный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидѣла противъ него,

облокотясь на столъ, и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется ли ему еще чего-нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если тебѣ это нравится, — отвѣчала добрая женщина, — а я буду звать тебя сыномъ, но благодарить тебѣ меня не за что. Все, что я дала тебѣ, не мое: я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердцѣ говоритъ благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто же Господинъ этого дома, и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностью.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, — сказала ему названная мать: — но Господинъ этого прекраснаго дома никогда не показывается гостямъ, и никто изъ насъ его не видалъ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ, а теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ: должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ же я, бѣдный студентъ, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, — могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ, не мое, — прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь всѣ, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что здѣсь есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи же скорѣе, чѣмъ? что я могу для него сдѣлать? я всѣмъ ему обязанъ — самою жизнью, и готовъ для него отдать ее!

— Онъ требуетъ очень немногаго, — сказала улыбаясь добрая женщина: — помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями, и одолжай каждаго изъ нихъ, чѣмъ можешь — вотъ и все, чего желаетъ Владыка дома.

— Боже мой! — отвѣчалъ студентъ, — да это долгъ каждаго порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? — прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь, потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, — отвѣчала мать: — для каждаго изъ гостей рано или поздно приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дому навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, — прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустилъ голову: — у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько тамъ вдали блеститъ огоньковъ? И числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ Хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ,— добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь ни тамъ! — прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностью и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названнаго сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, — сказала она: — не забывай его никогда и люби его; исполняй его волю; люби его гостей, какъ своихъ братьевъ; служи и помогай имъ, чѣмъ можешь, и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла ли его?—спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не надолго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, — отвѣчала она, — мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я такъ же, какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроенъ этотъ домъ, видѣлъ Хозяина лицомъ къ лицу и разсказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! Посмотри, онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой, какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного

грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ,—сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента:—вотъ сынъ мой; молю тебя, не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударитъ его часъ, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ, замѣни ему меня; мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь,—отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу,—что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ; но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь, впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя: тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться,—сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту:—иди за святымъ отцомъ, не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее, лицо ея было грустно и страшно, страшно блѣдно.

— Прощай,—сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ:—если ты любишь меня, люби и слушайся его,—прибавила она, указывая на него.—Прощай, будь счастливъ.

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины; ему было смертельно жаль разстаться съ ней, но ея уже не было видно, невидимый слуга Владыки унесъ ее. Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ. Онъ оглянулся вокругъ, все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ, сынъ мой,—сказалъ онъ юношѣ:—я любилъ мать твою, и, надѣюсь, мы будемъ друзьями. Пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть. Полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери, слушайся меня, и ты увидишься съ ней, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ убранствомъ, роскошью и красотой зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо; они были украшены золотыми и серебряными звѣздами, и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ и сямъ рукою отличнаго художника. Стѣнъ почти было совершенно не видно: такъ убраны онѣ были роскошными живыми растеніями. Многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами. На вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до того искусно, что глазъ обманется ими, видны были во множествѣ. Фонтаны прохлаждали воздухъ, наполненный ароматами, а полы были устланы дорогими мягкими коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, и счету имъ не было. Дѣйствительно, можно было

подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, если бы повсюду въ окна не глядѣла темная, непроглядная ночь. Все, что сдѣлалъ Хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту. Но, Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости! Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ десятка два гулякъ безчинствовали до того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на нихъ, то на своего сѣдого спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой!—сказалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ:— Боже мой! какъ, должно-быть, прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену, видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О, ему не даровъ своихъ жаль,—возразилъ старикъ:—богатствамъ его нѣтъ счету,—ему жаль этихъ безумцевъ, ему грустно видѣть ихъ лица, слышать ихъ безумныя рѣчи; знать, что они позабыли обязанности гостей и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену, еще болѣе отвратительную: гости передрались между собой за хозяйскія серебряныя блюда и до того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкой. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло, спорили на смерть за то, что никому изъ нихъ не принадлежало, и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда. Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что можно только себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ; онъ умиралъ отъ голоду, но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы кто-нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое!— сказалъ студенту его сѣдой спутникъ:—черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ; онъ не возьметъ съ собой ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ; все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь, но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто-нибудь не коснулся его сокровищъ.

Несмотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе же гости, какъ всѣ? — спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да, это такіе же гости, — отвѣчалъ старикъ, — но ты видишь, какъ съ ними поступаютъ тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе. Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ, и вотъ что они здѣсь дѣлаютъ.

— Но почему же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? — вскричалъ юноша. — Зачѣмъ онъ позволяетъ имъ здѣсь безчинствовать?

— Видишь ли, сынъ мой: онъ любитъ своихъ гостей; онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ, — онъ все ждетъ, не исправятся ли они.

Юноша вспомнилъ, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да, — сказалъ онъ старику: — ихъ дѣйствительно жаль, но пойдемъ же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны Хозяину этого дома, и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, — отвѣчалъ старикъ: — впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца, напоминай имъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома, старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ, но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени тому назадъ. Видя, что безчинство страшно возросло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняютъ слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто Хозяинъ всему дому, — Владыка послалъ къ нимъ единственнаго сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ самаго скромнаго гостя. Онъ не садился за столы съ веселыми и богатыми, но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излѣчивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только чего-нибудь не отнялъ у другихъ, но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто бы велъ себя скромнѣе и смирнѣе сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ отцу своему. Что же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили сына Владыки; убили за то, что, будучи полновластнымъ господиномъ всего, онъ жилъ здѣсь нищимъ, за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, за то, что онъ хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ мой, но старайся сдѣлать все, что только можешь, изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ. Долго ходилъ онъ такъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодого человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу, чѣмъ попало: такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодого человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, не покидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами его отца.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодого человѣка и его сѣдого спутника. Они заглянули туда и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ, черепки разбитыхъ блюдъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вцѣпились другъ другу въ волоса, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи. На полу уже нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену, но болѣе всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою маленькихъ дѣтей, а они, блѣдныя, дрожащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастная мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но между нею и дверьми шла страшная свалка; надъ головой бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ, или задѣнетъ ножомъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая Хозяина дома. Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ эту минуту: «Иди и спасай!» Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, вынесъ почти на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодого человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: «Ты кончилъ свое дѣло; теперь усни спокойно».

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что тяжело былъ раненъ ножомъ въ грудь, и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодого человѣка, и онъ непремѣнно упалъ бы на полъ, если бъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

«Я умираю», подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: «Ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мной: Владыка дома зоветъ тебя».

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго; онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга; вскрикнулъ—и проснулся!

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника, а мать съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобъ Онъ возвратилъ ей ея старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библія въ истертомъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу, ты, наконецъ, очнулся,—сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья?

Молодой человѣкъ, идя по степи, изнемогъ и упалъ, онъ, вѣроятно, погибъ бы, но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ степи, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ этого, но никогда не забывалъ своего сна: ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе, какъ гостиница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый Хозяинъ.

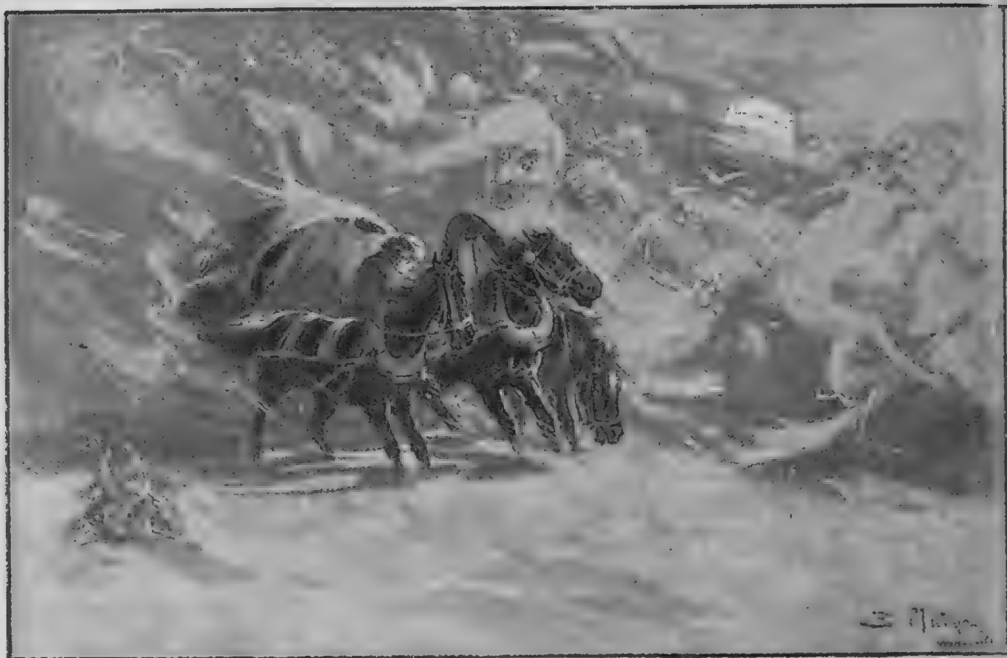
Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это—не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

(*Изъ хрестоматіи «Дѣтскій міръ» Ушинскаго*).

Пословица. У Бога-свѣта съ начала свѣта все доспѣто.

48. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
— Эй, пошелъ, ямщикъ!..—«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;

Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали...—«Что тамъ въ полѣ?»
— Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися,
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

А. С. Пушкинъ.

49. Въ ночь на Рождество.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но зато такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Вѣдьма поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко,

тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли. Вдругъ, съ противной стороны показалось другое пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ козачкѣ. Но зато сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его, но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ: кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огонь для своей люльки; наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ...

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Чортъ подхватилъ ее подъ руку. Морозъ увеличился, и вверху сдѣлалось такъ холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Немудрено, однакожъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу.

Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками. Висѣвшая у

чорта на перевязи при боку ладунка, въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ черезъ трубу и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось. Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами. Морозъ какъ бы потеплѣлъ. Толпа парубковъ и дѣвушекъ показалась съ мѣшками. Пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блещетъ мѣсяцъ! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую...

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни, хохотъ и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились въ волю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ козаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрыкъ, ведрыкъ!
Дайте вареныкъ,
Грудочку кашки,
Кильце ковбаски.

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи (которыя однѣ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! И еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Н. Гоголь.

50. Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и, наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Что жъ за бѣда!

— А видишь, тамъ что? (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ... вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ. Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ,—закричалъ ямщикъ:—бѣда, буранъ!..

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Что же ты не ѣдешь? — спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать?—отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: —невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился:

— И охота было не слушаться,—говорилъ онъ сердито:—воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра; буря бъ утихла — отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!—Савельичъ былъ правъ.

Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели...

А. Пушкинъ.

51. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

52. Е л ь.

Въ лѣсу стояла чудесная елочка. Мѣсто у нея было хорошее, воздуха и свѣта вдоволь; кругомъ же росли подруги постарше—и ели и сосны. Елочкѣ ужасно хотѣлось поскорѣе вырасти; она не думала ни о тепломъ солнышкѣ ни о свѣжемъ воздухѣ, не было ей дѣла и до болтливыхъ крестьянскихъ ребятишекъ, которые собирали въ лѣсу землянику и малину; набравъ полныя корзиночки или нанизавъ ягоды, словно бусы, на тонкіе прутики, они приса-

живались подъ елочку отдохнуть и всегда говорили: «Вотъ славная елочка! Хорошенькая, маленькая!» Такихъ рѣчей деревцо и слушать не хотѣло. Прошелъ годъ, и у елочки прибавилось одно колѣнцо; прошелъ еще годъ, прибавилось еще одно; такъ по числу колѣнцевъ и можно узнать, сколько дереву лѣтъ.

«Ахъ, если бы я была такой же большой, какъ другія деревья!—вздыхала елочка.—Тогда бы я широко раскинула свои вѣтви, высоко подняла голову, и мнѣ бы видно было далеко-далеко вокругъ! Птицы свили бы въ моихъ вѣтвяхъ гнѣзда, и я при вѣтрѣ такъ же важно кивала бы головой, какъ другія!»

И ни солнышко, ни пѣнье птичекъ, ни розовыя утреннія и вечернія облака не доставляли ей ни малѣйшаго удовольствія.

Стояла зима; земля была устлана сверкающимъ снѣжнымъ ковромъ; по снѣгу нѣтъ-нѣтъ, да и пробѣгалъ заяцъ и иногда даже перепрыгивалъ черезъ елочку — вотъ обида! Но прошло еще двѣ зимы, и къ третьей деревцо подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его кругомъ.

«Да, расти, расти и поскорѣе сдѣлаться большимъ, старымъ деревомъ—что можетъ быть лучше этого!» думалось елочкѣ.

Каждую осень въ лѣсу появлялись дровосѣки и рубили самыя большія деревья. Елочка каждый разъ дрожала отъ страху при видѣ падавшихъ на землю съ шумомъ и трескомъ огромныхъ деревьевъ. Ихъ очищали отъ вѣтвей, и они валялись на землѣ такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать ихъ! Потомъ ихъ укладывали на дровни и увозили изъ лѣсу.

Куда? Зачѣмъ?

Весною, когда прилетѣли ласточки и аисты, деревцо спросило ихъ:

— Не знаете ли, куда повезли тѣ деревья? Не встрѣчали ли вы ихъ?

Ласточки ничего не знали, но одинъ изъ аистовъ подумалъ, кивнулъ головой и сказалъ:

— Да, пожалуй! Я встрѣчалъ на морѣ, по пути изъ Египта, много новыхъ кораблей съ великолѣпными высокими мачтами. Отъ нихъ пахло елью и сосной. Вотъ гдѣ они!

— Ахъ, поскорѣй бы и мнѣ вырости да пуститься въ море! А каково это море, на что оно похоже?

— Ну, это долго разсказывать!—отвѣтилъ аистъ и улетѣлъ.

— Радуйся своей юности!—говорили елочкѣ солнечные лучи.— Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненнымъ силамъ!

И вѣтеръ цѣловалъ дерево, роса проливала надъ нимъ слезы, но ель ничего этого не цѣнила.

Около Рождества срубили нѣсколько совсѣмъ молоденькихъ елокъ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже меньше нашей елочки, которой такъ хотѣлось поскорѣе вырасти. Всѣ срубленныя деревца были прехорошенькія; ихъ не очищали отъ вѣтвей, а прямо уложили на дровни и увезли изъ лѣса.

— Куда?—спрашивала ель.—Онѣ не больше меня, одна даже меньше. И почему на нихъ остались всѣ вѣтви? Куда ихъ повезли?

— Мы знаемъ! Мы знаемъ!—прочирикали воробьи.—Мы были въ городѣ и заглядывали въ окна! Мы знаемъ, куда ихъ повезли! Онѣ попадутъ въ такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали въ окна и видѣли! Ихъ ставятъ посреди теплой комнаты и украшаютъ чудеснѣйшими вещами, золочеными яблоками, медовыми пряниками и тысячами свѣчей.

— А потомъ?..—спросила ель, дрожа всѣми вѣтвями.—А потомъ?.. Что было съ ними потомъ?

— А больше мы ничего не видали! Но это было безподобно!

«Можетъ быть, и я пойду такою же блестящей дорогой!»—думала ель.—«Это получше, чѣмъ плавать по морю! Ахъ, я просто изнываю отъ тоски и нетерпѣнья! Хоть бы поскорѣй пришло Рождество! Теперь и я стала такою же высокою и раскидистой, какъ тѣ, что были срублены прошлый годъ! Ахъ, если бъ я уже лежала на дровняхъ! Ахъ, если бы я уже стояла разубранной всѣми этими прелестями, въ теплой комнатѣ! А потомъ что?.. Потомъ, вѣрно, будетъ еще лучше, иначе зачѣмъ бы и наряжать меня! Только, что именно? Ахъ, какъ я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!»

— Радуйся намъ!—сказали ей воздухъ и солнечный свѣтъ.— Радуйся своей юности и лѣсному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла да росла. И зиму и лѣто стояла она въ своемъ зеленомъ уборѣ, и всѣ, кто ни видѣлъ ее, говорили: «Вотъ чудесное деревцо!» Подошло, наконецъ, и Рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже и подумать о будущемъ счастьѣ; грустно было разставаться съ роднымъ лѣсомъ, съ тѣмъ уголкомъ, гдѣ она выросла,— она вѣдь знала, что никогда не увидитъ своихъ милыхъ подругъ—елей и сосенъ, кустовъ, цвѣтовъ, а, можетъ быть, даже и птичекъ! Какъ тяжело, какъ грустно! Деревцо пришло въ себя только тогда, когда очутилось вмѣстѣ съ другими деревьями на дворѣ и услышало возлѣ себя чей-то голосъ:

— Чудесная елка! Такую то намъ и нужно! Явились двое разодѣтыхъ слугъ, взяли елку и внесли ее въ огромную, велико-

лѣпную залу. По стѣнамъ висѣли портреты, а на большой кафельной печкѣ стояли китайскія вазы съ львами на крышкахъ; повсюду были разставлены кресла-качалки, шелковые диваны и большіе столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на нѣсколько сотъ далеровъ [1]).—Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили дѣти. Елку посадили въ большую кадку съ пескомъ, обернули кадку зеленою матеріей и поставили на пестрый коверъ. Какъ трепетала елочка! Что-то теперь будетъ? Явились слуги и молодыя дѣвушки и стали наряжать ее. Вотъ на вѣтвяхъ повисли полныя сластей маленькія сѣтки, вырѣзанныя изъ цвѣтной бумаги, выросли золоченые яблоки и орѣхи, и закачались куклы — ни дать ни взять, живые человѣчки; такихъ елка еще и не видывала. Наконецъ къ вѣтвямъ прикрѣпили сотни разноцвѣтныхъ маленькихъ свѣчекъ, а къ самой вершинѣ елки—большую звѣзду изъ сусальнаго золота. Ну, просто глаза разбѣгались, глядя на все это великолѣпіе!

— Какъ заблеститъ, засіяетъ елка вечеромъ, когда зажгутъ свѣчки!—сказали всѣ.

«Ахъ!»—подумала елка,—«хоть бы поскорѣй насталъ вечеръ, и зажгли свѣчи! А что же будетъ потомъ? Не явятся ли сюда изъ лѣсу, чтобы полюбоваться на меня, другія деревья? Не прилетятъ ли къ окошкамъ воробьи? Или, можетъ быть, я врасту въ эту кадку и буду стоять тутъ такою нарядною и зиму и лѣто?»

Да, много она знала!.. Отъ напряженнаго ожиданія у нея даже заболѣла кора, а это для дерева такъ же непріятно, какъ для насъ головная боль.

Но вотъ зажгли свѣчи! Что за блескъ, что за роскошь! Елка задрожала всѣми вѣтвями, одна изъ свѣчекъ подпалила зеленыя иглы, и елочка пребольно обожглась.

— Ай, ай, — закричали барышни и поспѣшно затушили огонь.

Больше елка дрожать не смѣла. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малѣйшаго изъ своихъ украшеній. Но весь этотъ блескъ просто ошеломлялъ ее... Вдругъ обѣ половинки дверей распахнулись, и ворвалась цѣлая толпа дѣтей; можно было подумать, что они намѣревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшіе. Малыши остановились, какъ вкопанные, но лишь на минуту, а тамъ поднялся такой шумъ и гамъ, что просто въ ушахъ звенѣло. Дѣти плясали вокругъ елки, и мало-по-малу всѣ подарки съ нея были сорваны.

«Что же это они дѣлаютъ?»—думала елка.—«Что это значитъ?»

Свѣчи догорѣли, ихъ потушили, а дѣтямъ позволили обобрать дерево. Какъ они набросились на него! Только вѣтки затрещали! Не будь елка крѣпко привязана верхушкой съ золотой звѣздой къ потолку, они бы повалили ее.

Потомъ дѣти опять принялись плясать, не выпуская изъ рукъ своихъ чудесныхъ игрушекъ. Никто даже не глядѣлъ на елку,

---

1) Датская монета.

кромѣ старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли гдѣ въ вѣтвяхъ яблочка или финика.

— Сказку! Сказку!—закричали дѣти и потащили къ елкѣ маленькаго, толстенькаго господина.

Онъ усѣлся подъ деревомъ и сказалъ:

— Вотъ мы и въ лѣсу! Да и елка кстати послушаетъ. Но я разскажу только одну сказку. Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который хоть и свалился съ лѣстницы, все-таки вошелъ въ честь и добылъ себѣ принцессу?

— Про Иведе-Аведе! — закричали одни.

— Про Клумпе-Думпе!—закричали другіе.

Поднялся крикъ и шумъ; одна елка стояла смирно и думала: «А мнѣ развѣ нечего больше дѣлать?» Она уже сдѣлала свое дѣло!

И толстенькій господинъ разсказалъ про Клумпе-Думпе, который хоть и свалился съ лѣстницы, все-таки вошелъ въ честь и добылъ себѣ принцессу. Дѣти захлопали въ ладоши и закричали:

— Еще, еще!—Они хотѣли послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одномъ Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка,—лѣсныя птицы никогда не разсказывали ничего подобнаго.

«Клумпе-Думпе свалился съ лѣстницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вотъ что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!»—думала елка; она вполнѣ вѣрила всему, что сейчасъ слышала,—разсказывалъ вѣдь такой почтенный господинъ. — «Да, да, кто знаетъ! Можетъ быть, и мнѣ придется свалиться съ лѣстницы, а потомъ и мнѣ достанется принцесса!»

И она съ радостью думала о завтрашнемъ днѣ: ее опять украсятъ свѣчками, игрушками, золотомъ и фруктами!

«Завтра ужъ я не задрожу!»—думала она.—«Я хочу, какъ слѣдуетъ, насладиться своимъ великолѣпіемъ! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а, можетъ статься, и про Иведе-Аведе!»

И деревцо смирно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнемъ днѣ. По утру явились слуга и горничная.

«Сейчасъ опять начнутъ меня украшать!» подумала елка, но они вытащили ее изъ комнаты, поволокли по лѣстницѣ и сунули въ самый темный уголъ чердака, куда даже не проникалъ дневной свѣтъ.

«Что это значитъ?»—думалось елкѣ:— «что мнѣ здѣсь дѣлать? Что я тутъ увижу и услышу?»

И она прислонилась къ стѣнѣ и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи, никто не заглядывалъ къ ней. Разъ только пришли люди поставить на чердакъ какіе-то ящики. Деревцо стояло совсѣмъ въ сторонѣ, и о немъ, казалось, забыли.

«На дворѣ зима»,—думала елка:—«земля затвердѣла и покрылась снѣгомъ; нельзя, значитъ, снова посадить меня въ землю,

вотъ и приходится постоять подъ крышей до весны! Какъ это умно придумано! Какіе люди добрые! Не будь только здѣсь такъ темно и такъ ужасно пусто! Нѣтъ даже ни единаго зайчика!.. А въ лѣсу-то какъ было весело! Кругомъ снѣгъ, а по снѣгу скачутъ зайчики! Хорошо было... Даже, когда они прыгали черезъ меня, хоть меня это и сердило! А тутъ какъ пусто!»

— Пи-пи!—пискнулъ вдругъ мышонокъ и выскочилъ изъ норки, за нимъ еще нѣсколько. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать межъ его вѣтвями.

— Ужасно холодно здѣсь!—сказали мышенята.

— А то совсѣмъ бы хорошо было! Правда, старая елка?

— Я вовсе не стара!—отвѣтила ель.—Есть много деревьевъ постарше меня!

— Откуда ты, и что ты знаешь?—спросили мышенята; они были ужасно любопытны.—Разскажи намъ, гдѣ самое лучшее мѣсто на землѣ? Ты была тамъ? Была ты когда-нибудь въ кладовой, гдѣ на полкахъ лежатъ сыры, а подъ потолкомъ висятъ окорока, и гдѣ можно плясать по сальнымъ свѣчкамъ? Туда войдешь тощимъ, а выйдешь оттуда толстымъ!

— Нѣтъ, такого мѣста я не знаю! — сказало деревцо:— но я знаю лѣсъ, гдѣ свѣтитъ солнышко, и поютъ птички!

И она разсказала имъ о своей юности; мышенята никогда не слыхали ничего подобнаго, выслушали разсказъ елки и потомъ сказали:

— Какъ же ты много видѣла! Какъ ты была счастлива!..

— Счастлива? — сказала ель и задумалась о томъ времени, о которомъ только что разсказывала.

— Да, пожалуй, тогда мнѣ жилось недурно!

Затѣмъ она разсказала имъ про тотъ вечеръ, когда была разубрана пряниками и свѣчками.

— О!—сказали мышенята: — какъ же ты была счастлива, старая елка!

— Я совсѣмъ еще не стара! — возразила ель. — Я взята изъ лѣсу только нынѣшнею зимой! Я въ самой порѣ! Только что вошла въ ростъ!

— Какъ ты чудесно разсказываешь!—сказали мышенята и на слѣдующую ночь привели съ собой еще четырехъ, которымъ тоже надо было послушать разсказы елки.

А сама ель, чѣмъ больше разсказывала, тѣмъ яснѣе припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хорошихъ дней.

— Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упалъ съ лѣстницы, а все-таки ему досталась принцесса! Можетъ быть, и мнѣ тоже достанется принцесса!

При этомъ дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла въ лѣсной чащѣ неподалеку отъ него; она казалась ему настоящей принцессой.

— Кто это Клумпе-Думпе?—спросили мышенята, и ель разсказала имъ всю сказку; она запомнила ее слово въ слово. Мышенята отъ удовольствія чуть не прыгали до самой верхушки дерева. На слѣдующую ночь появилось еще нѣсколько мышей, а въ воскресенье пришли даже двѣ крысы. Этимъ сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышенятъ, но теперь и они перестали уже такъ восхищаться сказкою, какъ прежде.

— Вы только одну эту исторію и знаете?—спросили крысы.

— Только!—отвѣтила ель.—Я слышала ее въ счастливѣйшій вечеръ въ моей жизни; тогда-то я, впрочемъ, еще не сознавала этого!

— Въ высшей степени жалкая исторія! Не знаете ли вы чего-нибудь про жиръ или сальныя свѣчки? Про кладовую?

— Нѣтъ!—отвѣтило дерево.

— Такъ счастливо оставаться!—сказали крысы и ушли.

Мышенята тоже разбѣжались, и ель вздохнула:

— А вѣдь славно было, когда рѣзвые мышенята сидѣли вокругъ меня и слушали мои разсказы! Теперь и этому конецъ... Но ужъ теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда, наконецъ, снова выйду на бѣлый свѣтъ!

Не такъ-то скоро это случилось!

Однажды утромъ явились люди прибрать чердакъ. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на полъ, потомъ слуга поволокъ ее по лѣстницѣ внизъ.

«Ну, теперь, для меня начнется новая жизнь!» подумала елка.

Вотъ на нее повѣяло свѣжимъ воздухомъ, блеснулъ лучъ солнца,—ель очутилась на дворѣ. Все это произошло такъ быстро, вокругъ было столько новаго и интереснаго для нея, что она не успѣла и поглядѣть на самое себя. Дворъ примыкалъ къ саду; въ саду все зеленѣло и цвѣло. Черезъ изгородь перевѣшивались свѣжія благоухающія розы, липы были покрыты цвѣтомъ, ласточки летали взадъ и впередъ и щебетали:

— Квиръ-виръ-витъ! Мой мужъ вернулся!

Но это не относилось къ ели.

— Теперь и я заживу! — радовалась ель, и расправила свои вѣтви.

Ахъ, какъ онѣ поблекли и пожелтѣли!

Дерево лежало въ углу двора, на крапивѣ и сорной травѣ; на верхушкѣ его все еще сіяла золотая звѣзда.

На дворѣ весело играли тѣ самые ребятишки, которые прыгали и плясали вокругъ разубранной елки въ сочельникъ. Самый младшій увидѣлъ дерево и сорвалъ съ него звѣзду.

— Поглядите-ка, что осталось на этой старой, гадкой елкѣ! — сказалъ онъ и наступилъ ногами на ея вѣтви; вѣтви захрустѣли.

Ель посмотрѣла на молодую цвѣтущую жизнь вокругъ, потомъ поглядѣла на самое себя и пожелала вернуться въ свой темный уголъ на чердакъ. Вспомнились ей и молодость, и лѣсъ, и веселый сочельникъ, и мышенята, радостно слушавшіе сказку про Клумпе-Думпе...

— Все прошло, прошло! — сказало бѣдное дерево. — И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришелъ слуга и изрубилъ елку въ куски, вышла цѣлая вязка растопокъ. Какъ славно запылали онѣ подъ большимъ котломъ! Дерево глубоко, глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрѣлы. Прибѣжали дѣти, усѣлись передъ огнемъ и встрѣчали каждый выстрѣлъ веселымъ «пифъ! пафъ!» А ель, испуская тяжелые вздохи, вспоминала ясные лѣтніе дни и звѣздныя зимнія ночи въ лѣсу, веселый сочельникъ и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Такъ она вся и сгорѣла.

Мальчики опять играли на дворѣ; у младшаго на груди сіяла та самая золотая звѣзда, которая украшала елку въ счастливѣйшій вечеръ ея жизни. Теперь онъ прошелъ, канулъ въ вѣчность, елкѣ тоже пришелъ конецъ, а съ ней и нашей исторіи. Конецъ, конецъ! Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ!

Андерсенъ.

Загадки. Весной веселитъ, лѣтомъ холодитъ, осенью питаетъ, зимой согрѣваетъ (дерево).—Развалился черкасъ—никому его не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни намъ, голякамъ (дрова разсыпаются въ угли).—Зимой и лѣтомъ—все однимъ цвѣтомъ (хвойное дерево).

53. Святочное веселье.

— Затѣяли мы разныя святочныя игры, пляски и переодѣванья; шутовства разныя были. Философъ [1]) медвѣдемъ былъ, а нашъ Черный его цыганомъ на цѣпи водилъ, и что онъ тутъ припѣвалъ и присказывалъ, какія намъ гаданья гадалъ, такъ это истинно уму не постижимо, гдѣ все оно у человѣка бралось! Наконецъ стали мы, барышни, подблюдныя пѣсни пѣть и золото хоронить... А изволишь знать, что это за подблюдныя пѣсни? — немножко насмѣшливо спросила Любовь Архиповна.

Я отвѣчала, что знаю.

— Нынче вѣдь вы ничего того не хотите знать, что ваши отцы и матери знали. И золото хоронить знаешь?

— Знаю.

Любовь Архиповнѣ, кажется, не понравилось мое знаніе того, въ чемъ ей хотѣлось упрекнуть насъ, что мы будто не знаемъ.

— Не сама хоронила,—отвѣчала я,—а разспрашивала, и мнѣ сказали.

— Вотъ какъ!—сказала Любовь Архиповна.—Значитъ, дѣло-то выходитъ на старинную поговорку: «Сладки гусиныя лапки.—А ты ихъ ѣдалъ? — Нѣтъ, мой батюшка видалъ, какъ воевода ѣдалъ».

Я попросила Любовь Архиповну повторить мнѣ эту воеводскую поговорку.

— Ну, коли тебѣ сказывали, душа моя, какъ золото хоронятъ, такъ ты изволь послушать, какъ я тебѣ скажу,—сказала она и при-

---

[1]) Такъ называются семинаристы того класса, гдѣ изучается философія.

хлопнула меня немножко по колѣну.—Такой мастерицы и угадчицы, какъ я была, схоронить ли перстень, найти ли его, и во снѣ не снилось другой. Я какъ поведу, бывало, глазами, такъ, кажется, насквозь всѣ руки вижу, и перстень тотъ прямо горитъ мнѣ.

И Любовь Архиповна вступительно разсказала мнѣ, что всѣ играющіе усядутся въ рядъ или полукругомъ, и на серединѣ комнаты остаются двѣ дѣвушки, такія, чтобъ умѣли спѣть и проплясать, и золота не прозѣвать. Одна идетъ золото хоронить по рукамъ, а другая слѣдомъ за ней подмѣчаетъ, гдѣ она его похоронитъ, въ чьи руки. Вотъ первая и начинаетъ пѣть:

Ой, я изъ кута въ кутъ пойду,
Я золотъ перстень хороню,
Хороню, похораниваю,
Я по краснымъ по дѣвушкамъ,
По молодымъ молодушкамъ.

И всѣ подхватываютъ вдругъ:

Гадай, гадай, дѣвица!
Въ коей рукѣ золото
И чистое серебро.
Тебѣ, дѣвкѣ, не отгадать,
А намъ тебѣ не сказать.

А та, которая отгадываетъ, начинаетъ кланяться на всѣ стороны и жалобно проситъ:

Ой, вы, кумки, вы, голубки!
Вы скажите, не потайте!
Меня мати хочетъ бити
Во три прута золотые,
Изъ-подъ печи кочергою.
Не попала, замарала,
Золоты перстни поломала.

Въ теченіе этого пѣнія золото должно быть похоронено, и та, которая хоронила его, начинаетъ съ плескомъ ладонями плясать передъ угадчицей, и всѣ разомъ поютъ:

Ищите золота
Со трубами въ городѣ,
Со свѣчами въ теремѣ,
И золото пропало,
И порохомъ запало,
И мхомъ заросло,
Со двора снесло.

Остановятся всѣ, а одна отгадчица начинаетъ пѣть и плясать:

Палъ, палъ перстень,
И въ ка́лину, и въ ма́лину,
И въ черную смородину.
Очутился перстень

Да у дворянина
Да у молодого,
На правой на ручкѣ,
На пальцѣ мизинцѣ...

И отгадчица поднимаетъ руку и показываетъ, у кого очутился перстень. Если она отгадала, то тотъ, у кого нашелся перстень, идетъ на мѣсто ея отгадывать, а она идетъ золото хоронить. Если же нѣтъ, то опять ей итти отгадывать, а уже хоронитъ золото тотъ, у кого захороненъ былъ перстень.

Кохановская.

54. Морозко.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: «умница!» а падчерица какъ ни угождаетъ—ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится—не скоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобы мои глаза ея не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вези къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!

Старикъ затужилъ, заплакалъ, однако посадилъ дочку на сани; хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ:

— Дѣвушка, дѣвушка, я—Морозъ, красный носъ!

— Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную.

Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало, бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, поджала ножки и сидитъ. Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красну дѣвушку поглядываетъ:

— Дѣвушка, дѣвушка, я—Морозъ, красный носъ!

— Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную.

Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ, красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его

привѣтила, а онъ ей подарилъ платье, шитое серебромъ и золотомъ. Надѣла она—и стала такая красавица, такая нарядница! Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ, напекла блиновъ.

— Ступай, мужъ, вези хоронить свою дочь.

Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ:

— Тявъ, тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!

— Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!

Собачка съѣла блинъ да опять:

— Тявъ, тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!

Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое:

— Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!

Скрипнули ворота, растворились двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица — панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула—и руки врозь!

— Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто!

Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ, красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождался; разсердился, хватилъ ее и убилъ.

— Старикъ, ступай, мою дочь привези; лихихъ коней запряги и саней не повали да сундукъ не оброни!

А собачка подъ столомъ:

— Тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!

Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Народная сказка.

Загадка. Самъ Самсонъ, самъ мостъ мостилъ безъ топора, безъ клинья, безъ подклинья.

55. Январь.

Январь (по названію нашихъ предковъ—*просинецъ*, потому что морозы въ это время таковы, что отъ нихъ *синѣютъ*)—году начало, зимѣ середка.

Въ древней Руси первымъ мѣсяцемъ былъ сначала мартъ. Съ принятіемъ христіанства, при Владимирѣ Святомъ, Церковь предписала считать начало года съ сентября. Однако народъ, преданный своей старой языческой вѣрѣ, привыкшій къ ней, не желалъ слушаться, и только въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, когда было издано постановленіе объ этомъ, во всей Россіи сентябрь былъ признанъ первымъ мѣсяцемъ. Такъ продолжалось до 1700 года, когда Петръ Великій повелѣлъ праздновать начало новаго года перваго января.

На Васильевъ день [1]) въ разныхъ мѣстахъ Россіи совершаются разные обряды: гдѣ варятъ кашу, гдѣ происходитъ засѣваніе, гдѣ—хожденіе по домамъ.

Вареніе каши совершается до свѣта. Старшая въ домѣ изъ женщинъ, ровно въ два часа утра, приноситъ изъ амбара крупъ. Старшій изъ мужчинъ приноситъ воды изъ рѣки или колодца. Крупа и вода стоятъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока истопится печь; до нихъ никто не касается: иначе это сочтется худымъ признакомъ. Когда нужно *затирать* кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитываетъ, размѣшивая кашу: «Сѣяли, ростили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и крупна и румяна; звали - позывали нашу гречу въ Царьградъ побывать, на княжой пиръ пировать; поѣхала греча во Царьградъ побывать со князьями, со боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали

[1]) См. статью „Декабрь".

гречу, дожидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ пировать; пріѣхала наша греча въ намъ гостевать». Послѣ этого всѣ встаютъ изъ-за стола, а хозяйка съ поклонами ставитъ кашу въ печь. Потомъ снова садятся за столъ въ ожиданіи каши. Когда поспѣетъ каша, тогда, вынимая горшокъ изъ печи, хозяйка говоритъ, какъ бы обращаясь къ кашѣ: «Милости просимъ къ намъ во дворъ со своимъ добромъ». Прежде всего осматриваютъ, полонъ ли горшокъ. Нѣтъ болѣе несчастія, если каша вылѣзетъ изъ горшка вонъ: это явная бѣда всему дому. Худое предвѣщаетъ, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ ножомъ пѣнку: каша красная, полная предвѣщаетъ счастье всему дому, будущій урожай. Каша мелкая, бѣлая угрожаетъ бѣдами. Хорошую кашу съѣдаютъ; худую выбрасываютъ въ рѣку.

При *засѣваніи зеренъ* совершаются различные обряды, смотря по мѣстности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, дѣти, разсыпая зерна ярового хлѣба, говорятъ: «Уроди, Боже, всякаго жита по закрому, что по закрому да по великому, а и стало бы жита на весь міръ крещеный». Старшая женщина собираетъ на полу зерна и хранитъ до посѣва.

Хожденіе по домамъ сохранилось только кое-гдѣ, ходятъ подъ окна сбирать пироги и свиныя ноги, приговаривая: «свинку да боровка выдай для Васильева вечерка».

Замѣчено, что въ нѣкоторые дни января морозъ особенно усиливается. Смотря по церковному значенію этого дня, морозы носятъ различныя названія: крещенскихъ, аѳанасьевскихъ (18 числа), тимоѳеевскихъ (22), иначе называемыхъ полузимниками. Однако зная, что ужъ все-таки дѣло теперь не къ зимѣ, обращаясь къ крещенскому морозу, говорятъ: «Трещи, не трещи, а минули водокрещи».

Святки, съ ихъ удовольствіями, продолжаются до крещенскаго сочельника, а тамъ ужъ грѣхъ гадать, а въ особенности переряживаться—бѣса тѣшить.

На дверяхъ жилыхъ помѣщеній, погребовъ, амбаровъ, хлѣвовъ ставятъ мѣломъ кресты, и бѣсъ больше не имѣетъ туда доступа. 6 января ходятъ на іордань.

Поговорки. Морозъ не великъ, да стоять не велитъ.—Въ зимній холодъ всякій молодъ.—Лѣтній день за зимнюю недѣлю.

56. Двѣнадцать мѣсяцевъ.

Жила-была когда-то крестьянка; она осталась вдовою съ двумя дочерьми. Старшая была ей падчерица, и звали ее Добрунка; другая—родная дочь, по имени Злобога, и была она такъ же зла, какъ и ея мать. Крестьянка любила свою дочь, а Добрунки терпѣть не могла, просто потому, что та была настолько же хороша собою, насколько безобразна ея родная дочь. Кроткая и милая Добрунка и не знала, что она красавица; поэтому она никакъ не могла понять, почему ея мачеха приходила въ бѣшенство отъ одного ея вида. Бѣдная дѣвушка справляла всю домашнюю работу; ей при-

ходилось и мести, и стряпать, и стирать, и шить, и прясть, и ткать, и ходить за коровой, и косить траву. Злобога же жила принцессой, то-есть ничего не дѣлала.

Добрунка охотно работала и съ кротостью ягненка терпѣла и попреки и колотушки. Ничто не смягчало злости ея мачехи, потому что падчерица хорошѣла съ каждымъ днемъ, а родная дочь съ каждымъ днемъ становилась безобразнѣе.

—«Вотъ онѣ и невѣстами стали», думала мать: «скоро явятся и женихи; они не станутъ свататься къ моей дочери, когда увидятъ эту ужасную Добрунку. Она на зло мнѣ хорошѣетъ. Надо во что бы то ни стало избавиться отъ нея».

Какъ-то разъ, въ половинѣ января, Злобогѣ захотѣлось фіалокъ.

— Ступай, Добрунка, набери мнѣ въ лѣсу букетъ фіалокъ; я приколю его себѣ къ поясу и буду его нюхать.

— Боже мой, сестра, что это пришло тебѣ въ голову! Развѣ растутъ подъ снѣгомъ фіалки?

— Молчи, глупая дѣвчонка,—сказала Злобога,—дѣлай, что тебѣ приказываютъ. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь мнѣ букетъ фіалокъ, я исколочу тебя.

Мать схватила Добрунку за локоть, выбросила ее за двери и задвинула задвижку.

Бѣдная дѣвушка со слезами пошла въ лѣсъ. Весь лѣсъ завалило снѣгомъ, не было протоптано ни одной дорожки. Добрунка заблудилась, ей захотѣлось ѣсть, отъ холода она вся дрожала. И стала она просить Бога, чтобы Онъ поскорѣе послалъ ей смерть. Вдругъ увидѣла она вдали огонекъ. И вотъ она идетъ туда, спѣшитъ, влѣзаетъ на верхушку скалы. А тамъ былъ разложенъ большой костеръ; вокругъ костра было двѣнадцать камней, и на каждомъ камнѣ неподвижно сидѣлъ кто-то, съ ногъ до головы закутанный въ плащъ. На троихъ плащи были бѣлые, какъ снѣгъ, на троихъ—зеленые, какъ трава, на троихъ—золотистые, какъ спѣлая рожь, а еще на троихъ—фіолетовые, какъ зрѣлыя гроздья винограда. Эти закутанные въ плащи незнакомцы, молча смотрѣвшіе на огонь, были двѣнадцать мѣсяцевъ года.

Добрунка узнала Январь, по его длинной бѣлой бородѣ; онъ одинъ держалъ въ рукѣ палку.

Бѣдная дѣвушка очень испугалась; она подошла и робкимъ голосомъ сказала:

— Добрые господа, позвольте мнѣ погрѣться у вашего огня, я совсѣмъ обледенѣла.

Январь кивнулъ ей головой.

— А зачѣмъ пришла ты сюда, дочь моя?—спросилъ онъ.—Чего ты ищешь?

— Я ищу фіалокъ,—отвѣчала Добрунка.

— Теперь не время, фіалокъ нѣтъ въ снѣгу,—грубымъ голосомъ сказалъ Январь.

— Я знаю,—печально отвѣтила Добрунка,—но мать и сестра прибьютъ меня, если я имъ не принесу фіалокъ. Добрые господа, скажите, гдѣ бы мнѣ ихъ найти.

Старикъ Январь всталъ со своего камня и, обратившись къ молодому человѣку въ зеленомъ плащѣ, далъ ему въ руки свою палку:

— Братъ мой Мартъ, это твое дѣло.

Мартъ поднялся съ камня и началъ мѣшать огонь въ кострѣ. Поднялось вверхъ пламя, снѣгъ началъ таять, закраснѣлись почки на вѣтвяхъ деревьевъ, травка зазеленѣла у корней, распустились и фіалки.

— Скорѣй, дитя мое, нарви себѣ фіалокъ,—сказалъ Мартъ.

Добрунка нарвала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать мѣсяцевъ и весело побѣжала домой. Кто же удивился? Удивилась Злобога, удивилась злая мачеха. А по всему дому разливался ароматъ фіалокъ.

— Гдѣ это ты нашла эти прелести?—съ презрѣніемъ спросила Злобога.

— Тамъ, на горѣ,—отвѣчала ей сестра,—точно синій коверъ стелется тамъ подъ кустами.

Злобога приколола букетъ фіалокъ себѣ къ поясу и даже спасибо не сказала бѣдной дѣвушкѣ.

На другой день злая сестра, сидя у печки, захотѣла земляники.

— Ступай въ лѣсъ за ягодами,—сказала она Добрункѣ.

— Боже мой, сестрица, что это тебѣ вздумалось! Развѣ бываетъ земляника подъ снѣгомъ?

— Молчи, глупая дѣвчонка; дѣлай, что приказываютъ. Если ты не пойдешь въ лѣсъ да не принесешь мнѣ корзинку ягодъ, я исколочу тебя.

Мать схватила Добрунку за руку, выбросила ее за дверь и задвинула тяжелую задвижку.

Бѣдная дѣвушка опять пошла въ лѣсъ и начала искать глазами вчерашній огонекъ. По счастью, она увидѣла его и пришла къ костру, дрожа всѣмъ тѣломъ и обледенѣвъ отъ холода.

Двѣнадцать мѣсяцевъ сидѣли неподвижно на своихъ мѣстахъ и молчали.

— Добрые господа, позвольте мнѣ погрѣться у вашего огня: я совсѣмъ закоченѣла.

— Зачѣмъ ты опять пришла? — сказалъ Январь: — чего ты ищешь?

— Я ищу земляники,—отвѣчала она.

— Теперь не время,—продолжалъ Январь грубымъ голосомъ:— земляника не бываетъ подъ снѣгомъ.

— Я знаю,—печально сказала Добрунка: — но мать и сестра изобьютъ меня, если я не принесу имъ земляники.—Добрые господа, научите, гдѣ бы мнѣ ее найти.

Старикъ Январь всталъ съ камня и, обратившись къ человѣку, закутанному въ золотой плащъ, вложилъ ему въ руку свою палку.

— Братъ мой, Іюнь, это ужъ твое дѣло,—сказалъ онъ.

Вотъ Іюнь всталъ съ камня и началъ мѣшать огонь палкой.

Поднялось пламя къ небу, снѣгъ растаялъ, земля зазеленѣла, деревья покрылись листьями, птицы запѣли, цвѣты распустились, наступило лѣто. Тысячи бѣленькихъ цвѣточковъ замелькали въ травѣ, а потомъ закраснѣлись въ зеленыхъ чашечкахъ и ягодки, точно рубины среди изумрудовъ.

— Скорѣй, дитя мое, сбирай ягодки,—сказалъ Іюнь.

Добрунка набрала полный передникъ земляники, поблагодарила двѣнадцать мѣсяцевъ и весело побѣжала домой. Кто же удивился? Удивилась Злобога, удивилась мачеха. А отъ земляники по всему дому разносился ароматъ.

— Гдѣ это ты нашла такія прелести?—спросила Злобога и презрительно надула губы.

— Тамъ, на горѣ,—отвѣчала сестра:—тамъ такъ много ягодъ, что точно кровь разлита по землѣ.

Злобога и ея мать съѣли землянику и не сказали даже спасибо бѣдной дѣвушкѣ.

На третій день злой сестрѣ захотѣлось красныхъ яблокъ. И опять грозили, и опять бранили, и опять вытолкали ее за дверь.

Добрунка побѣжала на гору и, по счастью, встрѣтила тамъ двѣнадцать мѣсяцевъ, добрыхъ господъ, молча и неподвижно грѣвшихся у костра.

— Ты опять пришла, дитя мое?—сказалъ старый Январь, давая ей мѣсто у огня.

И со слезами разсказала ему Добрунка, что если не принесетъ она красныхъ яблокъ, мать и сестра до смерти заколотятъ ее.

Добрый Январь, какъ и наканунѣ, передалъ свою палку.

— Братъ Сентябрь,—сказалъ онъ сѣдобородому человѣку въ фіолетовой мантіи,—это ужъ твое дѣло.

Сентябрь поднялся съ мѣста и принялся мѣшать уголья своей палкой; снѣгъ сталъ таять, на деревьяхъ появились желтые листья, падавшіе при дуновеніи вѣтра. Наступила осень. Цвѣло только нѣсколько позднихъ гвоздикъ, маргаритки, да безсмертники.

Но Добрунка смотрѣла только на яблоню съ краснѣющими яблоками.

— Скорѣй, дитя мое,—сказалъ Сентябрь,—тряси дерево. Она тряхнула яблоню, упало яблочко; тряхнула еще разъ, упало другое.—Скорѣй, Добрунка, бѣги домой!—повелительнымъ голосомъ закричалъ Сентябрь.

Добрая дѣвушка поблагодарила двѣнадцать мѣсяцевъ и весело побѣжала домой.

Кто же удивился? Удивилась Злобога, удивилась мачеха.

— Свѣжія яблоки въ январѣ! Гдѣ ты сорвала эти два яблока?—спросила Злобога.

— Наверху, на горѣ; тамъ стоитъ дерево и краснѣется, какъ вишня въ августѣ.

— А почему ты принесла только два яблока? Вѣрно, ты сама съѣла остальныя по дорогѣ.

— Я-то, сестрица? Да я и не притрогивалась къ нимъ; мнѣ позволили тряхнуть дерево только два раза, и упало только два яблока.

— Разрази тебя громъ!—закричала Злобога. И она прибила сестру, а Добрунка убѣжала вся въ слезахъ.

Злая дѣвушка попробовала одно яблоко; никогда не ѣла она яблока такого нѣжнаго вкуса. Попробовала и мать и тоже похвалила.

— Какъ жаль, что только два!

— Матушка,—сказала Злобога,—дай мнѣ мою шубу, я пойду въ лѣсъ, найду дерево и, позволятъ или нѣтъ, такъ тряхну его, что всѣ яблоки будутъ наши.

Мать хотѣла ее остановить, но вѣдь избалованное дитя никогда не слушается; Злобога закуталась въ шубу, накинула на голову капюшонъ и побѣжала въ лѣсъ.

Все покрыто было снѣгомъ; не виднѣлось ни одной протоптанной дорожки. Злобога заблудилась, но жадность и гордость толкали ее впередъ. Вдругъ увидѣла она вдали огонекъ; она бѣжитъ, карабкается на скалу и видитъ, какъ двѣнадцать мѣсяцевъ неподвижно и безмолвно сидятъ на своихъ камняхъ. Не попросивши у нихъ позволенія, она подошла къ огню.

— Зачѣмъ ты пришла сюда? Что тебѣ нужно? Куда идешь?—сухо спросилъ ее старый Январь.

— А какое тебѣ дѣло, старый дуракъ?—отвѣчала ему Злобога.—Нечего тебѣ знать, откуда я пришла и куда иду.

И она ушла въ лѣсъ.

Январь насупилъ брови и поднялъ палку.

Въ одну минуту небо заволокло тучами, огонь погасъ, посыпался снѣгъ, подулъ вѣтеръ. Злобога ничего не видитъ передъ собою, она заблудилась въ лѣсу и никакъ не можетъ найти дороги домой. Она зоветъ мать, проклинаетъ сестру, клянетъ Самого Бога. А снѣгъ идетъ да идетъ, и вѣтеръ дуетъ изо всѣхъ силъ.

Злобога леденѣетъ отъ холода, руки-ноги у нея коченѣютъ, она падаетъ на землю, а снѣгъ все идетъ да идетъ, а вѣтеръ все дуетъ да дуетъ.

Мать безпрестанно переходитъ отъ окна къ дверямъ и отъ дверей къ окну; проходятъ часы, а Злобоги нѣтъ какъ нѣтъ.

— Пойду искать мою дочку,—говоритъ мать:—дѣвочка, вѣрно, заблудилась изъ-за этихъ проклятыхъ яблокъ.

Вотъ мать надѣваетъ шубу и бѣжитъ къ скалѣ. Все покрыто снѣгомъ, замело всѣ дорожки. Она заходитъ въ самую глубь лѣса и зоветъ свою дочь. А снѣгъ все падаетъ, вѣтеръ все завываетъ.

Мать трясется, какъ въ лихорадкѣ, отъ безпокойства. А снѣгъ все падаетъ, а вѣтеръ все дуетъ.

Добрунка ждала весь вечеръ и всю ночь напролетъ; но никто не пришелъ.

Утромъ взялась она за свою прялку и напряла цѣлое веретено, а вѣстей нѣтъ ни о комъ.

— Боже мой, что же случилось? — плачетъ добрая дѣвушка.

Солнце засіяло сквозь ледяной туманъ, снѣгъ покрывалъ землю. Добрунка перекрестилась и прочитала «Отче нашъ» за мать и за сестру. Онѣ не вернулись домой, и только весной пастухъ нашелъ въ лѣсу ихъ мертвыя тѣла.

Добрунка осталась хозяйкою дома, коровы и сада, да, кромѣ того, достался ей и лужокъ передъ домомъ. Но когда у хорошенькой дѣвушки есть поле передъ домомъ, тогда прежде всего является молодой человѣкъ и честно предлагаетъ ей руку, сердце и все, чѣмъ онъ владѣетъ. Добрунка скоро вышла замужъ; двѣнадцать мѣсяцевъ не покинули свое дитя. Не разъ случалось, что когда вѣтеръ слишкомъ бушевалъ, а стекла дрожали въ своихъ свинцовыхъ переплетахъ, добрякъ Январь затыкалъ снѣгомъ всѣ щели въ мирномъ домикѣ, чтобы морозъ не пробрался въ него.

Такъ жила-поживала Добрунка, всегда добрая, всегда счастливая, и была у нея, по пословицѣ, зима за дверью, лѣто на чердакѣ, осень въ погребѣ, а весна въ сердцѣ.

Изъ чешскихъ сказокъ Лабулэ.

57. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ,
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелехонько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И къ обѣднѣ умерла.
Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:

«Ты, конечно, спору нѣтъ,
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисѣй.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово,
И приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ
Да сто сорокъ теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ.
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою,
Вишь какая подросла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше,
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ,
Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе».
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.
Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ чернавка въ лѣсъ пошла
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой»,
А сама пришла домой.
«Что?—сказала ей царица:—
Гдѣ красавица-дѣвица?»—
«Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,—
Отвѣчаетъ ей она:—
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть».
И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисѣй,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.
Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песъ, залая,

Прибѣжалъ и смолкъ, играя.
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина;
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? Выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица».
И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь, всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.

Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»—
«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,—
Имъ царевна говоритъ:—
«Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? Вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисѣй».
Братья молча постояли
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,—
Старшій молвилъ поклонясь.—
Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ».—«Я не сержуся,—
Тихо молвила она:—
И отказъ мой—не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.
Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Предъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала—
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! Скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы
Средь зеленыя дубравы
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй».
И царица налетѣла
На чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!..»
Та призналася во всемъ:
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.
Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,—
Ей кричитъ она въ окошко,—
Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу».
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ». Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаетъ
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно, выспался онъ худо,—
Ей царевна говоритъ.—
На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую,—сказала,—
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки,
Хвать—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ;
Благодарствуй за обѣдъ»,

Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, громко воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою.
«Что, Соколка, что съ тобою,
Лягъ!» И въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно,
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья въ ту пору домой
Возвратилися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!—
Братья молвили.—Печали
Не минуемъ». Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима;
Не досталась никому,
Только гробу одному».
Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
За невѣстою своей
Королевичъ Елисѣй
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,

Всѣмъ вопросъ его мудренъ:
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ:
«Свѣтъ нашъ солнышко! Ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ей».—«Свѣтъ ты мой,—
Красно солнце отвѣчало:—
Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ».
Темной ночки Елисѣй
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,
И, обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ей».—«Братецъ мой,—
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:—
Не видалъ я дѣвы красной.
Настторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала».—«Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди, объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай».
Елисѣй не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ея».—«Постой,—
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:—
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ;
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста».
Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ: и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И, качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!.. и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И, бесѣдуя пріятно,

Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!
Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачеха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе».
Злая мачеха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала—
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисѣй.
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира.
Я тамъ былъ: медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

А. С. Пушкинъ.

Пословица. Собака—человѣку неизмѣнный другъ.

Загадка. Безъ крылъ летитъ, безъ ногъ бѣжитъ, безъ огня горитъ, безъ ранъ болитъ (вѣтеръ, туча, солнце, сердце).

58. Въ гостяхъ у стараго учителя.

(Изъ итальянской жизни).

Чудесную поѣздку совершили мы вчера съ отцомъ. Третьяго дня за обѣдомъ отецъ читалъ газету и вдругъ удивленно вскрикнулъ:

— А я думалъ, что онъ уже лѣтъ двадцать какъ умеръ. Вообразите: первый мой учитель, еще въ начальной школѣ, Винченцо Крозетти! Ему теперь восемьдесятъ четыре года... Живъ! вотъ—въ газетѣ: министерство дало ему медаль за шестидесятилѣтнюю достойную службу. *Шестидесятилѣтнюю*, понимаете ли? Всего два года назадъ, какъ онъ пересталъ преподавать! Бѣдный Крозетти! Живетъ въ Кордовѣ; часъ ѣзды отсюда по желѣзной дорогѣ. Ѣдемъ къ нему, Энрико!

Весь вечеръ папа только о немъ и говорилъ. Имя бывшаго учителя вызвало множество воспоминаній о дѣтскихъ годахъ, о первыхъ товарищахъ, о покойной матери.

— Крозетти!—восклицалъ отецъ:—ему было сорокъ лѣтъ, когда я поступилъ къ нему. Какъ будто его вижу и теперь: маленькій, немного сгорбленный, безъ бороды, волосы свѣтлые. Человѣкъ честный, строгій, но добрый; любилъ насъ, какъ родной. Онъ изъ крестьянъ; учился, лишалъ себя необходимаго и добился учительства. Покойная моя мать его очень уважала, а съ отцомъ они были друзья. Какъ это онъ очутился въ Кордовѣ—послѣ Турина? Конечно, онъ меня теперь не помнитъ: сорокъ четыре года съ тѣхъ поръ, сорокъ четыре года! Энрико, завтра же ѣдемъ къ нему!

Въ девять часовъ утра мы были на вокзалѣ. День былъ славный. Желѣзная дорога идетъ мимо луговъ и цвѣтущихъ живыхъ

изгородей. Душистый воздухъ полей—наслажденіе! Папа смотрѣлъ въ окно, обнималъ меня и разговаривалъ со мной, какъ съ другомъ:

— Крозетти, послѣ моего покойнаго отца — первый человѣкъ, который меня любилъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ много добра. Никогда не забывалъ я его дѣльныхъ совѣтовъ и выговоровъ, послѣ которыхъ, часто въ слезахъ, возвращался изъ школы домой. Живо помню, какъ, бывало, онъ входитъ въ классъ, ставитъ палку въ уголъ, вѣшаетъ пальто,—всегда одни и тѣ же движенія и вѣчно одинаковое расположеніе духа; добросовѣстный, снисходительный, внимательный, будто въ первый разъ пришелъ въ школу. Будто еще слышу, какъ онъ кричитъ мнѣ: «Батони, эй! Батони! указательный палецъ на перо!» Должно быть, очень перемѣнился въ сорокъ четыре года!

Въ Кордовѣ мы пошли къ нашей старой садовницѣ; у нея здѣсь мелочная лавочка. Мы застали ее среди кучи дѣтей. Она очень намъ обрадовалась. Ея мужъ долженъ скоро воротиться изъ Греціи, гдѣ три года работалъ; ея старшая дочь въ институтѣ глухонѣмыхъ въ Туринѣ. Садовница указала намъ, гдѣ живетъ учитель: его всѣ знаютъ.

Мы вошли по тропинкѣ въ гору. Отецъ молчалъ задумавшись, вспоминая что-то, изрѣдка улыбался про себя.

Вдругъ онъ остановился:

— А вотъ и онъ! поручусь, что это онъ.

По тропинкѣ, намъ навстрѣчу, сходилъ старикъ съ сѣдой бородой, въ широкополой шляпѣ, опираясь на палку, волоча одну ногу; руки его дрожали...

— Онъ!—повторилъ папа и пошелъ скорѣе...

Мы поравнялись и остановились. Старикъ тоже остановился и смотрѣлъ на отца. Глаза у него были живые, ясные, лицо свѣжее. Отецъ снялъ шляпу.

— Вы—учитель Винченцо Крозетти?

Старикъ тоже снялъ шляпу.

— Да, я,—отвѣчалъ онъ немного дрожащимъ голосомъ.

Отецъ взялъ его за руку.

— Такъ позвольте бывшему ученику пожать вашу руку и спросить о здоровьѣ. Я пріѣхалъ изъ Турина, чтобы васъ видѣть.

— Много чести... слишкомъ много чести... — сказалъ съ удивленіемъ старикъ.—Не знаю... Когда же вы были моимъ ученикомъ? Извините... имя ваше?

— Альберто Батони, — отвѣчалъ отецъ и сказалъ годъ, когда поступилъ къ нему.—Вы, конечно, меня не помните, а я васъ тотчасъ узналъ.

Учитель задумчиво наклонилъ голову и шопотомъ повторилъ имя отца, который улыбаясь все пристальнѣе смотрѣлъ на него. Вдругъ старикъ поднялъ голову и широко открылъ глаза.

— Альберто Батони, сынъ инженера Батони? Тотъ, что жилъ на площади Консолата?

— Тотъ самый,—отвѣчалъ папа, протягивая руки.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ старикъ,—въ такомъ случаѣ, синьоръ... позвольте мнѣ...

Онъ обнялъ папу; его бѣлая голова едва достигала до плеча папы.

— Будьте такъ добры, зайдемте ко мнѣ.

Онъ повернулъ назадъ, въ гору, и пошелъ съ нами; мы остановились у небольшого домика съ двумя входами. Учитель отворилъ дверь и попросилъ насъ войти въ комнату. Въ одномъ углу была постель, въ другомъ четыре стула, столъ и на немъ немного книгъ, на стѣнѣ старая географическая карта.

Мы сѣли всѣ трое, нѣсколько секундъ отецъ и старикъ смотрѣли другъ на друга и молчали.

— Батони!—вскричалъ наконецъ учитель, глядя на полъ:—о, хорошо помню! прекрасная женщина была ваша матушка. Вы въ первый годъ долго сидѣли на первой скамейкѣ, влѣво, у окна... Видите, какъ я помню? Какъ теперь вижу: кудрявый (онъ задумался), рѣзвый мальчикъ вы были — да! очень рѣзвый! на второй годъ у васъ былъ крупъ. Помню, вернулся въ школу худой, блѣдный! Сорокъ лѣтъ этому, да? Какъ вы добры, что вспомнили своего стараго учителя! Нѣкоторые другіе мои бывшіе ученики тоже навѣщали меня, но они давно — кто полковникъ, кто священникъ... разные господа... А какая ваша профессія?.. Очень радъ, что вспомнили, отъ всего сердца радъ, благодарю... Ну,—а потомъ перестали меня навѣщать... Боюсь, дорогой синьоръ, вы, вѣроятно, послѣдній вспомнили...

— Что вы говорите!—вскричалъ отецъ:—вы здоровы, вы еще сильны, не должно этого говорить.

— О, нѣтъ,—возразилъ учитель и показалъ руки:—видите ли, дрожу—плохой знакъ. Начали дрожать ужъ три года назадъ, я еще былъ преподавателемъ. Сначала я не обратилъ вниманія, думалъ—пройдетъ. Но дрожь все сильнѣе, наконецъ, до того, что я уже не могъ писать. Горько было. Нѣкоторое время я еще продолжалъ заниматься, но ужъ не стало никакой возможности. Пришлось, послѣ шестидесятилѣтняго учительства, распроститься со школой, съ занятіемъ! Тяжело было. Въ послѣдній урокъ меня съ торжествомъ провели до дому; но мнѣ было не до торжества: жизнь моя кончилась. Передъ тѣмъ за годъ умерли жена и сынъ... единственный. Два племянника еще есть—крестьяне. Вотъ живу пенсіей въ нѣсколько сотъ лиръ; ничего не дѣлаю; дни тянутся безконечные. Единственное занятіе — перелистываю старые учебники, школьные журналы, какую-нибудь книгу, что дѣти подарили на память...

— Вотъ онѣ всѣ мои книги (онъ показалъ на столъ), все мое прошлое... Ничего другого не остается мнѣ на свѣтѣ...—прибавилъ онъ, и вдругъ заговорилъ весело: — Я сдѣлаю вамъ сюрпризъ, дорогой синьоръ Батони.

Онъ всталъ, подошелъ къ столу и отодвинулъ ящикъ. Тамъ было много конвертовъ, связанныхъ шнурками; на каждомъ стояла

цифра года. Учитель взялъ одинъ; развернулъ, поискалъ недолго, вынулъ пожелтѣлый листъ бумаги и подалъ отцу. Это было одно изъ школьныхъ отцовскихъ сочиненій, писанное сорокъ лѣтъ назадъ. На заголовкѣ стояло: *Альберто Батони, 3 апрѣля 1837 года.* Отецъ узналъ свой крупный почеркъ, улыбнулся, и вдругъ въ его глазахъ блеснули слезы. Я вскочилъ и подбѣжалъ къ нему.

— Взгляни,—сказалъ онъ, обнявъ меня и прижимая къ себѣ:— видишь? это поправка моей покойной матери. Она крѣпко писала нѣкоторыя буквы; послѣднія строчки—всѣ ея. Она выучилась подражать моему почерку; когда мнѣ хотѣлось спать, или я уставалъ, она за меня кончала работу. Святая!

Онъ цѣловалъ листокъ.

— Вотъ мои «сувениры», — продолжалъ старикъ, показывая другіе конверты. — Всякій годъ я сохранялъ и пряталъ по одной работѣ каждаго изъ учениковъ: онѣ всѣ тутъ въ порядкѣ перенумерованы. Иногда я ихъ просматриваю, читаю строчку тутъ, строчку тамъ, живо вспоминаю прошедшее, будто переживаю... Да, давно! закрою глаза, сейчасъ — вотъ классъ, вотъ дѣти! сотни дѣтей! Кто знаетъ, сколькихъ уже и на свѣтѣ нѣтъ. Многихъ помню отлично: самыхъ примѣрныхъ и самыхъ плохихъ—тѣхъ, что меня радовали, и тѣхъ, по милости которыхъ я провелъ много печальныхъ часовъ. Были и злые... Но въ такомъ множествѣ нельзя, чтобы не нашлись и злые. Но я теперь какъ будто ужъ на томъ свѣтѣ, и всѣ мнѣ равно милы. Онъ опять сѣлъ и взялъ меня за руку.

— Не помните ли какую-нибудь мою шалость?—спросилъ папа.

— Вашу, синьоръ?—спросилъ старикъ, тоже улыбаясь: — сейчасъ не могу припомнить, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ вы не шалили. Для вашихъ лѣтъ вы были мальчикъ умный и серьезный. Помню, вы вашу матушку нѣжно любили. Какъ мило съ вашей стороны, что вы меня посѣтили. Какъ могли вы бросить ваши занятія, и для чего! Навѣстить бѣднаго стараго учителя!..

— Синьоръ Крозетти,—возразилъ отецъ:—я помню, какъ мать повела меня въ первый разъ въ школу. Это была моя первая разлука съ нею; она оставляла меня на два часа въ чужомъ домѣ, на чужихъ рукахъ. Мое поступленіе въ школу было для матери все равно, что мое поступленіе въ общество! этой разлукой начинался длинный рядъ будущихъ тяжкихъ дней разлуки. Общество брало сына у матери и ужъ не могло никогда возвратить его такимъ же, какимъ брало. Мать была измучена, я — тоже. Она поручила меня вамъ и, уходя, оглянулась. А вы... вы смотрѣли на меня, будто отвѣчали ей: «Надѣйтесь на меня». Я понялъ изъ вашего движенія, изъ вашего взгляда, что вы поняли заботу моей матери.

Вы будто сказали мнѣ: «Смѣлѣй!» вы будто обѣщали мнѣ защиту, любовь, снисхожденіе... Это воспоминаніе вѣчно; оно привело меня, почти черезъ полвѣка, сказать вамъ: благодарю, учитель!

Учитель не отвѣчалъ и все гладилъ мои волосы; его рука дрожала. Отецъ смотрѣлъ на голыя стѣны, на бѣдную постель, на кусокъ хлѣба, стклянку масла на окнѣ... онъ будто думалъ:

«И вотъ все, чего шестидесятилѣтнимъ трудомъ добился человѣкъ!..»

Старикъ живо опять началъ вспоминать нашу семью, другихъ учителей того времени, школьниковъ, товарищей моего отца; иныхъ онъ помнилъ, другихъ забылъ, отецъ и онъ разсказывали одинъ другому, кто что зналъ. Отецъ предложилъ учителю пойти съ нами позавтракать въ гостиницу.

— Благодарю,—отвѣчалъ онъ и, казалось, колебался.

Отецъ настаивалъ.

— Какъ же я буду ѣсть? — возразилъ учитель:—у меня руки пляшутъ; это мнѣ и другимъ наказанье!

— Мы вамъ поможемъ!—убѣждалъ отецъ.

Онъ, наконецъ, согласился, покачивая головой, и весело смѣялся.

— Прекрасный день сегодня,—сказалъ онъ, запирая входную дверь:—прекрасный день, дорогой синьоръ Батони! Пока живъ, не забуду.

Отецъ взялъ его подъ руку, и мы пошли съ горы. По дорогѣ двѣ босоногія дѣвочки гнали корову, а мальчикъ тащилъ охапку соломы. Учитель сказалъ, что это ученицы и ученикъ второго класса; днемъ они босикомъ пасутъ стадо и работаютъ въ полѣ, а вечеромъ обуваются и идутъ въ школу. Былъ полдень. Мы больше никого не встрѣтили, пришли въ гостиницу и сѣли за столъ; было тихо, какъ въ монастырѣ. Учитель сидѣлъ между нами и былъ очень веселъ, хотя отъ волненія руки у него еще больше дрожали, и ѣсть онъ почти не могъ. Отецъ разрѣзалъ и солилъ ему хлѣбъ и мясо; старикъ бралъ стаканъ въ обѣ руки — и то едва удерживалъ. Онъ съ жаромъ говорилъ о литературѣ, о своей молодости, о своемъ житьѣ въ послѣдніе годы, веселый, ясный, оживленный, чуть-чуть раскраснѣвшись. Отецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ иногда глядѣлъ на меня — склонивъ голову въ бокъ и про себя улыбаясь. Учитель залилъ виномъ свой сюртукъ; отецъ вытеръ.

— Не безпокойтесь, нѣтъ, нѣтъ, я не допущу...

Потомъ они между собою разговаривали по-латыни, а въ концѣ завтрака учитель поднялъ стаканъ.

— За ваше здоровье, дорогой синьоръ,—сказалъ онъ серьезно:—за вашу семью и въ память вашей матери!

— За ваше, дорогой учитель! — отвѣчалъ отецъ и пожалъ его руку.

На другомъ концѣ комнаты хозяинъ и другіе посторонніе посѣтители гостиницы съ удовольствіемъ смотрѣли на этотъ праздникъ въ честь ихъ учителя. Мы сбирались ѣхать и уходили изъ гостиницы; старикъ захотѣлъ проводить насъ до вокзала; отецъ опять повелъ его подъ руку, а я понесъ его палку. Прохожіе останавливались, смотрѣли, кланялись; учителя всѣ знали. Мы услышали въ окно одного дома много дѣтскихъ голосовъ, всѣ разомъ читали по складамъ. Старикъ остановился.

— Вотъ что меня огорчаетъ,—сказалъ онъ печально:—дѣтскіе голоса въ школѣ, а меня тамъ нѣтъ, тамъ другой! Шестьдесятъ

лѣтъ слушалъ эту музыку — привыкъ, теперь — ни семьи ни дѣтей!..

— Нѣтъ, учитель!—возразилъ отецъ: — много у васъ сыновей; они разбросаны по свѣту, но помнятъ васъ, какъ я всегда помнилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторилъ онъ печально,—нѣтъ школы, нѣтъ и сыновей. А безъ нихъ, безъ дѣла я долго не проживу. Скоро мой конецъ придетъ.

— Не говорите этого и не думайте такъ,—возразилъ отецъ:— вы много сдѣлали добра, вы положили жизнь на честное дѣло...

Учитель пожалъ ему руку. Мы подошли къ дебаркадеру, поѣздъ былъ готовъ отойти.

— Прощайте, учитель!—сказалъ отецъ, обнимая его.

— Прощайте, благодарю, прощайте, — отвѣчалъ учитель, сжимая его руку и поцѣловавъ меня.

Отецъ посадилъ меня въ вагонъ, проворно взялъ изъ рукъ учителя его грубую палку, а вмѣсто нея вложилъ свою красивую трость съ серебрянымъ набалдашникомъ и своимъ вензелемъ.

— На память обо мнѣ!—сказалъ онъ.

Старикъ не бралъ, хотѣлъ взять свою, но папа уже вошелъ въ вагонъ и затворилъ дверь.

— Прощайте, мой добрый учитель!

— Прощайте!—отвѣчалъ старикъ.

Поѣздъ ужъ тронулся.

— Благослови васъ Богъ за то, что утѣшили старика!

— До свиданія,—закричалъ взволнованный отецъ.

Учитель только покачалъ головою.

— Да, да, до свиданія,—повторялъ отецъ.

Учитель поднялъ дрожащую руку къ небу.

— Тамъ!..

И его больше не стало видно.

Э. де-Амичисъ (пер. В. Крестовскаго).

Пословицы. Добрый человѣкъ добру и учитъ.—Человѣкъ не для себя родится.

59. Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней скучной
Тройка борзая бѣжитъ;
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.
Ни огня ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

60. Волкъ и лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина снолснѣе вполоткрыта.
Лиса, курятинки накушавшись досыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
«Что, кумушка, бѣды!» онъ говоритъ:
«Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ —
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!»
— Неужли!—«Право такъ».
— Бѣдняжка-куманекъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова.—
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова!
Да про запасъ лиса ни слова!
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой,
Пошелъ безъ ужина домой. *И. А. Крыловъ.*

Пословица. Лиса семерыхъ волковъ проведетъ.

61. Лиса.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ:
— Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой.
Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ.

Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась колачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая.

— Вотъ будетъ подарокъ женѣ,—сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу и сама ушла!

— Ну, старуха,—говоритъ дѣдъ,—какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу.

— Гдѣ?

— Тамъ, на возу—и рыба и воротникъ.

Подошла баба къ возу: ни воротника ни рыбы, и начала ругать мужа:

— Ахъ ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать.

Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ.

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманекъ!

— Дай мнѣ рыбки!

— Налови самъ да и ѣшь.

— Я не умѣю.

— Эка, вѣдь я же наловила. Ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь,—рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь,—дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь», думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго:

— Волкъ! волкъ! бейте его! бейте его!

Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей навстрѣчу:

— Такъ-то учишь ты? меня всего исколотили.

— Эхъ, куманекъ,—говоритъ лисичка-сестричка:—у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ. Меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь.

— И то правда,—говоритъ волкъ:—гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ итти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка сѣла ему на спину, онъ и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ да потихоньку и говоритъ:

— Битый небитаго везетъ!

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ!

— Такъ, кумушка, такъ!

— Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатки!

— Давай, кумушка!

— Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.

Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ.

Пришла весна, волчья хатка и растаяла.

— А, кумушка,—говоритъ волкъ:—ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть.

— Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть.

Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ:

— Прыгай; если ты перепрыгнешь черезъ яму—тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь—мнѣ тебя ѣсть.

Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму.

— Ну,—говоритъ лисичка:—сиди же тутъ!—и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ и просится къ мужичку въ избу:

— Пусти лисичку-сестричку переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама ляжу *) на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку.

Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ:

— Гдѣ же моя скалочка, я за нее и гусочку не возьму.

Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку—гусочку!

«Стукъ, стукъ, стукъ!» стучится она въ избу къ другому мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

---

*) Народная форма вмѣсто лягу.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку.

Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ:

— Гдѣ же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму.

Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку. Взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку!

«Стукъ, стукъ, стукъ!» стучится она въ избу къ третьему мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я не потѣсню васъ: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку.

Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ:

— Гдѣ же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невѣсточку.

Мужикъ—дѣлать нечего—отдалъ ей за индюшечку невѣсточку. Лисичка посадила ее въ мѣшокъ, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку,
За скалочку—гусочку,
За гусочку—индюшечку,
За индюшечку—невѣсточку!

«Стукъ, стукъ, стукъ»! стучится она въ избу къ четвертому мужику.

— Кто тамъ?

— Я лисичка-сестричка, пустите переночевать.

— У насъ и безъ тебя тѣсно.

— Я васъ не потѣсню: сама лягу на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку.

Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ:

— Невѣсточка, пой пѣсни!

А собака какъ закричитъ.

Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакой да бѣжать.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ! слѣзь сюда—я тебя исповѣдаю: ты завсегда грѣшонъ.

Пѣтушокъ слѣзъ: она хвать его—и скушала.

Жили-были кумъ съ кумой, волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое. Лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѣ да украдкой постукиваетъ хвостикомъ.

— Кума, кума,—говоритъ волкъ:—кто-то стучитъ.

— А, знать, меня на повой зовутъ,— бормочетъ лиса.

— Такъ поди сходи, — говоритъ волкъ.

Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ.

— Что Богъ далъ? — спрашиваетъ волкъ.

— Початочекъ, — отвѣчаетъ лиса.

Въ другой разъ опять лежитъ кума да постукиваетъ хвостикомъ.

— Кума, кто-то стучится,—говоритъ волкъ.

— На повой, знать, зовутъ.

— Такъ сходи.

Пошла лисица, да опять къ меду, нализалась досыта, медку только на донышкѣ осталось. Приходитъ къ волку.

— Что Богъ далъ?—спрашиваетъ онъ.

— Середышекъ.

Въ третій разъ опять такъ же обманула лисица волка и долизала уже весь медокъ.

— Что Богъ далъ?—спрашиваетъ волкъ.

— Поскребышекъ.

Долго ли, коротко ли, прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки.

— Кума, кума,—кричитъ волкъ:—вѣдь медъ съѣденъ!

— Какъ съѣденъ? кто же съѣлъ? кому, окромя тебя! — погоняетъ лисица волка.

Волкъ и кстится *) и божится.

— Ну, хорошо, — говоритъ лисица: — давай ляжемъ на солнышкѣ: у кого медъ вытопится, тотъ и виноватъ.

Пошли—легли. Лисицѣ не спится, а сѣрый волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь-поглядь, у кумы-то показался медокъ; она нутка скорѣй перемазывать его на волка.

— Кумъ, кумъ,—толкаетъ волка:—это что? вотъ кто съѣлъ!

И волкъ — нечего дѣлать — повинился. — Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайца—лубяная; пришла весна красна—у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться,

*) Крестится.

да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу собаки:

— Тяфъ, тяфъ, тяфъ! про что, зайчикъ, плачешь?

А зайчикъ говоритъ:

— Отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчикъ,—говорятъ собаки:—мы ее выгонимъ.

— Нѣтъ, не выгоните!

— Нѣтъ, выгонимъ.

Подошли къ избенкѣ:

— Тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!

А она имъ съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему навстрѣчу медвѣдь.

— О чемъ, зайчикъ, плачешь?

А зайчикъ говоритъ:

— Отстань, медвѣдь, какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчикъ,—говоритъ медвѣдь:—я выгоню ее.

— Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, и ты не выгонишь.

— Нѣтъ, выгоню.

Пошли гнать:

— Поди, лиса вонъ!

А она съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу быкъ:

— Про что, зайчикъ, плачешь?

— Отстань, быкъ! какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.

— Пойдемъ, я ее выгоню.

— Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! Собаки гнали—не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь.

— Нѣтъ, выгоню.

Подошли къ избенкѣ:

— Поди, лиса, вонъ!

А она съ печи:

— Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!

Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу пѣтухъ съ косой:

— Кукуреку! о чемъ, зайчикъ, плачешь?

— Отстань, пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать: была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала.

— Пойдемъ, я выгоню.

— Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ—не выгналъ, быкъ гналъ—не выгналъ, и ты не выгонишь.

— Нѣтъ, выгоню.

Подошли къ избенкѣ:

— Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!

А она услыхала, испугалась, говоритъ:

— Одѣваюсь...

Пѣтухъ опять:

— Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!

А она говоритъ:

— Шубу надѣваю!

Пѣтухъ въ третій разъ:

— Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!

Лисица выбѣжала; онъ ее и зарубилъ косой-то, и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать, добра наживать. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

Посѣялъ мужикъ съ медвѣдемъ вмѣстѣ рѣпу, и родилась рѣпа добрая.

Медвѣдь мужику сказалъ:

— Твои коренья, а мои верхушки.

Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь съ голоду помиралъ. На другой годъ медвѣдь сказалъ мужику:

— Давай сѣять пшеницу.

Пшеница родилась добрая.

— Теперь ты бери верхушки,—сказалъ медвѣдь мужику:— а мои коренья.

Мужикъ всю зиму ѣлъ, а медвѣдь едва съ голоду не померъ. На третій годъ мужикъ одинъ пашетъ. Медвѣдь къ нему пришелъ и говоритъ ему:

— Я тебя, мужикъ, съѣмъ за то, что ты меня обманываешь.

А мужикъ сказалъ ему:

— Погоди, пашню допашу.

Медвѣдь и легъ подъ мужичью телѣгу. Въ ту пору бѣжитъ лиса къ мужику и говоритъ:

— Мужикъ, я тебя отъ смерти отведу! что ты мнѣ за работу дашь?

Мужикъ сказалъ:

— Куръ мѣшокъ.

— Хорошо, я у тебя спрошу: что подъ телѣгою лежитъ?

А медвѣдь мужику говоритъ:

— Скажи, что колода.

Лиса говоритъ:

— Кабы была колода, она бы на телѣгѣ была увязана.

Въ ту пору убѣжала прочь, а послѣ опять возвратилась и говоритъ мужику:

— Что у тебя на телѣгѣ лежитъ?

Мужикъ сказалъ:

— Колода.

— А кабы колода, въ ней бы топоръ былъ воткнутъ.

Медвѣдь сказалъ мужику:

— Воткни въ меня топоръ.

Мужикъ и воткнулъ топоръ медвѣдю, отчего медвѣдь и кончился. Лиса говоритъ мужику:

— Вывези же обѣщанный мѣшокъ куръ.

На другой день выѣхалъ мужикъ на пашню и вывезъ мѣшокъ, а въ немъ двѣ курицы и борзую собаку. Вдругъ лиса прибѣгаетъ и говоритъ мужику:

— Что, привезъ куръ?

— Привезъ.

— Ну, ты же пущай по одной, а не всѣхъ вдругъ.

Мужикъ выпустилъ курицу и другую, потомъ собаку. Собака за лисой, лиса отъ собаки побѣжала въ нору. Собака стоитъ у норы, а лиса сама съ собою говоритъ:

— Ноги, что вы дѣлали?

— Мы бѣжали.

— А вы, глазки?

— Мы глядѣли.

— А вы, уши?

— Мы слушали.

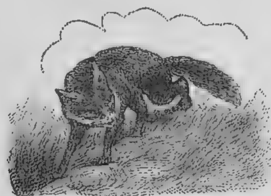
— А ты, хвостъ?

— Я,—говоритъ,—тебѣ подъ ноги мѣшался, чтобъ ты упала.

Въ ту пору лиса осердиласъ на хвостъ и высунула его изъ норы:

— На, собака, ѣшь хвостъ!

Собака ухватила лису за хвостъ и вытащила ее и разорвала.

62.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Концы вѣтвей висятъ,—
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

А. Фетъ.

63. Тришкинъ кафтанъ.

У Тришки на логтяхъ кафтанъ продрался,
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ
И логти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ;
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

И. А. Крыловъ.

64. Февраль.

Второй мѣсяцъ въ году — февраль, по народному *бокогрѣй.* Слово же *февраль* происходитъ отъ имени римскаго бога Фебра, которому у римлянъ посвящался этотъ мѣсяцъ. У насъ его называютъ бокогрѣемъ, потому что выпускаютъ на дворъ скотину «бока погрѣть»: солнце, правда, уже начинаетъ грѣть, а въ тѣни еще совсѣмъ холодно. На февраль выпали послѣдніе морозы—срѣтенскіе (2 февраля) и власьевскіе (11-го).

Про день второго февраля, праздникъ Срѣтенія Господня, говорятъ: «На Срѣтенье зима съ лѣтомъ встрѣтилась». Эта встрѣча считается причиной того, что въ этотъ день иногда бываетъ оттепель.

Перваго февраля заговариваютъ мышей. Призванный знахарь вынимаетъ изъ средины скирда по снопу со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ стоговъ беретъ по клоку сѣна. Все это сносится въ печь, зажигается раскаленною кочергой. Оставшаяся зола всыпается въ тѣ мѣста, откуда были вынуты снопы и сѣно. Знахарь во все время читаетъ заговоры; его всюду сопровождаютъ хозяинъ съ хозяйкой съ хлѣбомъ-солью и чистымъ полотенцемъ. Послѣ возвращенія съ гумна, знахаря угощаютъ и одариваютъ.

Вотъ одинъ изъ заговоровъ: «Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, сгинуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, въ адъ кромѣшный. Не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не видать вамъ травы муравой, не топтать вамъ росы медяной, не ѣсть вамъ бѣлоярой пшеницы, не таскать вамъ золотого ячменя, не грызть вамъ полнотѣлой ржи, не таскать вамъ пахучаго сѣна. Заклинаю васъ, мышей, моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ. Слово мое ничѣмъ же порушится».

На февраль обыкновенно приходится масленица — «честна́я», «широкая», «веселая».

Всѣ дни масленой недѣли имѣли свои особенныя названія: понедѣльникъ—встрѣча, вторникъ—заигрыши, среда—лакомка, чет-

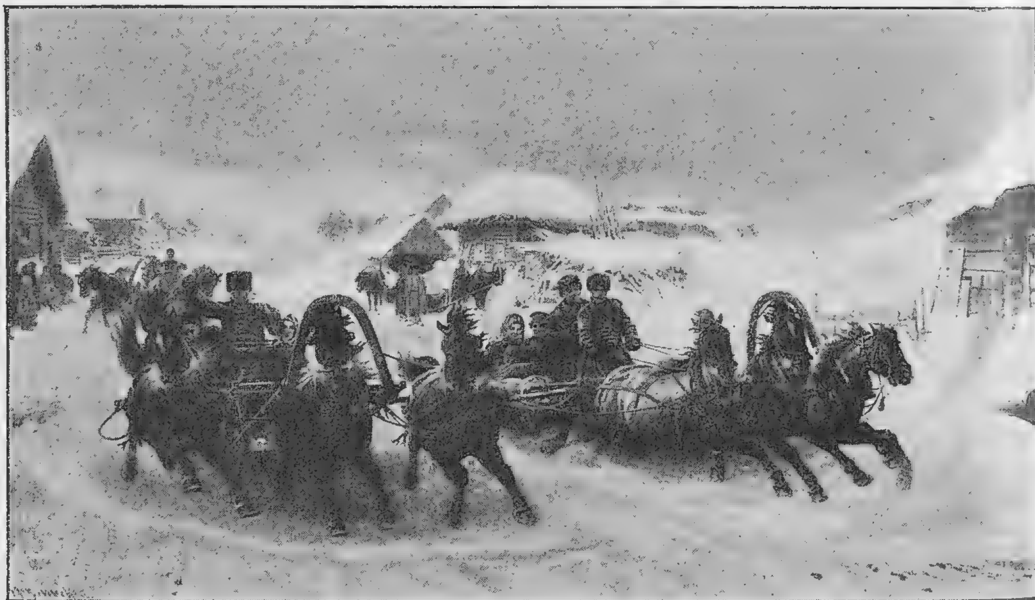
вергъ — переломъ, широкій четвергъ, пятница — тещины вечерки, суббота—золовкины посидѣлки, воскресенье—проводы, прощанье, прощеный день.

На первый день масленицы справлялась встрѣча «честной масленицы», широкой боярыни. Дѣти съ утра выходили на улицу строить снѣжныя горы. Здѣсь они, устроивши горы, скороговоркою причитывали: «Звалъ, позывалъ честной семикъ широкую масленицу къ себѣ въ гости во дворъ: «Душа ль ты моя, масленица, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣльце, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь! Пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшаться. Ужъ ты ль, моя масленица, красная краса, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, ясочка, ты же моя перепелочка! Пріѣзжай ко мнѣ во тесовый домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться». Выѣзжала честная масленица, широкая боярыня, на семидесяти семи саняхъ козырныхъ, во широкой лодочкѣ. Какъ навстрѣчу масленицѣ выѣзжалъ честной семикъ на салазочкахъ» и т. д.

Послѣ этой встрѣчи дѣти сбѣгали съ горъ и кричали: «Пріѣхала масленица! пріѣхала масленица!»

Взрослые люди начинали масленицу посѣщеніемъ родныхъ. Собравшись вмѣстѣ, родные условливались: когда и гдѣ проводить время? кого звать въ гости? когда кататься по улицамъ?

Къ первому дню масленицы устраиваются общественныя горы, качели вислыя и круглыя, балаганы для скомороховъ (паяцовъ и комедіантовъ), столы со сластями. Въ старину считалось, что не ходятъ на горы, не качаются на качеляхъ, вообще не веселятся на масленицѣ только тѣ, что живутъ въ горькой бѣдѣ, тѣ, кто чрезмѣрно старъ, кто лежитъ на смертномъ одрѣ, или лежитъ калѣкой безъ ногъ.

Проводы масленицы отправлялись съ разными обрядами. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ они состояли въ поѣздѣ по городу и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дровней и саней. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Вмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ его пѣли, играли и плясали...

Въ воскресенье вечеромъ происходило прощанье между родными и знакомыми. Прощаться приходили родные къ старшему въ родѣ. Прощаясь, говорили, обыкновенно другъ другу: «Прости меня, пожалуй, буде въ чемъ виноватъ передъ тобою». Прощаніе заключалось поцѣлуемъ и низкимъ поклономъ. Дѣти кланялись родителямъ въ ноги.

Поговорки. Не житье, а масленица.—Не все коту масленица.—Масленица семь дней гуляетъ.

Какъ извѣстно, високосный годъ отличается отъ простого тѣмъ, что въ февралѣ бываетъ двадцать девять дней. Двадцать девятое февраля считалось несчастнымъ днемъ: тогда будто и скотъ падаетъ, и дерева засыхаютъ, и повальныя болѣзни появляются, и семейные раздоры заводятся. Мы же знаемъ, что у Бога всѣ дни одинаковы.

65. Масленица.

Погода становилась мягче. Пришла масленица. Мы съ сестрицей катались въ саняхъ и въ первый разъ въ жизни видѣли, какъ крестьянскіе и дворовые мальчики и дѣвочки катались съ высокой горы отъ гумна на подмороженныхъ конькахъ и ледянкахъ. Я чувствовалъ, что у меня не хватило бы храбрости на такую потѣху; но мнѣ весело было смотрѣть на шумное веселье катающихся; многіе опрокидывались вверхъ ногами, другіе налетали на нихъ и сами кувыркались; громкій хохотъ оглашалъ окрестныя снѣжныя поля и горы, слегка пригрѣваемыя солнечными лучами. У насъ съ сестрицей была своя, Ѳедоромъ и Евсѣичемъ сдѣланная горка передъ окнами спальной; съ нея я не боялся кататься вмѣстѣ съ моей подругой, но вдвоемъ не такъ было весело, какъ въ шумномъ множествѣ дѣтей, собравшихся съ цѣлой деревни, — куда насъ не пускали.

С. Аксаковъ.

Пословицы. Любишь кататься—люби и саночки возить.—Тише ѣдешь—дальше будешь.

Загадка. Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ костей (сковорода, масло, блинъ).

66. Конь.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»
Отвѣчаетъ конь печальный:
— Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чапрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

А. С. Пушкинъ.

67. Неудачный дебютъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ хозяинъ вошелъ въ комнату съ грязными обоями и, потирая руки, сказалъ:

— Ну-съ...

Что-то онъ хотѣлъ еще сказать, но не сказалъ и вышелъ. Тетка [1]), отлично изучившая во время уроковъ его лицо и интонацію, догадалась, что онъ былъ взволновалъ, озабоченъ и, кажется, сердитъ. Немного погодя, онъ вернулся и сказалъ:

«Сегодня я возьму съ собой Тетку и Ѳедора Тимоѳеича [2]). Въ египетской пирамидѣ ты, Тетка, замѣнишь сегодня покойнаго Ивана Иваныча [3]). Чортъ знаетъ что! Ничего не готово, не выучено, репетицій было мало! Осрамимся, провалимся!»

Затѣмъ онъ опять вышелъ, и черезъ минуту вернулся въ шубѣ и въ цилиндрѣ. Подойдя къ коту, онъ взялъ его за переднія лапы, поднялъ и спряталъ его на груди подъ шубу, при чемъ Ѳедоръ Тимоѳеичъ казался очень равнодушнымъ и даже не потрудился открыть глазъ. Для него, повидимому, было рѣшительно все равно: лежать, или быть поднятымъ за ноги, валяться ли на матрасикѣ, или покоиться на груди хозяина подъ шубой...

— Тетка, пойдемъ!—сказалъ хозяинъ.

Ничего не понимая и виляя хвостомъ, Тетка пошла за нимъ. Черезъ минуту она уже сидѣла въ саняхъ около ногъ хозяина и слушала, какъ онъ, пожимаясь отъ холода и волненія, бормоталъ:

— Осрамимся! Провалимся!

---

[1]) Собака Каштанка, жившая раньше у столяра, отбилась на улицѣ отъ хозяевъ, и попала къ своему теперешнему хозяину, который сталъ ее звать Теткой.

[2]) Котъ.

[3]) Гусь.

Сани остановились около большого, страннаго дома, похожаго на опрокинутый супникъ. Длинный подъѣздъ этого дома съ тремя стеклянными дверями былъ освѣщенъ дюжиной яркихъ фонарей. Двери со звономъ отворялись и, какъ рты, глотали людей, которые сновали у подъѣзда. Людей было много, часто къ подъѣзду подбѣгали и лошади, но собакъ не было видно.

Хозяинъ взялъ на руки Тетку и сунулъ ее на грудь, подъ шубу, гдѣ находился Ѳедоръ Тимоѳеичъ. Тутъ было темно и душно, но тепло. На мгновеніе вспыхнули двѣ тусклыя зеленыя искорки—это открылъ глаза котъ, обезпокоенный холодными жесткими лапами сосѣдки. Тетка лизнула его ухо и, желая усѣсться возможно удобнѣе, безпокойно задвигалась, смяла его подъ себя холодными лапами и нечаянно высунула изъ-подъ шубы голову, но тотчасъ же сердито заворчала и нырнула подъ шубу. Ей показалось, что она увидѣла громадную, плохо освѣщенную комнату, полную чудовищъ; изъ-за перегородокъ и рѣшетокъ, которыя тянулись по обѣ стороны комнаты, выглядывали страшныя рожи: лошадиныя, рогатыя, длинноухія и какая-то одна толстая, громадная рожа съ хвостомъ вмѣсто носа и съ двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Котъ сипло замяукалъ подъ лапами Тетки, но въ это время шуба распахнулась, хозяинъ сказалъ «гопъ!» и Ѳедоръ Тимоѳеичъ съ Теткою прыгнули на полъ. Они уже были въ маленькой комнатѣ съ сѣрыми дощатыми стѣнами; тутъ, кромѣ небольшого столика съ зеркаломъ, табурета и тряпья, развѣшаннаго по угламъ, не было никакой другой мебели, и, вмѣсто лампы и свѣчи, горѣлъ яркій вѣерообразный огонекъ, придѣланный къ трубочкѣ, вбитой въ стѣну. Ѳедоръ Тимоѳеичъ облизалъ свою шубу, помятую Теткой, пошелъ подъ табуретъ и легъ. Хозяинъ, все еще волнуясь и потирая руки, сталъ раздѣваться. Онъ раздѣлся такъ, какъ обыкновенно раздѣвался у себя дома, готовясь лечь подъ байковое одѣяло, т.-е. снялъ все, кромѣ бѣлья, потомъ сѣлъ на табуретъ и, глядя на себя въ зеркало, началъ выдѣлывать надъ собой удивительныя штуки. Прежде всего онъ надѣлъ на голову парикъ съ проборомъ и двумя вихрами, похожими на рога, потомъ густо намазалъ лицо чѣмъ-то бѣлымъ и сверхъ бѣлой краски нарисовалъ еще брови, усы и румянцы. Затѣи его этимъ не кончились. Опачкавши лицо и шею, онъ сталъ облачаться въ какой-то необыкновенный, ни съ чѣмъ несообразный костюмъ, какого Тетка никогда не видала раньше ни въ домахъ ни на улицѣ. Представьте вы себѣ широчайшія панталоны, сшитыя изъ ситца съ крупными цвѣтами, какой употребляется для занавѣсокъ и обивки мебели,—панталоны, которыя застегиваются у самыхъ подмышекъ; одна панталона сшита изъ коричневаго ситца, другая изъ свѣтло-желтаго. Утонувши въ нихъ, хозяинъ надѣлъ еще ситцевую курточку съ большимъ зубчатымъ воротникомъ и съ золотой звѣздой на спинѣ, разноцвѣтные чулки и зеленые башмаки...

У Тетки запестрило въ глазахъ и въ душѣ. Отъ бѣлолицей мѣшковатой фигуры пахло хозяиномъ, голосъ у нея былъ тоже

знакомый, хозяйскій, но бывали минуты, когда Тетку мучили сомнѣнія, и тогда она готова была бѣжать отъ пестрой фигуры и лаять. Новое мѣсто, вѣерообразный огонекъ, запахъ, перемѣна, случившаяся съ хозяиномъ—все это вселяло въ нее неопредѣленный страхъ и предчувствіе, что она непремѣнно встрѣтится къ какимъ-нибудь ужасомъ въ родѣ толстой рожи съ хвостомъ вмѣсто носа. А тутъ еще гдѣ-то за стѣной далеко играла ненавистная музыка, и слышался временами непонятный ревъ. Одно только и успокаивало ее—это невозмутимость Ѳедора Тимоѳеича. Онъ преспокойно дремалъ подъ табуретомъ и не открывалъ глазъ, даже когда двигался табуретъ.

Какой-то человѣкъ во фракѣ и въ бѣлой жилеткѣ заглянулъ въ комнатку и сказалъ:

— Сейчасъ выходъ миссъ Арабеллы. Послѣ нея—вы.

Хозяинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ вытащилъ изъ-подъ стола небольшой чемоданъ, сѣлъ и сталъ ждать. По губамъ и по рукамъ его было замѣтно, что онъ волновался, и Тетка слышала, какъ дрожало его дыханіе.

— Monsieur Жоржъ, пожалуйте!—крикнулъ кто-то за дверью.

Хозяинъ всталъ и три раза перекрестился, потомъ досталъ изъ-подъ табурета кота и сунулъ его въ чемоданъ.

— Иди, Тетка!—сказалъ онъ тихо.

Тетка, ничего но понимая, подошла къ его рукамъ; онъ поцѣловалъ ее въ голову и положилъ рядомъ съ Ѳедоромъ Тимоѳеичемъ. Засимъ наступили потемки... Тетка топталась по коту, царапала стѣнки чемодана и отъ ужаса не могла произнести ни звука, а чемоданъ покачивался, какъ на волнахъ, и дрожалъ...

— А вотъ и я!—громко крикнулъ хозяинъ.—А вотъ и я!

Тетка почувствовала, что послѣ этого крика чемоданъ ударился о что-то твердое и пересталъ качаться. Послышался громкій густой ревъ: по комъ-то хлопали, и этотъ кто-то—вѣроятно, рожа съ хвостомъ вмѣсто носа—ревѣлъ и хохоталъ такъ громко, что задрожали замочки у чемодана. Въ отвѣтъ на ревъ раздался пронзительный, визгливый смѣхъ хозяина, какимъ онъ никогда не смѣялся дома.

— Га!—крикнулъ онъ, стараясь перекричать ревъ.—Почтеннѣйшая публика! Я сейчасъ только съ вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мнѣ наслѣдство! Въ чемоданѣ что-то очень тяжелое—очевидно, золото... Га-а! И вдругъ здѣсь милліонъ! Сейчасъ мы откроемъ и посмотримъ...

Въ чемоданѣ щелкнулъ замокъ. Яркій свѣтъ ударилъ Тетку по глазамъ; она прыгнула вонъ изъ чемодана и, оглушенная ревомъ, быстро, во всю прыть забѣгала вокругъ своего хозяина и залилась звонкимъ лаемъ.

— Га!—закричалъ хозяинъ:—дядюшка Ѳедоръ Тимоѳеичъ! дорогая Тетушка! милые родственники, чортъ бы васъ взялъ!

Онъ упалъ животомъ на песокъ, схватилъ кота и Тетку и принялся обнимать ихъ. Тетка, пока онъ тискалъ ее въ своихъ объятіяхъ, мелькомъ оглядѣла тотъ міръ, въ который занесла ее судьба,

и, пораженная его грандіозностью, на минуту застыла отъ удивленія и восторга, потомъ вырвалась изъ объятій хозяина и отъ остроты впечатлѣнія, какъ волчокъ, закружилась на одномъ мѣстѣ. Новый міръ былъ великъ и полонъ яркаго свѣта; куда ни взглянешь, всюду, отъ пола до потолка, видны были одни только лица и больше ничего.

— Тетушка, прошу васъ сѣсть!—крикнулъ хозяинъ.

Помня, что это значитъ, Тетка вскочила на стулъ и сѣла. Она поглядѣла на хозяина. Глаза его, какъ всегда, глядѣли серьезно и ласково, но лицо, въ особенности ротъ и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Самъ онъ хохоталъ, прыгалъ, подергивалъ плечами и дѣлалъ видъ, что ему очень весело въ присутствіи тысячей лицъ. Тетка повѣрила его веселости, вдругъ почувствовала всѣмъ своимъ тѣломъ, что на нее смотрятъ эти тысячи лицъ, подняла вверхъ свою лисью морду и радостно завыла.

— Вы, Тетушка, посидите, — сказалъ ей хозяинъ: — а мы съ дядюшкой попляшемъ камаринскаго.

Ѳедоръ Тимоѳеичъ въ ожиданіи, когда его заставятъ дѣлать глупости, стоялъ и равнодушно поглядывалъ по сторонамъ. Плясалъ онъ вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движеніямъ, по хвосту и по усамъ, что онъ глубоко презиралъ и толпу, и яркій свѣтъ, и хозяина, и себя... Протанцовавъ свою порцію, онъ зѣвнулъ и сѣлъ.

— Ну-съ, Тетушка, — сказалъ хозяинъ: — сначала мы съ вами споемъ, а потомъ попляшемъ. Хорошо?

Онъ вынулъ изъ кармана дудочку и заигралъ. Тетка, не вынося музыки, безпокойно задвигалась на стулѣ и завыла. Со всѣхъ сторонъ послышались ревъ и аплодисменты. Хозяинъ поклонился и, когда все стихло, продолжалъ играть. Во время исполненія одной очень высокой ноты гдѣ-то наверху среди публики кто-то громко ахнулъ.

— Тятька! — крикнулъ дѣтскій голосъ: — а вѣдь это Каштанка!

— Каштанка и есть! — подтвердилъ пьяненькій дребезжащій тенорокъ. — Каштанка! Ѳедюшка, это, накажи Богъ, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галлереѣ свистнулъ, и два голоса — одинъ дѣтскій, другой мужской—громко позвали:

— Каштанка! Каштанка!

Тетка вздрогнула и посмотрѣла туда, гдѣ кричали. Два лица: одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое пухлое, краснощекое и испуганное—ударили ее по глазамъ, какъ раньше ударилъ яркій свѣтъ... Она вспомнила, упала со стула и забилась на пескѣ, потомъ вскочила и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ этимъ лицамъ. Раздался оглушительный ревъ, пронизанный насквозь свистками и пронзительнымъ дѣтскимъ крикомъ:

— Каштанка! Каштанка!

Тетка прыгнула черезъ барьеръ, потомъ черезъ чье-то плечо, очутилась въ ложѣ; чтобы попасть въ слѣдующій ярусъ, нужно было перескочить высокую стѣну; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назадъ по стѣнѣ. Затѣмъ она переходила съ рукъ на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась все выше и выше и наконецъ попала на галерку...

Спустя полчаса, Каштанка шла уже по улицѣ за людьми, отъ которыхъ пахло клеемъ и лакомъ. Лука Александрычъ покачивался и инстинктивно, наученный опытомъ, старался держаться подальше отъ канавы. Рядомъ съ нимъ шагалъ Ѳедюшка въ отцовскомъ картузѣ. Каштанка глядѣла имъ обоимъ въ спины, и ей казалось, что она давно уже идетъ за ними и радуется, что жизнь ея не обрывалась ни на минуту. Вспоминала она комнатку съ грязными обоями, Ѳедора Тимоѳеича, вкусные обѣды, ученье, циркъ, но все это представлялось ей теперь, какъ длинный, перепутанный, тяжелый сонъ...

А. Чеховъ.

Пословица. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

68. Мартъ.

«И мартъ на носъ садится», говоритъ народъ. Другими словами, и въ мартѣ еще бываютъ такіе морозы, что за носъ пощипываютъ. А между тѣмъ, по выраженію того же народа, «въ мартѣ курица изъ лужи напьется» — настолько сильно пригрѣваетъ солнышко, настолько весна беретъ верхъ надъ зимой.

Какъ мы знаемъ, въ старину на Руси этотъ мѣсяцъ былъ первымъ въ году. Названіе его происходитъ отъ имени римскаго бога войны Марса; у русскихъ онъ прежде назывался «сухимъ», потому, должно быть, что въ мартѣ часто подмораживаетъ: «февраль воду подпущаетъ, а мартъ подбираетъ».

Перваго марта—день св. Евдокіи. Съ этого дня въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаютъ закликать весну: женщины, дѣвицы и дѣти взлѣзаютъ на кровли амбаровъ или на пригорки и поютъ:

«Весна красна!
Что ты намъ принесла?»
Красное лѣтечко.

Къ имени Евдокіи прибавляютъ названіе то «свистуньи», то «плющихи» (правильнѣе—плюшнихи). Первое названіе объясняется тѣмъ, что со дня Евдокіи вѣтры начинаютъ дуть и *свистать*. Второе же названіе произошло вотъ отчего: солнце въ мартѣ начинаетъ пригрѣвать сильнѣе, вездѣ текутъ ручейки, которые въ мартовскіе утренники замерзаютъ и оставляютъ на снѣгу и на льду особенныя черты; снѣгъ, раздѣленный этими чертами на клочки, образуетъ «плюшки».

Думаютъ, что съ перваго марта снѣгъ получаетъ особенную цѣлительную силу; поэтому для больныхъ сбираютъ снѣгъ съ пригорковъ и поятъ ихъ снѣговой водой отъ разныхъ недуговъ.

Четвертаго марта прилетаютъ изъ теплыхъ странъ грачи, девятаго—жаворонки. Изстари ведется обычай на Руси на день сорока мучениковъ (9-го марта) печь изъ тѣста жаворонки. Въ старину затѣйливыя старушки пекли эти жаворонки съ особенными вычурами: золотили всю птичку сусальнымъ золотомъ, голову обмазывали медомъ. Птичекъ посылали по роднымъ въ гостинцы дѣтямъ.

Относительно дня 17-го марта — Алексѣя, Божьяго человѣка, Алексѣя Теплаго — существуютъ такія поговорки: «Съ горъ вода пролети». — «Съ горъ потоки». — «Пролей кувшинъ». — «Покинь сани, снаряжай телѣгу». Смыслъ этихъ поговорокъ понятенъ самъ собой.

День Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, 25-ое марта, особенно чтится русскими. Въ этотъ день, «самый большой у Бога праздникъ», и «птица гнѣзда не вьетъ», и «дѣвица косы не плететъ». Изстари на Руси заведено, чтобы въ этотъ день освобождать птицъ на волю.

Суевѣрные люди думаютъ, что тридцатаго марта домовой бѣсится и не узнаетъ своихъ домашнихъ. Съ заходомъ солнца запираютъ весь домашній скотъ и птицъ, а сами боятся подойти и къ окну во всю ночь. Вотъ разсказы этихъ суевѣрныхъ людей о странномъ поведеніи домового въ этотъ день.

Домовой, какъ и всякая нечистая сила, сумѣетъ сотворить бѣду православнымъ людямъ, если противъ него не будутъ приняты предосторожности. Ровно цѣлый годъ онъ, окаянный, живетъ смирно, радѣетъ о хозяйскомъ добрѣ пуще заботливаго мужика, бережетъ скотъ, холитъ лошадей, смотритъ за огородомъ, не дастъ потѣшиться въ саду лѣшему, не дастъ злой вѣдьмѣ коровъ изуродовать. У добраго домового все въ домѣ исправно, во всемъ спорина, отъ всего прибыль, всѣмъ сытно. Вдругъ встоскуется онъ, окаянный, невѣсть почему. Въ тѣ поры онъ на всѣхъ злится, всѣхъ бы радъ известь, готовъ сокрушить весь домъ. Одного только за нимъ не водится, не наложитъ рукъ на себя. Зато ужъ всѣмъ домашнимъ отъ него приходитъ жутко: лошадей забьетъ подъ ясли, у коровъ отобьетъ охоту отъ ѣды, перекусаетъ со зла всѣхъ собакъ, раскидаетъ по всему двору сани и телѣги, хозяину подкатывается подъ ноги. И все это бываетъ тридцатаго марта съ ранней утренней зари до полуночи, какъ запоютъ пѣтухи. Много ходитъ толковъ по міру крещеному о такой бѣдѣ съ домовымъ. Одни говорятъ, что у него въ началѣ весны спадаетъ старая шкура, и отъ этой боли онъ бѣсится. Другіе думаютъ, что на него находитъ чума, вотъ хоть бы какъ на собакъ или на коровъ. Третьи знаютъ навѣрное, что въ этотъ день бываетъ домовымъ расправа отъ нечистой силы за цѣлый годъ. Хоть онъ и домовой, а все-таки набьютъ ему спину не хуже виноватаго мужика. Вѣдь тутъ нечистая сила не даетъ пощады и своему брату: отваляетъ на обѣ корки по-своему. Вотъ какъ думаютъ и поговариваютъ объ этой бѣдѣ съ домовымъ...

На мартъ мѣсяцъ приходится большая часть Великаго поста. Понедѣльникъ на первой недѣлѣ называется *чистымъ*. Четвертая недѣля поста называется средокрестной. Есть повѣрье, будто въ среду на этой недѣлѣ переламывается постъ. Нянюшки и бабушки, забавляя дѣтей, садятся въ передній уголъ за столъ и стучатъ подъ лавкой. Этотъ стукъ, какъ увѣряютъ онѣ дѣтей, будто происходитъ отъ ломанья поста. Такъ какъ на этой недѣлѣ въ церкви выносятъ крестъ на аналой, то въ честь этого пекутъ старушки кресты изъ тѣста.

Суббота на шестой недѣлѣ носитъ названіе вербной. Вербная суббота изстари справлялась въ Москвѣ съ особеннымъ гуляньемъ на Красной площади. Съ утра разставляли ивы и вербы по берегу Неглинной рѣчки. Сюда сбирался народъ «ломать вербу», покупать вѣтви съ херувимами. Впослѣдствіи торгъ вербами и цвѣтами былъ перенесенъ на Красную площадь. Въ вербную субботу совершался въ Москвѣ обрядъ «шествія святителя на осляти», который будетъ описанъ отдѣльно.

Послѣдніе дни Великаго поста проходятъ въ молитвѣ, въ спѣшныхъ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника и въ напряженномъ ожиданіи Великаго дня Христова Воскресенія.

69. Первая весна въ деревнѣ.

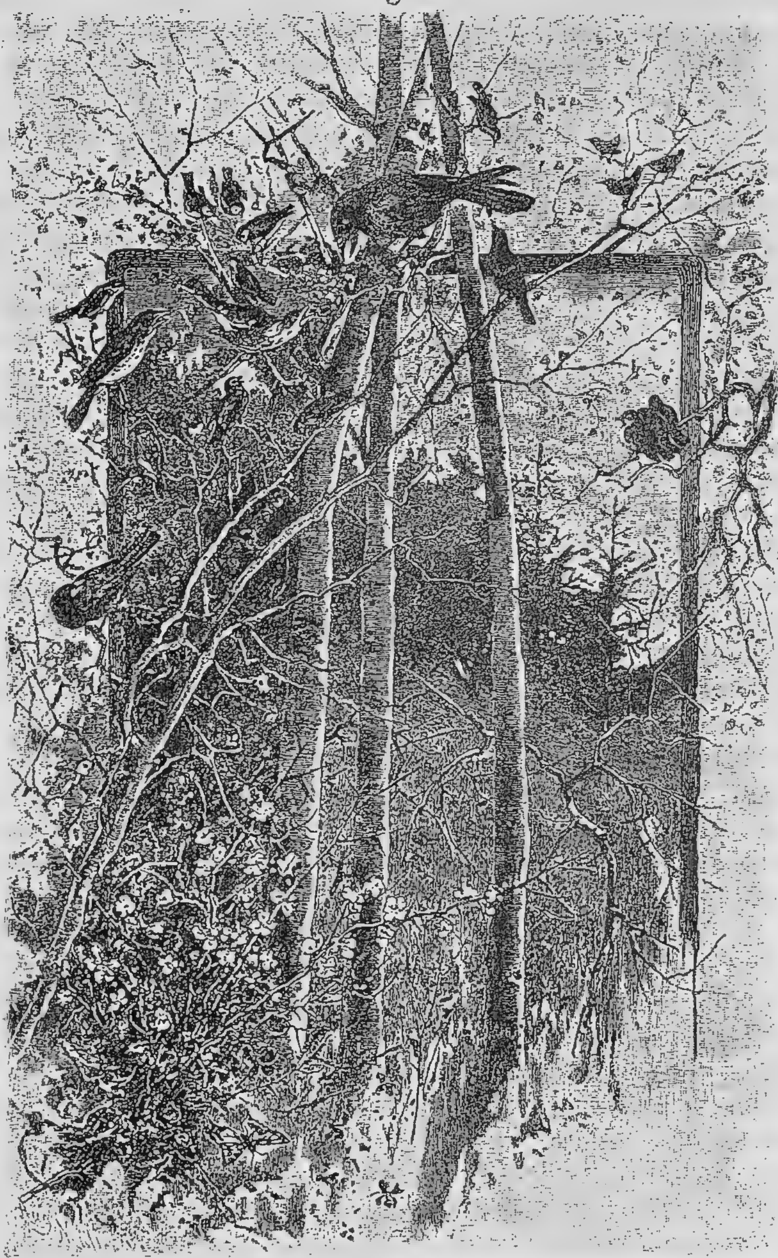
Въ срединѣ Великаго поста, именно на средокрестной недѣлѣ, наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять, и вездѣ показалась вода.

Приближеніе весны въ деревнѣ производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ никогда не испытанное мною, особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцомъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ, какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и *страстно любившіе* природу, хотя сами того хорошенько не понимали, не опредѣляли себѣ и сказанныхъ сейчасъ мною словъ никогда не употребляли. Находя во мнѣ живое сочувствіе, они съ увлеченіемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ, какъ сначала обтаютъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи; какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полямъ рыба; какъ начнутъ ловить ее вятелями и мордами; какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки и начнутъ свистать, сидя на заднихъ лапкахъ по своимъ сурчинамъ; какъ зазеленѣютъ луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи... Простыя, но горячія слова западали мнѣ глубоко въ душу, потрясали какія-то невѣдомыя струны и пробуждали какія-то неизвѣстныя, сладкія и томительныя чувства. Только намъ троимъ, отцу, мнѣ и Евсеичу, было не грустно и не скучно смотрѣть на почернѣвшія крыши и стѣны строеній и голые сучья деревъ, на мокреть и слякоть, на грязные сугробы снѣга, на лужи мутной воды, на сѣрое небо, на туманъ сырого воздуха, на снѣгъ и дождь, то вмѣстѣ, то попеременно падавшіе изъ потемнѣвшихъ низкихъ облаковъ.

Заключенный въ домѣ, потому что въ мокрую погоду меня и на крыльцо не выпускали, я тѣмъ не менѣе слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ новой горницы, то-есть изъ нашей спальни, съ одной стороны виднѣлась Челявская гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой—часть рѣки давно растаявшаго Бугуруслана, съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной чернѣлись проталины на Кудринской горѣ, особенно около круглаго родниковаго озера, въ которомъ мочили конопли; изъ залы стекленѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу; изъ бабушкиной и тетушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ и множество сурчинъ по ней, которыя съ каждымъ днемъ освобождались отъ снѣга. Шире, длиннѣе становились грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и, проходя сквозь заборъ, уже показывалась вода между капустныхъ грядъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось мною точно и внимательно, и каждый шагъ весны торжествовался, какъ побѣда. Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя сторожевыя мѣста. Чтеніе, письмо, игры съ сестрой, даже разговоры съ матерью -- все вылетѣло у меня изъ головы. О томъ, чего не могъ видѣть своими глазами, получалъ я безпрестанныя извѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичьей и лакейской.

«Прудъ посинѣлъ и надулся, ѣздить по немъ опасно, мужикъ съ возомъ провалился, подпруда подошла подъ водяныя колеса, молоть уже нельзя, пора спускать воду; Антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и Мордовскій напружился и почернѣлъ, скоро никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь, Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ; мостки снесло, вода залила людскую баню»,—вотъ что слышалъ я безпрестанно, и не равнодушно принимались всѣ такія извѣстія. Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ. Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, *дичь*, по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ лебедей, такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковныхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и пиголицъ около родниковъ... Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ—и безъ меня. Погода была слишкомъ дурная, и я не смѣлъ даже проситься. Разсказы отца отчасти удовлетворили моему любопытству.

Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще, важнѣе, возмутительнѣе! Наконецъ Евсеичъ съ азартомъ объявилъ, что «всякая птица валомъ валитъ, безъ перемежки!» Переполнилась мѣра моего терпѣнья. Невозможно стало для меня все это слышать и не ви-

дѣть, и, съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволенiе у матери, одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ, посидѣть на крылечкѣ, выходившемъ въ садъ, прямо надъ Бугурусланомъ. Внутренняя дверь еще не была откупорена; Евсеичъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ, потому что вездѣ была вода и грязь.

Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи.

Рѣка выступила изъ береговъ, поняла урему [1]) на обѣихъ сторонахъ и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега польевъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь, а другія — низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто; крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ, или свиститъ, я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ. Отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большомъ волненіи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу.

— Шилохвостя, шилохвостя-то сколько!—говорилъ торопливо Евсеичъ.—Эки стаи! А кряковныхъ-то! Батюшки, видимо-невидимо!

— А слышишь ли,—подхватывалъ мой отецъ:—вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями, точно туча!.. Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то,—я уже и не видывалъ такихъ стай.

Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не понималъ, что вокругъ меня происходило; только сердце то замирало, то стучало, какъ молоткомъ; но зато послѣ все представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденіе.

С. Аксаковъ.

70. Шествіе на осляти.

Торжественно совершался въ недѣлю Ваій (Вербное воскресенье) обрядъ «шествія на осляти» въ память входа Спасителя въ Іерусалимъ.

Обрядъ этотъ во второй половинѣ XVII ст. происходилъ такимъ образомъ. Послѣ ранней обѣдни государь выходилъ въ Успенскій соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ и прочихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ; въ немъ участвовало духовенство всей Москвы и окрестныхъ монастырей и многіе иногородные; несли хоругви, кресты, рипиды, иконы. Съ одной стороны патріарха несли Евангеліе, съ другой—крестъ. Вслѣдъ за патріархомъ открывалось царское шествіе въ томъ же порядкѣ, какъ сказано выше. Шествіе направлялось изъ Успенскаго собора черезъ Спасскія ворота къ храму Покровскаго собора (церкви Василія Блаженнаго); здѣсь останавливались лицомъ къ востоку. Государь и патріархъ шли

[1]) Залила кусты.

въ соборный придѣлъ входа въ Іерусалимъ; сопровождали государя только знатнѣйшіе сановники; прочіе же становились у Лобнаго мѣста по чинамъ. Въ соборѣ патріархъ совершалъ молебствіе и облачался; государь тоже возлагалъ на себя болѣе торжественный царскій нарядъ. Въ то же время на Лобномъ мѣстѣ, убранномъ бархатомъ и сукнами, ставили налой, покрытый зеленою бархатной пеленой; на налой клали Евангеліе и иконы. Путь отъ Лобнаго мѣста къ Спасскимъ воротамъ былъ огражденъ, и тутъ стояли кадки съ вербами для народа. Стрѣльцы и народъ наполняли площадь. На кровлѣ одной изъ близкихъ къ собору лавокъ становился служилый человѣкъ со знаменемъ, чтобы давать сигналы во время церемоніи.

Близъ Лобнаго мѣста стоялъ осля. Это былъ конь, который покрывался съ головой бѣлымъ суконнымъ покрываломъ съ длинными ушами, что придавало ему нѣкоторое подобіе осла. При конѣ былъ патріаршій бояринъ и пять человѣкъ дьяковъ; тутъ же стояла нарядная верба,—большое дерево, украшенное искусственною зеленью, плодами и цвѣтами. Ставилась она на богато украшенныхъ саняхъ (обыкновенно на колесахъ), въ которыя запряжено было шесть коней въ цвѣтныхъ бархатныхъ попонахъ.

Когда государь и патріархъ выходили изъ Покровскаго собора, образа и кресты направлялись къ Успенскому собору. Патріархъ, поднявшись на Лобное мѣсто, подавалъ царю сначала ваію (пальмовую вѣтвь), а затѣмъ вербу, стволъ которой былъ обшитъ бархатомъ. Подобныя же ваіи и вербы раздавалъ онъ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, а меньшимъ людямъ и народу митрополиты раздавали только вербу. Затѣмъ архидіаконъ читалъ евангеліе о входѣ Спасителя въ Іерусалимъ, и когда доходилъ до словъ: «и посла два отъ ученикъ», тогда соборный протопопъ съ ключаремъ подходили къ патріарху; онъ благословлялъ ихъ «по осляти итти». Они шли къ лошади и отвязывали ее. При этомъ патріаршій бояринъ спрашивалъ: «Что отрѣшаете осля сіе?» А посланные отвѣчали: «Господь требуетъ». Затѣмъ подводили лошадь, покрывъ ее коврами, къ патріарху, который, взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую—крестъ, благословлялъ царя и садился на лошадь.

Шествіе открывалось младшими государевыми чинами; за ними везли нарядную вербу; на саняхъ, подъ деревомъ, стояли и пѣли патріаршіе пѣвчіе. За вербою слѣдовало духовенство съ иконами, за ними—ближніе люди, думные дьяки и окольничіе въ богатыхъ уборахъ, потомъ государь въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, велъ «осля» за конецъ повода. Середину повода держалъ за государемъ одинъ изъ важнѣйшихъ бояръ; кромѣ того, лошадь вели подъ уздцы два дьяка. Предъ государемъ стольники и ближніе люди несли царскій жезлъ, государеву свѣчу и пр. По обѣ стороны шли бояре, окольничіе и думные дворяне съ ваіями. Патріархъ на всемъ пути благословлялъ народъ крестомъ. За нимъ шло въ огромномъ числѣ духовенство въ блистающихъ ризахъ. Шествіе заключали гости (именитые купцы).

На всемъ пути дѣти, мальчики лѣтъ 10—15-ти, постилали предъ государемъ и патріархомъ куски сукна разныхъ цвѣтовъ, суконные однорядки и кафтаны. Медленно и торжественно вступала процессія въ Спасскія ворота; тогда начинался звонъ не только въ Кремлѣ, но по всѣмъ московскимъ церквамъ, и не прекращался до вступленія царя и патріарха въ Успенскій соборъ. Здѣсь архидіаконъ доканчивалъ чтеніе евангелія, патріархъ принималъ у государя ваію; государь получалъ отъ него благословеніе и шелъ къ обѣднѣ въ одну изъ дворцовыхъ церквей, а патріархъ служилъ литургію въ соборѣ и по отпускѣ шелъ къ нарядной вербѣ и благословлялъ ее. Затѣмъ отъ вербы отсѣкали сукъ и относили его въ алтарь; послѣ того отрѣзали вѣтви и часть ихъ посылали на серебряныхъ блюдахъ наверхъ (т.-е. во дворецъ), а другую раздавали духовнымъ сановникамъ и боярамъ. Остатки же вербы и убранство саней доставались на долю народу. Обрядъ шествія на осляти справлялся и по другимъ большимъ русскимъ городамъ,—патріарха замѣнялъ архіерей, а царя—воевода.

Загадка. Родился—не крестился; умеръ—не покаялся, а былъ Богоносецъ (оселъ).

71. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Салима бѣдные сыны?
И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?
Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

М. Лермонтовъ.

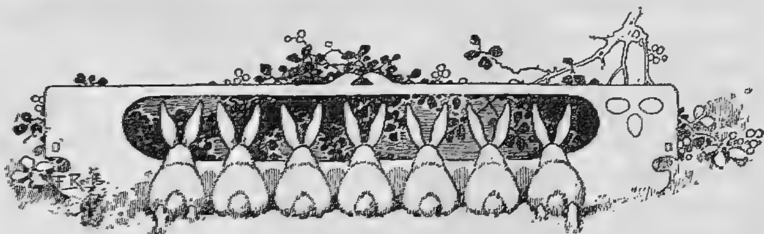
72. Что ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:

Что ты былъ? И что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ, по лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь;
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Пословица. Лѣнь человѣка портитъ, а трудъ кормитъ.

73. Дѣдушка Мазай и зайцы.

Я отъ Мазая разсказы слыхалъ.
Дѣти, для васъ я одинъ записалъ...
Старый Мазай разболтался въ сараѣ:
«Въ нашемъ болотистомъ, низменномъ краѣ
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сѣтями ея не ловили,
Кабы силками ея не давили;
Зайцы вотъ тоже,—ихъ жалко до слезъ!
Только весеннія воды нахлынутъ,
И безъ того они сотнями гинутъ,—
Нѣтъ! еще мало! бѣгутъ мужики,
Ловятъ и топятъ и бьютъ ихъ баграми.
Гдѣ у нихъ совѣсть?.. Я разъ за дровами

Въ лодкѣ поѣхалъ—ихъ много съ рѣки
Къ намъ въ половодье весной нагоняетъ —
Ѣду, ловлю ихъ. Вода прибываетъ.
Вижу одинъ островокъ небольшой—
Зайцы на немъ собралися гурьбой.
Съ каждой минутой вода подбиралась
Къ бѣднымъ звѣркамъ; ужъ подъ ними осталось
Меньше аршина земли въ ширину,
Меньше сажени въ длину.
Тутъ я подъѣхалъ: лопочутъ ушами,
Сами ни съ мѣста; я взялъ одного,
Прочимъ скомандовалъ: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои,—ничего!
Только усѣлась команда косая,
Весь островочекъ пропалъ подъ водой:
«То-то!—сказалъ я:—не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, дѣда Мазая!»
Этакъ гуторя, плывемъ въ тишинѣ.
Столбикъ—не столбикъ, зайчишко на пнѣ,
Лапки скрестивши, стоитъ, горемыка:
Взялъ и его—тягота не велика!
Только что началъ работать весломъ,
Глядь—у куста копошится зайчиха—
Еле жива, а толста, какъ купчиха!
Я ее, дуру, накрылъ зипуномъ—
Сильно дрожала... Не рано ужъ было.
Мимо бревно суковатое плыло;
Сидя и стоя и лежа пластомъ,
Зайцевъ съ десятокъ спасалось на немъ.
«Взялъ бы я васъ—да потопите лодку!»
Жаль ихъ, однако, да жаль и находку.
Я зацѣпился багромъ за сучокъ
И за собою бревно поволокъ...
Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ:
«Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!»
Ладно, любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились.
Тутъ мои зайчики точно сбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапки встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ!
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь и рощу и кусты густые!..
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ—и «съ Богомъ!» сказалъ!..
И во весь духъ
Пошли зайчишки.
А я имъ: «У-ухъ!

Живѣй, звѣришки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чуръ зимой
Не попадайся!
Прицѣлюсь—бухъ!
И ляжешь... У-ухъ!»
Мигомъ команда моя разбѣжалась,
Только на лодкѣ двѣ пары осталось—
Сильно измокли, ослабли; въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выспались, плотно наѣлись;
Вынесъ я ихъ на лужокъ, изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ—и дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
«Не попадайтесь зимой!»
Я ихъ не бью ни весною ни лѣтомъ,—
Шкура плоха,—линяетъ косой...

Н. А. Некрасовъ.

74. Чижъ и голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно ль», говоритъ: «средь бѣла дня
Попался!
Не провели бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло».
Анъ смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

И. А. Крыловъ.

75. Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

А. Пушкинъ.

76. Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубого дня,
И такъ запѣла улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Туманскій.

77. Безобразный утенокъ.

Хорошо было за городомъ! Стояло лѣто, рожь уже желтѣлась, овсы зеленѣли, сѣно было сметано въ стоги; по зеленому лугу расхаживалъ длинноногій аистъ и болталъ по-египетски,—онъ выучился этому языку отъ матери. За полями и лугами шли большіе лѣса съ глубокими озерами въ чащѣ. Да, хорошо было за городомъ! Прямо на солнышкѣ лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами съ водой; отъ самаго строенія вплоть до воды росъ лопухъ, да такой большой, что маленькіе ребятишки могли стоять подъ самыми крупными изъ его листьевъ во весь ростъ. Въ самой чащѣ лопуха было такъ же глухо и дико, какъ въ частомъ лѣсу, и вотъ тамъ-то сидѣла на яйцахъ утка. Сидѣла она уже давно, и ей порядкомъ надоѣло это сидѣніе: ее мало навѣщали; другимъ уткамъ больше нравилось плавать по канавамъ, чѣмъ сидѣть въ лопухѣ и крякать съ нею.

Наконецъ яичныя скорлупки затрещали. «Пи! пи!» — послышалось изъ нихъ, — яичные желтки ожили и высунули изъ скорлупокъ носики.

— Живо! живо!—закрякала утка, и утята заторопились, кое-какъ выкарабкались и начали озираться кругомъ, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мѣшала имъ,—зеленый свѣтъ полезенъ для глазъ.

— Какъ міръ великъ!—сказали утята. Еще бы! теперь у нихъ было куда больше мѣста, чѣмъ тогда, когда они лежали въ яйцахъ.

— А вы думаете, что тутъ и весь міръ?—сказала мать.—Нѣтъ, онъ идетъ далеко-далеко, туда, за садъ, въ поле священника, но тамъ я отъ роду не бывала!.. Ну, всѣ, что ли, вы тутъ? — И она встала.—Ахъ, нѣтъ, не всѣ! Самое большое яйцо цѣлехонько! Да скоро ли этому будетъ конецъ! Право, мнѣ ужъ надоѣло.

И она усѣлась опять.

— Ну, какъ дѣла?—заглянула къ ней старая утка.

— Да вотъ, еще одно яйцо остается!—сказала молодая утка.— Сижу, сижу, а все толку нѣтъ! Но посмотри-ка на другихъ. Просто прелесть! Ужасно похожи на отца!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо!—сказала старая утка.—Можетъ статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули разъ! Ну и маялась же я, какъ вывела индюшатъ! Они вѣдь страсть боятся воды; ужъ я и крякала, и звала, и толкала ихъ въ воду—не идутъ, да и конецъ! Дай мнѣ взглянуть на яйцо! Ну, такъ и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай, учи другихъ плавать!

— Посижу ужъ еще!—сказала молодая утка.—Сидѣла столько, что можно посидѣть и еще немножко!

— Какъ угодно!—сказала старая утка и ушла.

Наконецъ затрещала скорлупа и самаго большого яйца.—«Пи! пи!»—и оттуда вывалился огромный, некрасивый птенецъ. Утка оглядѣла его. «Ужасно великъ!» сказала она. «И совсѣмъ не похожъ на остальныхъ! Неужели это индюшенокъ? Ну, да въ водѣ-то онъ у меня побываетъ, хоть бы мнѣ пришлось столкнуть его туда силой!»

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопухъ весь былъ залитъ солнцемъ! Утка со всею своею семьей отправилась къ канавѣ. Бултыхъ!—и утка очутилась въ водѣ.

— За мной! Живо! — позвала она утятъ, и тѣ одинъ за другимъ тоже бултыхнулись въ воду.

Сначала вода покрыла ихъ съ головками, но затѣмъ они вынырнули и поплыли такъ, что любо. Лапки у нихъ такъ и работали; некрасивый сѣрый утенокъ не отставалъ отъ другихъ.

— Какой же это индюшенокъ?—сказала утка. — Вишь, какъ славно гребетъ лапками, какъ прямо держится! Нѣтъ, это мой собственный сынъ! Да онъ вовсе и не дуренъ, какъ посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчасъ введу васъ въ общество,—мы отправимся на птичій дворъ. Но держитесь ко мнѣ поближе, чтобы кто-нибудь не наступилъ на васъ, да берегитесь кошекъ!

Скоро добрались и до птичьяго двора. Батюшки! что тутъ былъ за шумъ и гамъ! Двѣ семьи дрались изъ-за одной угриной головки, и въ концѣ концовъ она досталась кошкѣ.

— Вотъ, какъ идутъ дѣла на бѣломъ свѣтѣ!—сказала утка и облизнула язычкомъ клювъ: ей тоже хотѣлось отвѣдать угриной головки.—Ну, ну, шевелите лапками!—сказала она утятамъ.—Крякните и поклонитесь вонъ той старой уткѣ! Она здѣсь знатнѣе всѣхъ! Она испанской породы—и потому такая жирная. Видите, у нея на лапкѣ красный лоскутокъ? Какъ красиво! Это знакъ высшаго отличія, какого только можетъ удостоиться утка. Люди даютъ этимъ понять, что не желаютъ потерять ее; по этому лоскутку ее узнаютъ и люди и животныя. Ну, живо! Да не держите лапки вмѣстѣ! Благовоспитанный утенокъ долженъ держать лапки врозь и выворачивать ихъ наружу, какъ папаша съ мамашей! Вотъ такъ! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Они такъ и сдѣлали; но другія утки оглядывали ихъ и громко говорили:

— Ну, вотъ, еще цѣлая орава! Точно насъ мало было! А одинъ-то какой безобразный! Его ужъ мы не потерпимъ!

И сейчасъ же одна утка подскочила и клюнула его въ шею.

— Оставьте его!—сказала утка-мать.—Онъ вамъ вѣдь ничего не сдѣлалъ!

— Положимъ, но онъ такой большой и странный!—отвѣтила забіяка.—Ему и надо задать хорошенько!

— Славныя у тебя дѣтки!—сказала старая утка съ краснымъ лоскуткомъ на лапкѣ.—Всѣ очень милы, кромѣ одного... Этотъ не удался! Хорошо бы его передѣлать!

— Никакъ нельзя, ваша милость!—отвѣтила утка-мать.—Онъ некрасивъ, но у него доброе сердце, и плаваетъ онъ не хуже, смѣю даже сказать, лучше другихъ. Я думаю, что онъ выраcтетъ—похорошѣетъ, или станетъ со временемъ поменьше. Онъ залежался въ яйцѣ, оттого и не совсѣмъ удался.—И она провела носикомъ по перышкамъ большого утенка.—Я думаю, что онъ возмужаетъ и пробьетъ себѣ дорогу!

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка.—Ну, будьте же, какъ дома, а найдете угриную головку—можете принести ее мнѣ.

Вотъ они и стали вести себя, какъ дома. Только бѣднаго утенка, который вылупился позже всѣхъ и былъ такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмѣшками рѣшительно всѣ, и утки и куры.

— Онъ больно великъ! — говорили всѣ, а индѣйскій пѣтухъ, который родился со шпорами на ногахъ и потому воображалъ себя императоромъ, надулся и, словно корабль на всѣхъ парусахъ, подлетѣлъ къ утенку, поглядѣлъ на него и сердито залопоталъ; гребешокъ у него такъ весь и налился кровью. Бѣдный утенокъ просто не зналъ, что ему дѣлать, какъ быть. И надо же было ему уродиться такимъ безобразнымъ посмѣшищемъ для всего птичьяго двора!

Такъ прошелъ первый день, затѣмъ пошло еще хуже. Всѣ гнали бѣдняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несноснаго урода!» А мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали!» Утки клевали его, куры щипали, а дѣвушка, которая давала птицамъ кормъ, толкала ногой.

Не выдержалъ утенокъ, перебѣжалъ дворъ и — черезъ изгородь! Маленькія птички испуганно вспорхнули изъ кустовъ.

«Онѣ испугались меня, такой я безобразный!» подумалъ утенокъ и пустился съ закрытыми глазами дальше, пока не очутился въ болотѣ, гдѣ жили дикія утки. Усталый и печальный, онъ просидѣлъ тутъ всю ночь.

Утромъ утки вылетѣли изъ гнѣзда и увидали новаго товарища.

— Ты кто такой?—спросили онѣ, а утенокъ вертѣлся, раскланивался во всѣ стороны, какъ умѣлъ.

— Ты пребезобразный!—сказали дикія утки.—Но намъ до этого нѣтъ дѣла, только не вздумай породниться съ нами!

Бѣдняжка, гдѣ ужъ ему было думать объ этомъ! Лишь бы позволили ему посидѣть тутъ въ камышахъ да попить болотной водицы.

Два дня провелъ онъ въ болотѣ, а на третій явились два дикихъ гусака. Они недавно вылупились изъ яицъ и потому выступали съ большимъ форсомъ.

— Слушай, дружище! — сказали они: — ты такой уродъ, что, право, нравишься намъ! Хочешь бродить съ нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, въ другомъ болотѣ, живутъ премиленькія дикія гусыни-барышни! Онѣ умѣютъ говорить: «рапъ, рапъ!» Ты—такой уродъ, что—чего добраго—будешь имѣть у нихъ большой успѣхъ!

Пифъ! пафъ!—раздалось вдругъ надъ болотомъ, и оба гусака упали въ камыши мертвыми; вода окрасилась кровью. Пифъ! Пафъ!—раздалось опять, и изъ камышей поднялась цѣлая стая дикихъ гусей. Пошла пальба. Охотники облегли болото со всѣхъ сторонъ; нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ нависшихъ надъ болотомъ вѣтвяхъ деревьевъ. Голубой дымъ облаками окутывалъ деревья и стлался надъ водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камышъ качался изъ стороны въ сторону. Бѣдный утенокъ былъ ни живъ ни мертвъ. Отъ страху только что хотѣлъ спрятать голову подъ крыло, какъ глядь—передъ нимъ охотничья собака съ высунутымъ языкомъ и сверкающими злыми глазами. Она приблизила къ утенку свою пасть, оскалила острые зубы и—шлепъ, шлепъ, побѣжала дальше.

— Слава Богу!—перевелъ духъ утенокъ:—Слава Богу! Я такъ безобразенъ, что даже собакѣ не хочется укусить меня!

И онъ притаился въ камышахъ; надъ головой его то-и-дѣло летали дробинки, раздавались выстрѣлы.

Пальба стихла только къ вечеру, но утенокъ долго еще боялся шевельнуться. Прошло еще нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ онъ

осмѣлился встать, оглядѣться и пуститься бѣжать дальше по полямъ и лугамъ. Дулъ такой сильный вѣтеръ, что утенокъ еле-еле могъ двигаться.

Къ ночи онъ добѣжалъ до бѣдной избушки. Избушка такъ ужъ обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бокъ, оттого и держалась. Вѣтеръ такъ и подхватывалъ утенка,— приходилось упираться въ землю хвостомъ!

Вѣтеръ, однако, все крѣпчалъ: что было дѣлать утенку? Къ счастью, онъ замѣтилъ, что дверь избушки соскочила съ одной петли и виситъ совсѣмъ криво; можно было свободно проскользнуть черезъ эту щель въ избушку. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ избушкѣ жила старушка съ котомъ и курицей. Кота она звала «сыночкомъ»; онъ умѣлъ выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили противъ шерсти. У курицы были маленькія, коротенькія ножки, ее и прозвали «коротконожкой»; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, какъ дочку.

Утромъ пришлеца замѣтили; котъ началъ мурлыкать, а курица клохтать.

— Что тамъ?—спросила старушка, осмотрѣлась кругомъ и замѣтила утенка, но, по слѣпотѣ своей, приняла его за жирную утку, которая отбилась отъ дому.

— Вотъ такъ находка! — сказала старушка: — теперь у меня будутъ утиныя яйца, если только это не селезень. Ну, да увидимъ, испытаемъ!

И утенка приняли на испытаніе, но прошло недѣли три, а яицъ все не было. Господиномъ въ домѣ былъ котъ, а госпожею курица, и оба всегда говорили: «Мы и свѣтъ!» Они считали самихъ себя половиной всего свѣта, притомъ—лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этотъ счетъ быть и другого мнѣнія. Курица, однако, этого не потерпѣла.

— Умѣешь ты нести яйца?—спросила она утенка.

— Нѣтъ!

— Такъ и держи языкъ на привязи!

А котъ спросилъ:

— Умѣешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нѣтъ!

— Такъ и не суйся съ своимъ мнѣніемъ, когда говорятъ умные люди.

И утенокъ сидѣлъ въ углу нахохлившись. Вдругъ вспомнились ему свѣжій воздухъ и солнышко, и ему страшно захотѣлось поплавать. Онъ не выдержалъ и сказалъ объ этомъ курицѣ:

— Да что съ тобой?! — спросила она.—Бездѣльничаешь, вотъ тебѣ блажь въ голову и лѣзетъ!.. Неси-ка яйца, или мурлычь, дурь-то и пройдетъ!

— Ахъ, плавать по водѣ такъ пріятно!—сказалъ утенокъ.—А что за наслажденіе нырять въ самую глубь съ головою!

— Хорошо наслажденіе!—сказала курица.—Ты совсѣмъ рехнулся. Спроси у кота—онъ умнѣе всѣхъ, кого я знаю,—нравится ли ему плавать и нырять! О себѣ самой я ужъ не говорю. Спроси, наконецъ, у нашей старушки-госпожи, умнѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ! По-твоему, и ей хочется плавать, или нырять съ головой?

— Вы меня не понимаете!—сказалъ утенокъ.

— Если ужъ мы не понимаемъ, такъ кто тебя и пойметъ! Что жъ, ты хочешь быть умнѣе кота и госпожи, не говоря ужъ обо мнѣ? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сдѣлали! Тебя пріютили, пригрѣли, тебя окружаетъ такое общество, въ которомъ ты можешь чему-нибудь научиться, но ты—пустая голова, и говорить-то съ тобой не стоитъ! Ужъ повѣрь мнѣ! Я желаю тебѣ добра, потому и браню тебя; по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца, или выучись мурлыкать и пускать искры!

— Я думаю, мнѣ лучше уйти отсюда, куда глаза глядятъ!—сказалъ утенокъ.

— И съ Богомъ!—отвѣтила курица.

И утенокъ ушелъ, плавалъ и нырялъ съ головой, но всѣ животныя попрежнему презирали его за безобразіе.

Настала осень; листья на деревьяхъ пожелтѣли и побурѣли; вѣтеръ подхватывалъ и кружилъ ихъ по воздуху; наверху, въ небѣ, стало такъ холодно, что тяжелыя облака сѣяли градомъ и снѣгомъ, а на изгороди сидѣлъ воронъ и каркалъ отъ холода во все горло. Брр!.. Замерзнешь при одной мысли о такомъ холодѣ! Плохо приходилось бѣдному утенку.

Разъ вечеромъ, когда солнышко еще такъ славно сіяло на небѣ, изъ-за кустовъ поднялась цѣлая стая чудныхъ большихъ птицъ; утенокъ сроду не видывалъ такихъ красавцевъ; всѣ они были бѣлы, какъ снѣгъ, съ длинными, гибкими шеями. То были лебеди. Они испустили какой-то странный крикъ, взмахнули великолѣпными большими крыльями и полетѣли съ холодныхъ луговъ въ теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бѣднаго утенка охватило какое-то странное волненіе. Онъ завертѣлся въ водѣ, какъ волчокъ, вытянулъ шею и тоже испустилъ такой громкій и странный крикъ, что и самъ испугался. Чудныя птицы не шли у него изъ головы, и, когда онѣ окончательно скрылись изъ виду, онъ нырнулъ на самое дно, вынырнулъ опять и былъ словно внѣ себя. Утенокъ не зналъ, какъ зовутъ этихъ птицъ, куда онѣ летѣли, но полюбилъ ихъ, какъ не любилъ до сихъ поръ никого. Онъ не завидовалъ ихъ красотѣ; ему и въ голову не могло прійти пожелать походить на нихъ; онъ радъ бы былъ и тому, чтобы хоть утки-то его отъ себя не отталкивали. Бѣдный безобразный утенокъ!

А зима стояла холодная. Утенку приходилось плавать въ водѣ безъ отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсѣмъ, но съ каждою ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило такъ, что ледяная кора трещала. Утенокъ безъ

устали работалъ лапками, но подъ конецъ обезсилѣлъ, пріостановился и весь обмерзъ.

Рано утромъ мимо проходилъ крестьянинъ, увидалъ примерзшаго утенка, разбилъ ледъ своимъ деревяннымъ башмакомъ и принесъ птицу домой къ женѣ. Утенка отогрѣли.

Но вотъ дѣти вздумали поиграть съ нимъ, а онъ вообразилъ, что они хотятъ обидѣть его, и шарахнулся со страха прямо въ подойникъ съ молокомъ, — молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенокъ между тѣмъ влетѣлъ въ кадку съ масломъ, а оттуда въ боченокъ съ мукой. Батюшки, на что онъ былъ похожъ!

Женщина вопила и гонялась за нимъ съ угольными щипцами, дѣти бѣгали, сшибая другъ друга съ ногъ, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной; утенокъ выбѣжалъ, кинулся въ кусты, прямо на свѣже-выпавшій снѣгъ и долго-долго лежалъ тамъ почти безъ чувствъ. Бы ло бы черезчуръ печально описывать всѣ злоключенія утенка во время суровой зимы. Когда же солнышко опять пригрѣло землю своими теплыми лучами, онъ лежалъ въ болотѣ, въ камышахъ. Запѣли жаворонки, пришла весна-красна.

Утенокъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ; теперь крылья его шумѣли и были куда крѣпче прежняго. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже очутился въ большомъ саду. Яблони стояли всѣ въ цвѣту; душистая сирень склоняла свои длинныя зеленыя вѣтви надъ извилистымъ каналомъ.

Ахъ, какъ тутъ было хорошо, какъ пахло весною!

Вдругъ изъ чащи тростника выплыли три чудныхъ бѣлыхъ лебедя! Они плыли такъ легко и плавно, точно скользили по водѣ. Утенокъ узналъ красивыхъ птицъ, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я къ этимъ царственнымъ птицамъ; онѣ, навѣрное, убьютъ меня за мою дерзость, за то, что я, такой безобразный, осмѣлился приблизиться къ нимъ, но пусть! Лучше быть убитымъ ими, чѣмъ сносить щипки утокъ и куръ, толчки птичницы да терпѣть холодъ и голодъ зимою!»

И онъ слетѣлъ въ воду и поплылъ навстрѣчу красавцамъ-лебедямъ, которые, завидя его, тоже устремились къ нему.

— Убейте меня!—сказалъ бѣдняжка и опустилъ голову, ожидая смерти, но что же увидалъ онъ въ чистой, какъ зеркало, водѣ? Свое собственное изображеніе, но онъ былъ уже не безобразною темно-сѣрою птицей, а лебедемъ!

Теперь онъ былъ радъ, что перенесъ столько горя и бѣдствій,—онъ лучше могъ теперь оцѣнить свое счастье и все окружавшее его великолѣпіе. Большіе лебеди плавали вокругъ него и ласкали его, гладя клювами по перышкамъ.

Въ садъ прибѣжали маленькія дѣти; они стали бросать лебедямъ хлѣбныя крошки и зерна, а самый меньшой изъ нихъ закричалъ:

— Новый, новый!

И всѣ остальныя подхватили: «Да, новый, новый!» хлопали въ ладоши и приплясывали отъ радости; потомъ побѣжали за отцомъ и матерью и опять бросали въ воду крошки хлѣба и пирожнаго. Всѣ говорили, что новый красивѣе всѣхъ. Такой молоденькій, прелестный!

И старые лебеди склонили передъ нимъ головы. А онъ совсѣмъ смутился и спряталъ голову подъ крыло, самъ не зная зачѣмъ. Онъ былъ черезчуръ счастливъ, но нисколько не возгордился,—доброе сердце не знаетъ гордости,—помня то время, когда всѣ его презирали и гнали. А теперь всѣ говорятъ, что онъ прекраснѣйшій между прекрасными птицами! Сирень склоняла къ нему въ воду свои душистыя вѣтви, солнышко свѣтило такъ славно... И вотъ крылья его зашумѣли, стройная шея выпрямилась, а изъ груди вырвался ликующій крикъ:

— Нѣтъ, о такомъ счастьѣ я и не мечталъ, когда былъ еще безобразнымъ утенкомъ!

Андерсенъ.

78. Слонъ и моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, навстрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться,—
Ей шавка говоритъ:— тебѣ ль съ слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ, и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ!—ей моська отвѣчаетъ:—
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на слона!»

И. А. Крыловъ.

79. Апрѣль.

Если тѣ поговорки, которыя сложились въ народѣ о мартѣ мѣсяцѣ, иногда противорѣчатъ другъ другу, то то же самое мы встрѣтимъ и въ поговоркахъ, сложенныхъ относительно апрѣля. «Въ апрѣлѣ земля прѣетъ», какъ говорится въ одной поговоркѣ, отъ множества воды и отъ теплыхъ солнечныхъ лучей, и въ то же время въ другой поговоркѣ дается совѣтъ «не ломать печи», потому что «еще апрѣль на дворѣ». Такое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что апрѣль, или, какъ его въ древности называли, «цвѣтень», отличается, дѣйствительно, весьма перемѣнчивой погодой: «то холодно, то очень жарко, то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко». Не отъ этого ли расположенія апрѣльской погоды шутить съ нами и произошелъ обычай подшучивать другъ надъ другомъ перваго апрѣля? Обычай этотъ очень древній и распространенъ у многихъ народовъ. Къ намъ онъ пришелъ отъ нѣмцевъ при Петрѣ Великомъ.

Третьяго апрѣля въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ люди еще очень суевѣрны, рыбаки приходятъ въ полночь полакомить гостинцами водяного дѣдушку. Это угощеніе происходитъ слѣдующимъ порядкомъ.

Покупаютъ у цыганъ самую негодную лошадь не торгуясь ровно за три дня. Въ эти три дня стараются ее откормить хлѣбомъ и конопляными жемыхами. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вплетаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ.

Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣка очистилась отъ льда, то сами, садясь на лодки, стараются утопить лошадь середь рѣки. Въ то время старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несчастье бываетъ для рыболововъ, если водяной не желаетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію, водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ перваго апрѣля онъ просыпается голоднымъ, сердитымъ. Съ досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрымъ гостинцемъ — лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу, переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ бури и потопленія, не рветъ неводовъ и бредней. Во время своего гнѣва и голода водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣднюю усадьбу. Желаніе водяного получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлятъ водяного гостинцемъ, то старшій рыболовъ, выливая въ рѣку масло, говоритъ: «Вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью».

Въ день святого Георгія, 23-го апрѣля, выгоняютъ скотъ на траву вербой, оставленной отъ Вербной недѣли. Рано утромъ служатъ отъ всего міра молебны на студенцахъ [1]), рѣкахъ или лугахъ, и послѣ благословенія отъ священника провожаютъ всей деревней скотину въ поле. Здѣсь угощаютъ пастуховъ сытной мірской яичницей, надѣляютъ холстомъ и деньгами. Все это дѣлается на томъ основаніи, что св. Георгій, или Юрій, считается покровителемъ стадъ.

Съ весенняго Юрьева дня начинаются по деревнямъ гулянки.

На апрѣль мѣсяцъ приходится почти всегда Пасха, и всегда— Красная горка и Радуница.

Народъ вѣритъ, что въ первый день Пасхи солнышко играетъ, и утромъ выходятъ смотрѣть на это играніе. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ;

[1]) Колодцахъ.

Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюютъ.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!
Ѣдутъ господа бояре
Къ тебѣ въ гости во дворъ,
На пиры пировать,
Во столы столовать.

Въ понедѣльникъ на Святой ходятъ на кладбища «похристосоваться съ своими и погоревать о житьѣ-бытьѣ». Въ прежнія времена существовалъ обычай во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ обливать холодной водой, или купать тѣхъ, кто проспалъ заутреню. Обычай этотъ былъ настолько распространенъ, что при Петрѣ Великомъ должны были издать особое запрещеніе, «ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ, или разбиваютъ, а сонныхъ внезапно обліяніемъ ума лишаютъ».

Со Святой недѣли начинаютъ водить хороводы. Красная горка (Ѳомино воскресенье), названіе которой произошло, вѣроятно, оттого, что къ этому времени пригорки уже бываютъ украшены цвѣтами,— первый весенній праздникъ на Руси. Въ этотъ день встрѣчаютъ весну, вѣнчаютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы.

Встрѣчая весну, поютъ особыя пѣсни—веснянки. Хороводница (та, которая руководитъ хороводами), проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна,
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.

Или дѣвицы и молодые люди перепрыгиваютъ черезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ и поютъ:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.
Уроди ленъ высокій,
Рожь, овесъ хорошій.

На Красную горку начинаютъ играть въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять заиньку.

Радуница бываетъ во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ; день этотъ посвящается поминовенію умершихъ, для чего ходятъ на кладбище и тамъ, сидя на могилкахъ, ѣдятъ; уходя, оставляютъ красныя яйца.

На Радуницкой недѣлѣ «окликаютъ» дождь. При появленіи тучи или облаковъ, дѣти выбѣгаютъ на улицу и нараспѣвъ причитаютъ:

Дождь, дождь!
На бабину рожь!
На дѣдову пшеницу!
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ!

Содержаніе всѣхъ весеннихъ пѣсенъ показываетъ намъ, что «заодно съ весной» пробуждаются завѣтныя думы крестьянъ о насущномъ хлѣбѣ. Не одну радость несетъ имъ весна: она несетъ имъ труды и заботы. Въ концѣ апрѣля начинаютъ уже пахать землю подъ яровое, а еще раньше, въ серединѣ мѣсяца, сѣютъ капусту на разсадникахъ, разставляютъ ульи на пчельникѣ, сѣютъ морковь и свеклу; ни одинъ кусокъ не дается человѣку безъ труда!

80.

Только что на проталинкахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая?
Скоро ль луга зазеленѣютъ?..
Распустятся клейкіе листочки?
Зацвѣтетъ черемуха душиста?

А. Пушкинъ.

81. Въ поляхъ весной.

Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, т.-е. посѣвъ ярового хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать. По моей усиленной просьбѣ, отецъ согласился было взять съ собой ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи; но мать начала говорить, что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дрогахъ незаряженное, оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ, нѣсколько огорченный.

Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство, уничтоживъ непріятное, овладѣло моею душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочною травой, а гривы, или *кулиги*, дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація, или чилизникъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ,

слышался хриплый голосъ кречетокъ, стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились.

Не одинъ разъ отецъ говорилъ: «Жалко, что нѣтъ съ нами ружья». Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, — и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе.

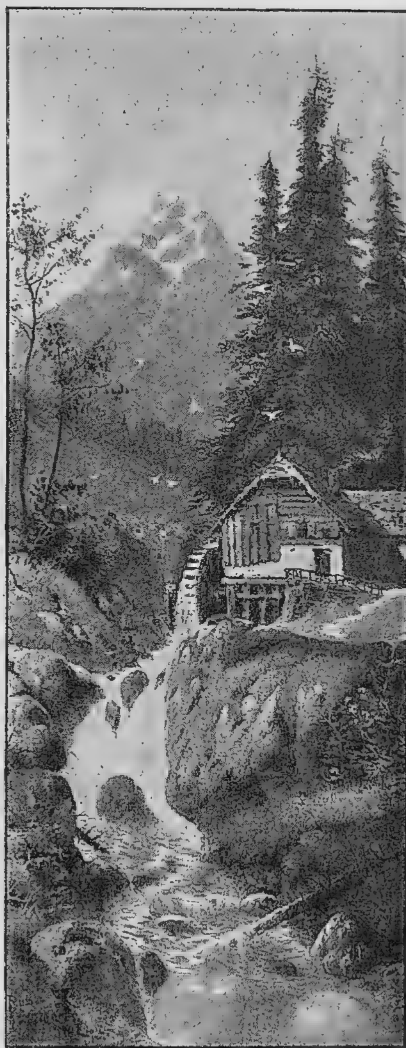
Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется, не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Несмотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ. И весь этотъ, повидимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную, но еще не заборонованную десятину, сталъ что-то мѣрять своей палочкой и считать; а я, оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ же мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ, — я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ же положеніи, спросилъ: «Что ты, Сережа?» Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. Слова его запали мнѣ въ сердце. Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ

десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду,—и мнѣ стало совѣстно, стыдно, и рѣшился я просить отца и мать, чтобы меня заставили бороновать землю. Полный такихъ мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мои впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился; наконецъ она сказала мнѣ: «Выкинь этотъ вздоръ изъ головы. Пашня и бороньба—не твое дѣло. Впрочемъ, если хочешь попробовать,—я позволяю». Черезъ нѣсколько времени, дѣйствительно, мнѣ позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годенъ: не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать возжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ.

С. Аксаковъ.

Загадки. Баба-Яга, вилами нога; весь міръ кормитъ — сама голодна (соха).—Худая рогожа все поле покрыла (борона).

82. Нагорный ключъ.

На заоблачныхъ горахъ,
На холодныхъ высотахъ
Родила меня та мгла,
Что съ земли къ звѣздамъ плыла;
Но, пригрѣтый выше тучъ
Лаской Божьяго луча,
Я растаялъ въ чистый ключъ
И, едва-едва журча,
Роюсь змѣйкою живой
Подъ лавиной снѣговой.
Кто ты—недругъ или другъ?
Чуть затихнетъ вѣтерокъ,
Приклони ко мнѣ свой слухъ,
Чтобъ хоть ты подслушать могъ,
Какъ въ могильной тишинѣ
Словно плачетъ по веснѣ
Молодой мой голосокъ.
Слышишь ли, какъ я ропщу,
Какъ я вырваться хочу
Изъ-подъ власти ледяной
Этой выси, мнѣ родной?—
Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ...
Буду жажду утолять—
Ваши силы обновлять...

Я. Полонскій.

83. Свѣтлое Воскресенье.

Вѣсть, что люди стали мучить Бога,
Къ намъ на сѣверъ принесли грачи...
Потемнѣли хвойныя трущобы,
Тихіе заплакали ключи...
На буграхъ каменья обнажили
Лысины, прикрытыя въ морозъ,
И на камни стали капать слезы
Злой зимой ощипанныхъ березъ.
И другія вѣсти, горше первой,
Принесли скворцы въ лѣсную глушь:
На крестѣ распятый, всѣхъ прощая,
Умеръ Богъ, Спаситель нашихъ душъ.
Отъ такихъ вѣстей сгустились тучи,
Воздухъ бурнымъ зашумѣлъ дождемъ...
Поднялись, морями стали рѣки,
И въ горахъ пронесся первый громъ...
Третья вѣсть была необычайна:
Богъ воскресъ, и смерть побѣждена!
Эту вѣсть побѣдную примчала
Богомъ побѣжденная весна...
И кругомъ луга зазеленѣли,
И тепломъ дохнула грудь земли,
И, внимая трелямъ соловьинымъ,
Ландыши и розы зацвѣли.

Я. Полонскій.

84. Свѣтлый праздникъ.

Въ Страстную субботу мы уже гуляли съ сестрицей по высохшему двору. Въ этотъ день мой отецъ и двѣ тетушки уѣхали ночевать въ Неклюдово, чтобы встрѣтить тамъ въ храмѣ Божіемъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Проѣхать было очень трудно, потому что полая вода хотя и пошла на убыль, но все еще высоко стояла; они пробрались по плотинѣ въ крестьянскихъ телѣгахъ и съ полверсты ѣхали полями; вода хватала выше колесныхъ ступицъ, и мнѣ сказывали провожавшіе ихъ верховые, что тетушка Татьяна Степановна боялась и громко кричала, а тетушка Александра Степановна смѣялась. Я слышалъ, какъ Параша тихо сказала Евсеичу: «Эта чего испугается!» и дивился тетушкиной храбрости.

Съ четверга на Страстной начали красить яйца: въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпухѣ и луковыхъ перьяхъ; яйца выходили красныя, синія, желтыя, блѣдно-розоваго и желтоватаго цвѣта. Мы съ сестрицей съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашеньѣ. Но мать умѣла мастерски красить яйца въ мраморный цвѣтъ разными лоскутками и шемахинскимъ шелкомъ.

Сверхъ того, она съ необыкновеннымъ искусствомъ, простымъ перочиннымъ ножичкомъ, выскабливала на красныхъ яйцахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: «Христосъ воскресъ». Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ, и на немъ было написано: «Христосъ воскресъ, милый другъ Сереженька!»

Я заснулъ въ обыкновенное время; но вдругъ отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освѣщена, кивотъ съ образами растворенъ, передъ каждымъ образомъ, въ золоченой ризѣ, теплилась восковая свѣча, а мать, стоя на колѣняхъ, вполголоса читала молитвенникъ, плакала и молилась. Я самъ почувствовалъ непреодолимое желаніе помолиться вмѣстѣ съ маменькой и попросилъ ее объ этомъ. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась, но позволила мнѣ встать. Я проворно вскочилъ съ постели, сталъ на колѣнки и началъ молиться съ неизвѣстнымъ мнѣ до тѣхъ поръ, особаго рода одушевленіемъ; но мать уже не становилась на колѣни и скоро сказала:

— Будетъ, ложись спать.

Я прочелъ на лицѣ ея, услышалъ въ голосѣ, что помѣшалъ ей молиться. Я изо всѣхъ силъ старался поскорѣе заснуть, но не скоро утихло дѣтское мое волненіе и непостижимое для меня чувство умиленія. Наконецъ мать, помолясь, погасила свѣчки и легла на свою постель. Яркій свѣтъ потухъ, теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто изъ насъ заснулъ прежде.

Къ большой моей досадѣ, я проснулся довольно поздно: мать была совсѣмъ одѣта; она обняла меня и, похристосовавшись заранѣе приготовленнымъ яичкомъ, ушла къ бабушкѣ. Вошелъ Евсеичъ, также похристосовался со мной, далъ мнѣ желтое яичко и сказалъ:

— Эхъ, соколикъ, проспалъ! Вѣдь я говорилъ тебѣ, что надо посмотрѣть, какъ солнышко на восходѣ играетъ и радуется Христову Воскресенію.

Мнѣ самому было очень досадно; я поспѣшилъ одѣться, заглянулъ къ сестрицѣ и братцу, перецѣловалъ ихъ и побѣжалъ въ тетушкину комнату, изъ которой видно было солнце, и, хотя оно стояло уже высоко, принялся смотрѣть на него сквозь мои кулаки. Мнѣ показалось, что солнышко какъ будто прыгаетъ, и я громко закричалъ:

— Солнышко играетъ! Евсеичъ правду сказалъ.

Мать вышла ко мнѣ изъ бабушкиной горницы, улыбнулась и повела меня христосоваться къ бабушкѣ.

Отецъ съ тетушками воротился еще до полденъ, когда насъ съ сестрицей только что выпустили погулять. Назадъ проѣхали они лучше, потому что воды въ ночь много убыло; они привезли съ собой пѣтыя пасхи, куличи, крутыя яйца и четверговую соль. Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ; мы всѣ собрались туда и разговѣлись. Правду сказать, настоящимъ-то образомъ разгавливались бабушка, тетушки и отецъ: мать постничала одну Страстную не-

дѣлю (да она пила уже и чай со сливками), а мы съ сестрицей— только послѣдніе три дня; но зато намъ было голоднѣе всѣхъ, потому что намъ не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухою изъ окуней, медомъ и чаемъ съ хлѣбомъ. Для прислуги была особая пасха и куличъ. Вся дворня собралась въ лакейскую и въ залу; мы перехристосовались со всѣми; каждый получилъ по кусочку кулича и пасхи и по два красныхъ яйца, каждый крестился и потомъ начиналъ кушать.

Черезъ часъ послѣ разгавливанья пасхою и куличомъ приказали подавать обѣдъ, а мнѣ съ сестрицей позволили еще побѣгать по двору, потому что день былъ очень теплый, даже жаркій. Дворовые мальчики и дѣвочки, нѣсколько принаряженные—иные хоть тѣмъ, что были въ бѣлыхъ рубашкахъ, почище умыты и съ приглаженными волосами — всѣ весело бѣгали и начали уже катать яйца. *С. Аксаковъ.*

85. Весна въ деревнѣ.

Зиму прошлаго года я прожилъ въ деревнѣ, какъ говорится, въ четырехъ стѣнахъ, въ старомъ, мрачномъ домѣ, никого почти не видя, ничего не слыша, посреди усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, имѣя для своего развлеченія однѣ только трехверстныя поѣздки по непромятой дорогѣ, и потому читатель можетъ судить, съ какимъ нетерпѣніемъ я встрѣтилъ весну. И—Боже мой!—какъ хороша показалась мнѣ оживающая природа, и какую тонкую способность получилъ я наслаждаться ею,—способность, которая — не могу скрыть—была мною утрачена въ городской жизни.

Настоящимъ образомъ таять начало съ апрѣля, и я ужъ цѣлый день оставался на воздухѣ, походя на больного, которому, послѣ полугодичнаго заключенія, разрѣшены прогулки, съ тою только разницею, что я не боялся ни катарра ни ревматизма, ходилъ въ легкомъ платьѣ, смѣло промачивалъ ноги и свободно вдыхалъ свѣжій и сыроватый воздухъ. Протаявшій на пригоркѣ лугъ сдѣлался для меня предметомъ неутомимаго вниманія: по нѣскольку разъ въ день я наблюдалъ, какъ онъ больше и больше расширяется, свѣжѣй и свѣжѣй зеленѣетъ; появившіяся на садовыхъ деревьяхъ почки я почти пересчитывалъ, какъ будто бы въ нихъ было все мое богатство. Съ какимъ живымъ чувствомъ удовольствія поѣхалъ я, едва пробираясь, верхомъ по проваливающейся на каждомъ шагу дорогѣ посмотрѣть на свою родовую рѣчку, которую лѣтомъ курица перейдетъ, но которая теперь, несясь широкимъ разливомъ, уносила льдины, руша и ломая все, попадающее ей навстрѣчу: и сухое дерево, поваленное въ ея русло осеннимъ вѣтромъ, и накатъ съ моста, и даже вершу, очень бы, кажется, старательно прикрѣпленную старымъ поваромъ, ради заманки въ нее неопытныхъ щурятъ. Цѣлую недѣлю на небѣ хоть бы облачко; солнце съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ больше и больше свою теплотворную силу и припекаетъ гдѣ-нибудь у стѣны, точно лѣтомъ. И сколько птицъ по-

явилось, и какъ онѣ всѣ вдругъ ожили, откуда прилетѣли, и всѣ поютъ: токуютъ тетерева, свищетъ по временамъ соловей, кукуетъ однообразно и печально кукушка, чирикаютъ воробьи; тамъ откликнется иволга, тамъ прокричитъ коростель... Господи! сколько силы и въ то же время сколько гармоніи въ этихъ звукахъ оживающаго міра!

А. Писемскій.

86. Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
Мы—молодой весны гонцы,
Она насъ выслала впередъ!»
Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Ѳ. И. Тютчевъ.

87. Весна.

Весна! Выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей,
    Вонъ даль голубая видна,
    И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

А. Н. Майковъ.

88. Пчелы.

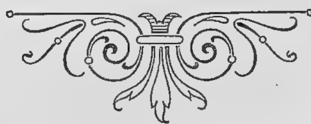
На-т-ко медку, съ короваемъ покушай,
Притчу про пчелокъ послушай!
Нынче не въ мѣру вода разлилась,
Думали, просто идетъ наводненіе,
Только и сухо, что наше селеніе,
По огороды, гдѣ ульи у насъ.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видитъ и лѣсъ и луга вдалекѣ,
Ну, и летитъ, ничего, налегкѣ!
А какъ назадъ полетитъ нагруженная,
Силъ не хватаетъ у милой.—Бѣда!

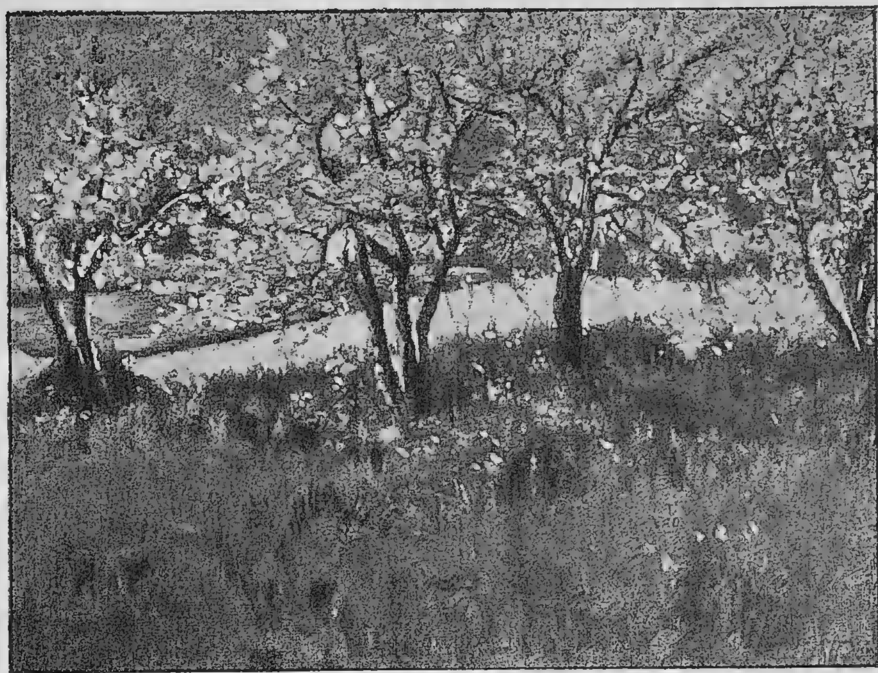
Пчелами вся запестрѣла вода.
Тонутъ работницы, тонутъ сердечныя!
Горю помочь мы не чаяли, грѣшные,
Не догадаться самимъ бы вовѣкъ!
Да нанесло человѣка хорошаго,
Подъ Благовѣщенье, помнишь, прохожаго?
Онъ надоумилъ, Христовъ человѣкъ!
Слушай, сынокъ, какъ мы пчелокъ избавили.
Я при прохожемъ тужилъ-тосковалъ;
«Вы бы имъ до суши вѣхи поставили»,—
Это онъ слово сказалъ!
Вѣришь: чуть первую вѣху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Такъ и валятъ и валятъ отдыхать!
Какъ богомолки у церкви на лавочкѣ,
Сѣли—сидятъ.
                    На бугрѣ-то ни травочки,
Ну, а въ лѣсу и въ поляхъ—благодать.
Пчелкамъ не страшно туда залетать!
Все отъ единаго слова хорошаго!
Кушай на здравіе, будемъ съ медкомъ.
Благослови Богъ прохожаго!»—
Кончилъ мужикъ, осѣнился крестомъ;
Медъ съ короваемъ парнишка докушалъ,
Тятину притчу тѣмъ часомъ прослушалъ,
И за прохожаго низкій поклонъ
Господу Богу отвѣсилъ и онъ.

Некрасовъ.

Загадки. Цѣлый хлѣвецъ сѣрыхъ овецъ.—Летитъ звѣрокъ черезъ Божій домокъ, самъ съ собой говоритъ: «Вотъ моя сила горитъ».

Пословица. Пчела трудится—для Бога свѣча пригодится.

89. Май.

«Дождались мы свѣтлаго мая: цвѣты и деревья цвѣтутъ, и по небу синему тая румяныя тучки плывутъ», читаемъ мы въ одномъ стихотвореніи. И правда, наша сѣверная природа оживаетъ окончательно только въ маѣ. Только въ маѣ развертываются во всю величину зеленые молодые листочки; только въ маѣ покрываются луга изумрудной травой; только въ маѣ расцвѣтаютъ душистые ландыши и другіе цвѣты. Заглянешь въ садъ, а тамъ черемуха цвѣтетъ, сирень ужъ совсѣмъ готова распуститься, а яблони такъ разукрасились своими бѣло-розовыми цвѣточками, что и зелени не видать... Описать, какъ все это радуетъ насъ послѣ долгой, холодной и хмурой зимы, нѣтъ возможности.

Однако совсѣмъ не радостью звучатъ поговорки, сложенныя нашимъ народомъ-пахаремъ о маѣ мѣсяцѣ; не счастье сулятъ и примѣты, связанныя съ нимъ. Вотъ эти примѣты и поговорки: «Кто въ маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться.—Захотѣлъ ты въ маѣ добра.—Нашъ понамарь понадѣялся на май, и безъ коровы сталъ.—Захотѣлъ ты у мужика да въ маѣ перепутья».

Въ маѣ ничего не поспѣло, а зимніе запасы подходятъ къ концу; въ маѣ одна работа догоняетъ другую.

Съ первой майской росы начинаютъ сѣять.

Пятаго мая разсаживаютъ капусту по грядамъ. При сажаніи разсады приговариваютъ: «Не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика».

Съ шестого начинаютъ сѣять горохъ. На посѣвъ гороха тоже существуетъ особый приговоръ: «Сѣю, сѣю бѣлъ горохъ; уродися,

мой горохъ, и крупенъ, и бѣлъ, и самъ тридесятъ, старымъ бабамъ на потѣху, молодымъ ребятамъ на веселье».

Въ степныхъ мѣстахъ съ 8 числа, а въ среднихъ губерніяхъ съ десятаго начинаютъ сѣять пшеницу. Съ девятаго числа, съ «Николы вешняго», начинаютъ выгонять лошадей въ ночное, потому что «Никола весенній лошадь откормитъ». Въ половинѣ мая сѣютъ яровое, садятъ картофель. Съ 20 садятъ огурцы; съ 21 (на Алену) сѣютъ ленъ; съ 29 рожь начинаетъ колоситься. По замѣчанію стариковъ, «рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ». Съ 30 садятъ бобы, приговаривая: «Уродитесь, бобы, и крупны и велики, на всѣ доли, на старыхъ и малыхъ, на весь міръ крещеный».

Седьмая недѣля послѣ Пасхи носитъ названіе Семицкой, потому что въ четвергъ этой недѣли справляется особый праздникъ—Семикъ. Молодежь собирается въ лѣса и рощи; тамъ дѣвушки и парни поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодую березку, наряжаютъ ее въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутками. Около нея устраивается въ складчину пиръ. Затѣмъ поднимаютъ съ веселыми пѣснями и пляской наряженную березку, несутъ ее въ деревню и ставятъ въ какой-нибудь домъ, гдѣ она остается «гостейкой» до Троицына дня. При этомъ поютъ:

Береза, моя березонька,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки.
На тебѣ, березонька,
Трава шелковая.
Близъ тебя, березонька,
Красны дѣвушки
Семикъ поютъ.
Подъ тобою, березонька,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.

Въ пятницу и субботу приходятъ навѣстить «гостейку», а въ Троицыно воскресенье выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду.

На Троицынъ день дѣвушки и парни отправляются въ лѣсъ «завивать вѣнки». При этомъ поютъ подходящія пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Благослови, Тройца,
Богородица,
Намъ вѣнокъ сплести,
Ай, люли, люли, намъ вѣнокъ сплести!
Свекру-батюшкѣ,
Свекрови-марупкѣ,
Ай, люли, люли, свекрови-матушкѣ.
Свекру-батюшкѣ малиновый,
Свекрови-матушкѣ калиновый,
Ай, люли, люли калиновый!

А мнѣ молодой
Съ гибкаго вѣтійка,
Ай, люли, люли, съ гибкаго вѣтійка!

Приготовивъ вѣнки, дѣвушки и парни обмѣниваются ими: дѣвушка надѣваетъ вѣнокъ на голову, парень—на шляпу, и затѣмъ начинаются разныя игры. Вечеромъ, лишь только сядетъ солнце, или же на слѣдующій день дѣвушки ходятъ на рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду. Если вѣнокъ плаваетъ, то дѣвушку ждетъ счастье; если кружится на мѣстѣ, или тонетъ—неудача.

Такъ среди заботъ для пахаря и веселья для беззаботной молодежи проходитъ мѣсяцъ май.

Загадка. Голову ѣдятъ, тѣло бросаютъ, а кожу носятъ (ленъ).

90. Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ,
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Впору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,—
Богу-Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,

Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.

Что послалъ Господь
За труды людямъ.
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ—лоснится,

На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кольцовъ.

91. Въ концѣ года.

Жара поднялась на три градуса. Совсѣмъ лѣто; всѣ устають; всѣ загорѣли, у всѣхъ похудѣли шеи и колѣни, у всѣхъ повисли головы, и глаза слипаются. У Нелли[1]) лицо точно восковое, совсѣмъ истомился отъ жары, положитъ голову на тетрадь и засыпаетъ за урокомъ. Гарроне сторожитъ: развернетъ книгу и загородитъ его, чтобъ не видалъ учитель. Кросси—тотъ просто прислонитъ къ столу свое красное лицо (точно тыква!)—кажется, будто голова совсѣмъ отвалилась и лежитъ одна. Нобисъ жалуется, что насъ слишкомъ много, что мы ему портимъ воздухъ. Трудно теперь учиться. Посмотришь въ окно въ садъ: деревья чудесныя, прохладно, темно, такъ бы и побѣжалъ туда. Злость беретъ: сиди взаперти на скамейкѣ. Только и утѣшенія, что мама встрѣчаетъ, смотритъ, не поблѣднѣлъ ли я; готовлю урокъ — спрашиваетъ: «Не очень усталъ?» и каждое утро въ шесть часовъ будитъ и говоритъ: «Не робѣй, смѣлѣе, всего столько-то дней осталось, а тамъ свобоценъ, отдыхай, гуляй»... Да, и хорошо она дѣлаетъ, когда напоминаетъ о другихъ дѣтяхъ, о тѣхъ, что работаютъ въ зной въ полѣ, у огня на фабрикахъ, о дѣтяхъ, которыя поднимаются много раньше насъ, которымъ нѣтъ ни вакацій ни отдыха...

Деросси[2]) и тутъ отличается передъ всѣми: жара его не безпокоитъ, сонъ его не клонитъ, вѣчно живъ, веселъ, кудри вьются по-зимнему, занимается безъ-устали и всѣхъ кругомъ оживляетъ. И еще двое другихъ, всегда внимательные: Старди, который щиплетъ себя за носъ, чтобъ не задремать, а ужъ когда особенно жарко — таращитъ глаза и скрипитъ зубами, будто хочетъ съѣсть учителя; да еще торгашъ Гароффи, который занимается фабрикаціей вѣеровъ изъ красной бумаги съ картинками со спичечныхъ коробокъ и продаетъ эти вѣера по два чентезими[3]). Но кто молодецъ—это Коретти! Онъ съ зари возится,—отцу носитъ дрова. Къ одиннадцати часамъ въ классѣ у него ужъ глаза не глядятъ, и голова валится; встряхнется, ударитъ себѣ по затылку и проситъ позволенія пойти умыться. Сосѣдямъ приказываетъ себя таскать и щипать. Но ужъ сегодня утромъ—силъ его не стало—заснулъ. Учитель кликнулъ: «Коретти!» Не слышитъ! Учитель разсердился и повторилъ: «Коретти!» Сынъ угольщика, сосѣдъ Коретти, всталъ и сказалъ, что Коретти таскалъ дрова отъ пяти до семи часовъ. Учитель не безпокоилъ его, продолжалъ урокъ еще съ полчаса, потомъ подошелъ къ скамейкѣ Коретти, тихонько повѣялъ ему въ лицо и разбудилъ. Коретти поднялся, увидѣлъ передъ собой учителя и перепугался. Учитель взялъ его за голову и поцѣловалъ.

«Голубчикъ, я тебя не браню, ты не отъ лѣни заснулъ, ты усталъ, трудился»...

---

[1]) Маленькій горбунъ.
[2]) Самый лучшій ученикъ.
[3]) Мелкая монета.

Въ среду мы собрались гулять съ отцомъ Коретти, хотѣлось на воздухъ, въ поле... И точно, былъ праздникъ. На площади собрались: Деросси, Гарроне, Гароффи, Прекосси, дровяникъ Коретти съ сыномъ и я. Набрали провизіи: фруктовъ, яицъ, колбасы. Не забыли жестяныя кружки: Гарроне принесъ бѣлое вино въ тыквенной бутылкѣ, маленькій Прекосси тащилъ большой узелъ съ хлѣбомъ. Сѣли въ омнибусъ, а тамъ скоро, скоро пѣшкомъ очутились за городомъ. Зелень, тѣнь, прохлада! Мы катались по травѣ, окунались лицомъ въ ручьи, скакали черезъ кусты. Коретти-отецъ отсталъ отъ насъ далеко, снялъ куртку, накинулъ ее на плечо, шелъ, покуривая изъ своей пѣнковой трубочки, и только изрѣдка грозился, чтобы мы не очень шалили и берегли панталоны. Прекосси посвистывалъ; я никогда не слыхалъ, чтобъ онъ свистѣлъ. Коретти всю дорогу что-нибудь мастерилъ, этотъ молодецъ все умѣетъ дѣлать маленькимъ кривымъ ножичкомъ—колесики, вилочки, трубочки. Брался нести все, что у насъ было; весь въ поту, а прытокъ, какъ козленокъ.

Деросси все останавливался, называлъ всякую травку, всякую букашку; удивляюсь, какъ это онъ все знаетъ. Гарроне молча жевалъ хлѣбъ; съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать, онъ и хлѣбъ ѣстъ печально, а самъ все тотъ же добрый, хорошій. Когда кто изъ насъ разбѣгался перепрыгнуть канаву, Гарроне бѣжалъ на другую сторону и протягивалъ руку. Прекосси боится коровъ; его маленькаго корова чуть не забодала; всякій разъ, какъ встрѣчались коровы, Гарроне шелъ впередъ и закрывалъ Прекосси. Мы поднялись на гору, а спустились съ отлогой стороны бѣгомъ, кубаремъ, сидя. Прекосси зацѣпился за кустъ, отхватилъ лоскутъ блузы, переконфузился, клокъ виситъ. Хорошо, что у Гароффи всегда есть булавки въ курткѣ: подкололъ такъ, что непримѣтно. А тотъ повторяетъ: «извини, извини».

Гароффи не терялъ времени: рвалъ траву для салата, подбиралъ улитокъ и всякій блестящій камешекъ, и все въ карманъ: почему знать? въ нихъ, можетъ быть, серебро, золото. И опять пустились лазить, кувыркаться въ тѣни и на солнцѣ по холмамъ, по спускамъ, покуда, почти безъ памяти, задыхаясь, взлѣзли на высокій пригорокъ, гдѣ уговорились отдыхать. Оттуда видъ широкій: голубыя Альпы съ бѣлыми головами. Проголодались мы до смерти: хлѣбъ такъ и таялъ.

Коретти-отецъ рѣзалъ и раздавалъ намъ колбасу на тыквенныхъ листочкахъ. Разговаривали объ учителяхъ, о товарищахъ, которые не могли пойти съ нами; объ экзаменахъ. Прекосси все конфузился ѣсть; Гарроне насильно заставлялъ его съѣдать и свою порцію. Коретти, поджавъ ноги, сидѣлъ подлѣ отца; рядомъ они—точно братья, оба румяные, веселые, съ бѣлыми зубами.

Шутя Коретти взялъ сына за носъ.

— Дѣти, любите его: малый честный!

Всѣ засмѣялись, кромѣ Гарроне.

— Одно жалко,—продолжалъ дровяникъ:—всѣ вы теперь вмѣстѣ, товарищи, а черезъ нѣсколько лѣтъ, кто знаетъ? Энрико и

Дероссы будутъ—кто адвокатъ, кто профессоръ или что еще; вы четверо—одинъ заведетъ лавку, другой возьмется за ремесло, разойдетесь, невѣсть куда—ну, и покойной ночи товариществу!

— Почему?—возразилъ Дероссы.—Для меня Гарроне всегда останется Гарроне, Прекосси—всегда Прекосси, другіе тоже, будь я хоть императоръ! Гдѣ они, тамъ и я!

— Славно!—вскричалъ дровяникъ, поднимая стаканъ.—Вотъ это—рѣчи! Давай руку! За товарищество! За школу! Она связала васъ въ одну семью, всѣхъ: и семейныхъ и безсемейныхъ!..

Мы всѣ чокнулись.

Было ужъ поздно, мы съ пѣснями сбѣжали съ горы и тихо пошли, держась за руки. Уже смеркалось, когда мы дошли до По [1]). Воздухъ былъ полонъ блестящихъ мошекъ.

Мы простились на площади Статуто. Чудесный день!

Э. Де-Амичисъ.

92. Святой Ѳеодосій.

Родился Ѳеодосій неподалеку отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ. Родителямъ его пришлось скоро переселиться въ Курскъ; здѣсь и провелъ Ѳеодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ уже обнаруживалъ онъ большую набожность и благочестіе. Церковь Божія была первымъ его училищемъ. Любилъ онъ слушать церковное пѣніе и чтеніе божественныхъ книгъ, дѣтскихъ игръ чуждался, не хотѣлъ носить богатой цвѣтной одежды. Не могли его принудить родители, люди зажиточные, надѣвать богатые наряды и играть съ дѣтьми. Скоро онъ научился грамотѣ у одного изъ учителей.

Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Мать Ѳеодосія, женщина крутого нрава, очень упрямая, не могла выносить его склонностей. Она любила своего сына страстно; поступки же его казались ей и странными и унизительными для него и ея рода: невыносимо было ей видѣть, какъ ея сынъ въ плохой одеждѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ рабовъ, шелъ съ ними на работу. Она запрещала ему это, умоляла его одѣться въ богатое платье, итти играть со сверстниками, приходила въ ярость, когда онъ не повиновался ей въ этомъ, била его... Ничто не помогало! Смиренно выносилъ Ѳеодосій побои матери, но продолжалъ поступать по прежнему.

Наслушавшись разсказовъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, Ѳеодосій захотѣлъ, во что бы то ни стало, побывать тамъ. Узнавъ отъ странниковъ, проходившихъ черезъ Курскъ, что они идутъ въ Іерусалимъ, онъ упросилъ ихъ взять его съ собой. Когда они извѣстили его, что собираются въ путь, онъ всталъ ночью, тайкомъ вышелъ изъ дому, не взялъ съ собой ничего, кромѣ той плохой одежды, въ какой обыкновенно ходилъ, и пошелъ вслѣдъ за странниками.

---

[1]) Рѣка въ Италіи.

Когда мать узнала, что сынъ ея ушелъ съ богомольцами, бросилась она въ погоню за нимъ—и догнала. Злоба ея не знала границъ. Въ ярости схватила она его за волосы, бросила наземь, била его ногами. Связаннаго, словно злодѣя, привела домой. Гнѣвъ ея былъ такъ великъ, что она и дома била его до изнеможенія; послѣ того велѣла заковать его. Наконецъ гнѣвъ ея мало-по-малу улегся, и заговорила въ сердцѣ ея материнская любовь, жалко ей стало сына; начала она его увѣщевать, умолять, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Любила она его больше всѣхъ дѣтей своихъ, не могла жить безъ него; Θеодосій обѣщалъ не покидать ея; а она предоставила ему полную свободу поступать, какъ онъ хочетъ.

По прежнему сталъ онъ ежедневно ходить въ церковь и, замѣтивъ, что былъ недостатокъ въ просфорахъ, принялся печь ихъ и продавать. Излишекъ вырученныхъ денегъ раздавалъ онъ нищимъ, а на остальныя снова покупалъ жито, самъ мололъ его и пекъ просфоры. Сверстники Θеодосія насмѣхались надъ нимъ, стыдили, укоряли и ругали его; онъ же сносилъ молча всѣ поруганія, тайно радуясь въ сердцѣ своемъ; но материнское чувство не вынесло насмѣшекъ надъ сыномъ, и начала снова она умолять его, съ любовью увѣщевать.

— Молю тебя, дитя мое,—говорила она:—оставь это дѣло, не позорь своего рода; нестерпимо для меня слышать отъ всѣхъ укоры тебѣ. Неприлично тебѣ такое дѣло дѣлать!..

— О мать моя,—отвѣчалъ Θеодосій:—послушай меня. Господь нашъ Іисусъ Христосъ Самъ подалъ намъ примѣръ смиренія: былъ Онъ и поруганъ, и оплеванъ, и заушаемъ, — все перенесъ Онъ спасенія нашего ради. Намъ же, грѣшнымъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ терпѣть. А что до моего дѣла, то послушай: если Самъ Господь назвалъ хлѣбъ Своею плотію, то какъ же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня приготовлять Его плоть!

Подивилась мать разуму сына своего, перемогла она досаду и оставила его въ покоѣ, но не надолго... Разъ, увидѣвъ на немъ обжоги, стала она снова укорять его, грозить, умолять, чтобы онъ оставилъ неподходящее его званію дѣло. Смутился юноша и долго недоумѣвалъ, какъ ему быть. Порѣшилъ онъ наконецъ уйти отъ матери. Ночью тайно ушелъ онъ изъ дому въ сосѣдній городъ; тамъ его принялъ къ себѣ въ домъ одинъ священникъ, и сталъ Θеодосій по прежнему печь просфоры для церкви. Долго мать въ страшной горести разыскивала бѣглеца-сына. Наконецъ узнала, гдѣ онъ, нашла его, и снова Θеодосій подвергся побоямъ и истязаніямъ...

Понравился онъ властителю города (намѣстнику княжьему), взялъ тотъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ богатое платье; но Θеодосій дарилъ нищимъ это платье, а самъ по прежнему ходилъ въ старомъ и плохомъ. Мало того, онъ попросилъ кузнеца сковать тяжелыя вериги (цѣпи), опоясался ими и носилъ ихъ подъ платьемъ. Желѣзо перетирало ему тѣло до крови, но онъ не показывалъ и виду, что ему больно. Случайно мать замѣтила кровь на

одеждѣ его, узнала, что онъ истязаетъ себя, снова пришла въ ярость, сорвала съ него вериги и прибила его.

Однажды Θеодосій, при чтеніи Евангелія, услышалъ слова: «Аще кто не оставитъ отца и матерь и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ», и далѣе: «пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азъ вы упокою». Не разъ слыхалъ эти слова Θеодосій, но на этотъ разъ они особенно сильно подѣйствовали на него. Онъ рѣшилъ уйти изъ дому, во что бы ни стало, и посвятить себя всецѣло Богу. Слышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть монастыри; тамъ думалъ онъ найти пріютъ. Дороги въ Кіевъ онъ не зналъ. По счастью для него, шелъ туда въ это время купеческій обозъ; Θеодосій пошелъ слѣдомъ за нимъ, не упуская его изъ виду, и такимъ образомъ добрался до Кіева. Здѣсь ходилъ онъ по разнымъ монастырямъ и просился, чтобы его приняли въ иноки; но нигдѣ не пожелали принять юношу, одѣтаго въ бѣдную, изорванную одежду. Услыхалъ онъ объ Антоніи и пришелъ къ нему. Увидѣвъ отшельника, Θеодосій поклонился до земли и сталъ со слезами просить, умолять его.

— Чадо,—сказалъ Антоній:—видишь ли эту пещеру? Мѣсто это скорбное и тѣсное; ты же еще юнъ и, думаю, не снесешь печали въ этомъ мѣстѣ.

— Честный отецъ,—отвѣчалъ Θеодосій:—ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ тебѣ, — все, что только ты велишь, буду я творить.

Тогда Антоній благословилъ Θеодосія и велѣлъ Никону постричь его и возложить на него черныя монашескія ризы.

Начались иноческіе подвиги Θеодосія. Но ему предстояло новое тяжелое испытаніе. Его мать была въ отчаяніи... Напрасно она разыскивала его сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно искали его всюду ея слуги; щедрую награду обѣщала она тому, кто его приведетъ,—все напрасно! Четыре года прошло, — о Θеодосіи ни слуху ни духу! Но вотъ случайно отъ путниковъ, пришедшихъ изъ Кіева, узнаетъ она, что Θеодосія видѣли тамъ. Немедленно спѣшитъ она туда, спѣшитъ по всѣмъ монастырямъ; наконецъ узнаетъ, что онъ въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ къ пустыннику и слышитъ, что сынъ ея живъ и находится здѣсь; она хочетъ видѣть его, но онъ, отдавшій себя Богу, рѣшается отказать матери въ свиданіи. Никакія мольбы не могутъ измѣнить его рѣшенія; даже увѣщанія самого Антонія не дѣйствуютъ на него. Тогда страстно любящая мать отъ мольбы переходитъ къ угрозамъ.

— Покажи мнѣ сына моего,—говоритъ она въ отчаяніи Антонію.—Если не покажешь его, я погублю себя у твоей пещеры!

Антоній въ тяжелой скорби идетъ и снова умоляетъ Θеодосія выйти къ матери; наконецъ онъ повинуется и выходитъ. Увидѣла мать своего сына, блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго, бросилась къ нему на шею, горько рыдала, обливала его слезами. Успокоившись немного, стала она умолять его:

— Возвратись въ домъ свой, дѣтище мое! Все, что тебѣ надо для спасенія души,—все ты будешь творить по своей волѣ, только не отлучайся отъ меня. Умру я, погребешь ты меня, тогда возвращайся въ пещеру эту. Не могу я жить и не видѣть тебя!

Напрасны были мольбы матери. Ѳеодосій, вѣрный данному монашескому обѣту, былъ непреклоненъ. Онъ предложилъ матери, если она хочетъ видаться съ нимъ, постричься въ одномъ изъ кіевскихъ ближнихъ женскихъ монастырей. Послѣ долгой борьбы материнское чувство взяло въ душѣ ея верхъ надъ всѣми мірскими утѣхами, и она, не имѣя силъ навсегда разстаться съ сыномъ, постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая.

Впослѣдствіи, когда монастырь уже порядочно разросся, послѣ Никона и Варлаама, братія, по благословенію Антонія, избрала игуменомъ Ѳеодосія.

Первыми подвигами его въ игуменствѣ были постройка большой церкви и введеніе монастырскаго устава. Недалеко отъ пещеры нашелъ онъ удобное мѣсто, соорудилъ тамъ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, а около него выстроилъ кельи. Въ своемъ монастырѣ ввелъ онъ уставъ Студійскаго константинопольскаго монастыря.

Правила этого устава очень просты. Общая молитва всей братіи въ церкви считается выше одиночной, келейной. У иноковъ должна быть общая трапеза; пищу вкушать за братской трапезой должны были всѣ безмолвно, внимая чтенію; безъ благословенія игумена никто не смѣлъ ни ѣсть, ни пить, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни съѣсть ягоды въ полѣ. Имущество у иноковъ должно быть общимъ, даже и одежда; никто не могъ ничего назвать своимъ; даже въ разговорѣ запрещалось употреблять слова: *мое, собственное, твое.* Инокъ не долженъ былъ принимать милостыни ни отъ кого; взять что-либо у кого-нибудь позволялось не иначе, какъ съ благословенія игумена. Инокамъ не позволялось ходить по кельямъ другъ къ другу. Безъ разрѣшенія игумена никто не смѣлъ выходить за монастырскія ворота. Разныя ремесла и искусства составляли занятіе иноковъ въ досужее отъ молитвы время.

Болѣе всего Ѳеодосій требовалъ отъ иноковъ полнѣйшаго повиновенія волѣ игумена; всякое уклоненіе отъ приказанія его считалось тяжкимъ грѣхомъ. Братія привыкла такъ повиноваться волѣ своего настоятеля, что разъ вратарь не рѣшился безъ спросу у него впустить въ монастырь даже великаго князя, когда Ѳеодосій запретилъ впускать постороннихъ въ монастырскую ограду.

Жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжелыхъ трудахъ. Пища была скудная: монастырь былъ еще бѣденъ, и случалось, что братія съ вечера не знала, чѣмъ будетъ питаться завтра; но всѣ иноки и игуменъ твердо вѣрили, что Богъ, питающій небесныхъ птицъ, пропитаетъ и ихъ. Съ теченіемъ времени, когда отъ разныхъ пожертвованій и вкладовъ обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій сталъ отдѣлять десятую долю всѣхъ

доходовъ монастыря на бѣдныхъ, даже устроилъ особый дворъ, гдѣ жили на счетъ монастыря нищіе, калѣки и больные. Каждую субботу посылалъ Ѳеодосій возъ съ хлѣбами по темницамъ. Въ кельѣ у себя держалъ онъ разслабленнаго старца и взялъ на себя весь уходъ за нимъ.

Ѳеодосій требовалъ, чтобы всѣ иноки строго исполняли свои обязанности. Онъ часто посѣщалъ кельи, и если находилъ у кого изъ братіи сверхъ общихъ братскихъ вещей лишнюю одежду или другія вещи, то бросалъ ихъ въ огонь. Даже по ночамъ строгій игуменъ обходилъ кельи и слушалъ у дверей. Если онъ слышалъ въ кельѣ молитву, то благодарилъ Бога за благочестіе инока; если же слышалъ бесѣду двухъ или трехъ иноковъ, то стучалъ въ дверь. Утромъ призывалъ онъ виновныхъ и обличалъ ихъ, укорялъ кротко, со слезами...

Строгій къ другимъ, Ѳеодосій былъ еще строже къ самому себѣ. Никогда не видали его празднымъ: онъ не гнушался никакимъ трудомъ, работалъ цѣлый день, не давая отдыха своимъ рукамъ и ногамъ, часто ходилъ въ пекарню—мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы вмѣстѣ съ пекарями. Примѣръ его сильно дѣйствовалъ на братію. Разъ пекарь сказалъ Ѳеодосію, что нѣтъ воды, а наносить некому; тогда блаженный тотчасъ всталъ и принялся носить воду съ колодца. Одинъ изъ братіи увидѣлъ это и поспѣшилъ сказать другимъ; сейчасъ же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые наносили воды съ избыткомъ... Въ другой разъ случилось, что не было дровъ для кухни. Келарь пришелъ къ Ѳеодосію и сказалъ:

— Ты бы велѣлъ кому-либо изъ братіи, кто не занятъ, наносить дровъ!

— Вотъ я не занятъ,—отвѣчалъ Ѳеодосій:—такъ я и пойду.

Братіи онъ велѣлъ итти въ трапезу, такъ какъ было время обѣда, а самъ взялъ топоръ и сталъ рубить дрова. Когда иноки послѣ обѣда увидѣли настоятеля за работой, тотчасъ же каждый взялъ свой топоръ, и скоро накололи дровъ на много дней.

За братской трапезой ѣлъ онъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла, не пилъ ничего, кромѣ воды, одежду носилъ ветхую въ заплатахъ, а подъ нею колючую власяницу. Спать онъ обыкновенно не ложился, а послѣ повечерія засыпалъ сидя; часто проводилъ онъ ночи безъ сна, молясь за себя и за братію. Съ наступленіемъ Великаго поста онъ обыкновенно удалялся въ особую пещеру (извѣстную до сихъ поръ подъ именемъ Ѳеодосіевой, или дальней), а возвращался въ обитель наканунѣ Лазаревой субботы.

Своимъ примѣромъ, добротой и привѣтомъ Ѳеодосій производилъ чудесное дѣйствіе даже на испорченныхъ людей. Разъ привели къ нему связанныхъ разбойниковъ, которыхъ поймали въ одномъ монастырскомъ селѣ за кражу. Блаженный, при видѣ ихъ связанныхъ, сильно опечалился. Прослезившись, онъ велѣлъ освободить ихъ и накормить; потомъ долго поучалъ ихъ никого не обижать, никому не дѣлать зла, далъ имъ много необходимаго и отпустилъ съ миромъ. Отпущенные такъ умилились душою, что съ

этихъ поръ перестали дѣлать кому-либо зло, стали довольствоваться своимъ трудомъ.

Смиреніе Θеодосія было необыкновенно. Случилось ему разъ быть далеко отъ обители, у князя Изяслава. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти настоятеля въ монастырь. Слуга, видя инока въ нищенской одеждѣ и не зная, кого везетъ, сказалъ ему дорогою:

— Ты, чернецъ, всегда празднен̆ъ, а я живу въ трудахъ: пусти меня отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь.

Θеодосій безпрекословно обмѣнялся мѣстомъ со слугою, и цѣлую ночь то ѣхалъ верхомъ, то шелъ подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло, бояре, ѣхавшіе къ великому князю, при встрѣчѣ съ подвижникомъ сходили съ коней и низко кланялись ему. Слуга, увидѣвъ это, испугался; но Θеодосій успокоилъ его, ласково ввелъ въ обитель и приказалъ угостить.

Кроткій и смиренный Θеодосій былъ въ то же время очень строгъ, твердъ и непоколебимъ, гдѣ надо было изобличить неправду. Когда, изгнавъ изъ Кіева Изяслава, завладѣлъ его княженіемъ Святославъ, Θеодосій строго обличалъ его за это; не разъ въ присутствіи бояръ или княжьихъ людей укорялъ князя за его несправедливость къ брату и насиліе и просилъ бояръ передать свои слова князю. Мало того. Онъ самъ написалъ ему большое посланіе, гдѣ сравнивалъ поступокъ его съ преступленіемъ Каина. Князь, прочитавъ это обличеніе, пришелъ въ ярость... Братія, опасаясь за подвижника, умоляла его смириться и не раздражать князя. Многіе бояре, приходившіе въ обитель, упрашивали игумена о томъ же и говорили, что Святославъ грозитъ послать его въ заточеніе.

— Радуюсь я этому,—сказалъ Θеодосій:—для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ бояться? Потери ли имущества и богатства? Лишусь ли дѣтей или селъ? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими же подобаетъ намъ и уйти изъ него.

Θеодосій продолжалъ свои обличенія. И принужденъ былъ великій князь смириться передъ инокомъ, сіявшимъ своимъ благочестіемъ. Сила смирилась передъ правдою. Князь старался даже сблизиться съ обличителемъ своимъ, часто пріѣзжалъ въ обитель къ нему, искалъ его бесѣды, кротко выслушивалъ укоры его, съ радостью принималъ наставленія. Къ нему обращались часто міряне съ просьбою заступиться за нихъ, попросить за нихъ у князей и бояръ. Князья и бояре чтили Θеодосія, какъ праведника, и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами къ Θеодосію, но нерѣдко приглашали его къ себѣ. Разъ пришелъ онъ къ Святославу во время пира. Гремѣла музыка, раздавались пѣсни, плясали скоморохи... Подвижникъ сѣлъ поодаль, печально опустивъ голову, и наконецъ, обратившись къ князю, проговорилъ:

— Будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?!

Князь понялъ, какъ оскорбляетъ мірское веселіе смиреннаго инока, проводящаго дни и ночи въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ,

и велѣлъ тотчасъ же прекратить веселіе. Съ тѣхъ поръ, какъ только докладывали князю о приходѣ игумена, музыка и веселіе прекращались. Князь такъ уважалъ Ѳеодосія, что говорилъ ему:

— Если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не былъ бы обрадованъ этимъ, какъ твоимъ приходомъ!

Ѳеодосій, несмотря на то, что Святославъ благоговѣлъ передъ нимъ и много добра сдѣлалъ для братіи, все-таки не простилъ ему проступка: на ектеніяхъ во время богослуженія въ монастырѣ всегда молились сначала за Изяслава, какъ законнаго великаго князя, а за нимъ уже поминали Святослава...

Монастырь все болѣе и болѣе расширялся; благодаря вкладамъ и пожертвованіямъ онъ годъ отъ году богатѣлъ, число братіи росло. Задумалъ Ѳеодосій воздвигнуть большую каменную церковь въ честь Успенія Богородицы. Великій князь Святославъ подарилъ для церкви хорошее мѣсто близъ стараго Печерскаго монастыря и пожертвовалъ большія деньги на сооруженіе ея. Были и другія пожертвованія. Закладка церкви происходила въ 1073 г. Ѳеодосій съ братіей ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ея: онъ сильно занемогъ и скоро почувствовалъ приближеніе кончины. Созвалъ онъ всю братію. Всѣ плакали.

— Чада мои, любимая братія,—говорилъ онъ:—отхожу я уже къ Владыкѣ нашему, Господу Іисусу Христу; изберите себѣ сами игумена и повинуйтесь ему, какъ духовному отцу, бойтесь его...

Затѣмъ умирающій заповѣдалъ, чтобы погребли его въ той пещерѣ, куда онъ обыкновенно удалялся во время Великаго поста. Горько плакали всѣ иноки. Ѳеодосій утѣшалъ ихъ.

— Обѣщаюсь вамъ, что я только тѣломъ отхожу отъ васъ, а духомъ вѣчно пребуду съ вами.

Онъ скончался 3-го мая 1074 года, на 65-мъ году отроду.

В. Д. Сиповскій.

93. Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ, Казбекъ,
Твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.
Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ «прости» ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ.

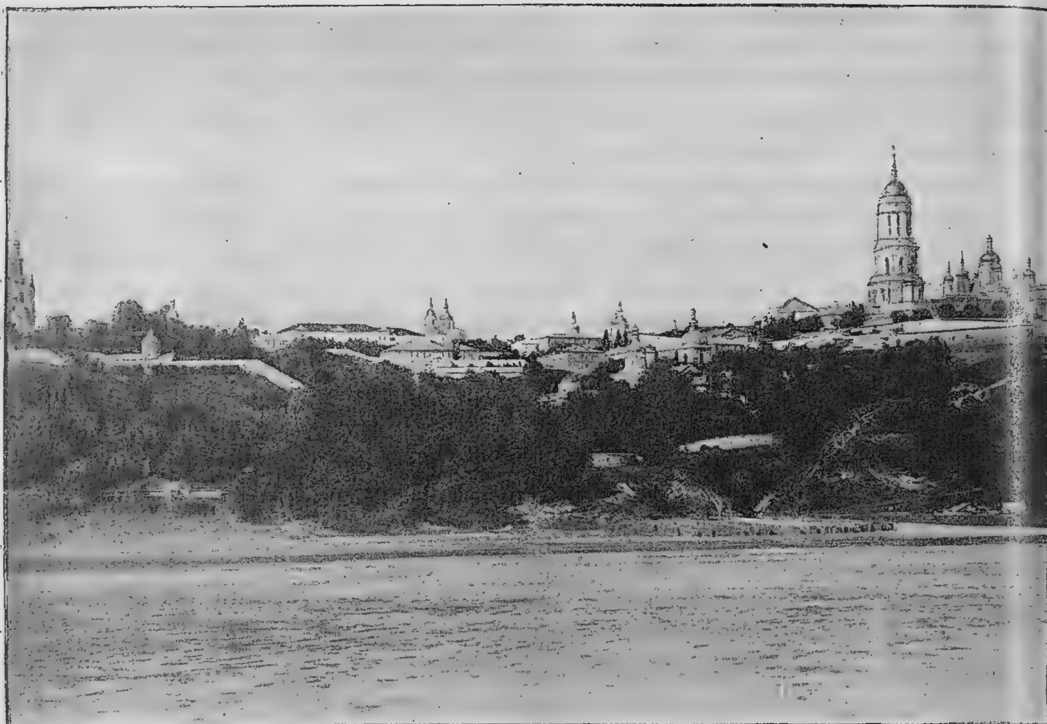
А. Пушкинъ.

94. Обитель.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой,
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами.
Четыре башни по угламъ
И посрединѣ Божій храмъ

Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой.

И. Козловъ.

95. Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ.
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»
—«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса степей».
—«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей».
—«Край мой—теплый брегъ Евксина» [1]).
—«Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ».
—«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
—«Мнѣ отчизна—старый Псковъ».
—«Я отъ Ладоги холодной».
—«Я отъ синихъ волнъ Невы».
—«Я отъ Камы многоводной».
—«Я отъ матушки-Москвы!»
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

А. Хомяковъ.

[1]) Черное море (древне-греческое названіе).

96. Илья получаетъ силу богатырскую.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Въ славномъ городѣ во Муромлѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косявчето,
Говорятъ калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
Отворяй каликамъ ворота широкія,
Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ».
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
Не могу отворить воротъ широкіихъ:
Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
Не владаю ни рукамы ни ногамы. —
Опять говорятъ калики перехожія:
«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,

Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ».
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
— Ай же вы, калики перехожія!
Не могу отворить воротъ широкіихъ,
Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
Не владаю ни рукамы ни ногамы. —
Опять говорятъ калики перехожія:
«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкія,
Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ».
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
«Ты пойди, Илья, принеси испить!»
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать — ровно встрепаный:
Онъ пошелъ—принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ.
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Отъ земли столбъ былъ да до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ! —
«Ты пойди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Во мнѣ силушки половинушка. —
Говорятъ калики перехожія:
«Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
И смерть тобѣ на бою не писана:
Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею удалою;
А столько не выходи драться
Съ Святогоромъ-богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ-богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка—сыра земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью-мудростью.

Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубу на три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его къ тыну ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать
И въ ту сторону и въ другую сторону,
Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
Будетъ носить тебя».
Тутъ калики потерялися [1]).
Пришли его родители да рожденые,
Пришли они съ работы со крестьянскоей,
Пришли его братья да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались ему рожденые да родители.
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищѣ,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ!
Говоритъ Илья своимъ рожденыимъ родителямъ,
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Ай же вы, мои родители рожденые!
Гдѣ вы были на крестьянской на работушкѣ?»
А и же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ, Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ
Илья да на сѣдалищѣ,

[1]) Исчезли.

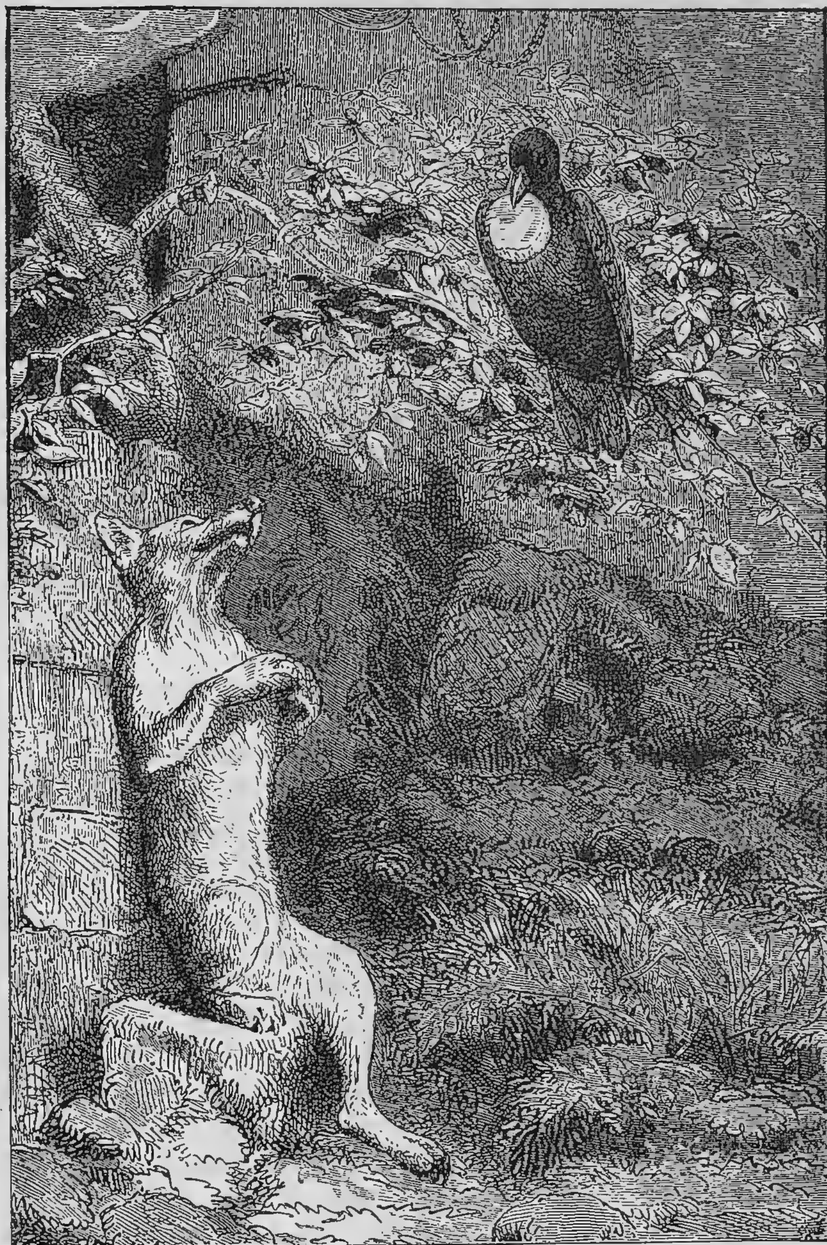
Не имѣлъ Илей ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
«А и же вы, мои рожденые родители!
Гдѣ вы работали крестьянскую работушку?»
Говорятъ ему родители да рожденые:
— Ай же ты, Илей, мы работаемъ лугъ-пожню,
Чистимъ лугъ-пожню за три поприща отъ дому. —
«Ай же вы, родители мои рожденые!
Сведи меня туда да на займище,
Укажите вы мнѣ мою работушку».
Привелъ его родитель да на займище:
«Укажи мнѣ, родитель, по которыхъ мѣстъ межа».
Захватилъ Илейко лѣсу-кусту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіе по корешку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное.
Говорилъ родителю да таково слово:
«Ай же ты, мой родитель рожденый!
Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
Простите меня съ рожденаго со мѣста».

97. Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ, право, сказки!
Какія перышки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!

Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

И. А. Крыловъ.

98. Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стóитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ:
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!—говоритъ она.—И тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про очки лишь мнѣ налгали,
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда познатнѣй,
То онъ ее еще и гонитъ.

И. А. Крыловъ.

99. Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые;
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ;
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ;
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

Загадка. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ.

100. Іюнь.

Съ іюня начинается настоящее лѣто: дни жаркіе и длинные, ночи короткія и свѣтлыя, особенно у насъ, на сѣверѣ, гдѣ «заря съ зарей сходится» [1]).

Много въ іюнѣ работы земледѣльцу! Не успѣлъ онъ вспахать озимыя поля, какъ уже наступаетъ пора косить.

Въ степныхъ губерніяхъ съ тринадцатаго іюня начинаютъ сѣять гречиху. Гречиха—растеніе нѣжное, и потому про нее говорится: «Холь гречиху до посѣва да сохни до покоса». Или: «Осударыня гречиха ходитъ боярыней, а какъ хватитъ морозу, веди на калѣчій дворъ».

Наши слѣпцы изъ нищей братіи сохранили народную сказку о переселеніи гречи на Русь.

«За синими морями, за крутыми горами жилъ-былъ царь съ царицей. На старость послалъ имъ Господь на утѣху дѣтище—дочь красоты несказанныя. Вотъ они и думаютъ думу крѣпкую: какъ бы имъ назвать свое нарожденное дѣтище?—Думали, думали и придумали: пошлемъ де посла встрѣчнаго спрошать по имени и по изотчеству, и въ то имя наречемъ нарожденное дѣтище. Снарядили посла.

«По слову царскому идетъ посолъ искать встрѣчнаго, спрошать его по имени и по изотчеству, чѣмъ бы можно наречи нарожденную дочь у царя съ царицей. Сидитъ посолъ на перекрестьицѣ день, сидитъ и другой. На третій день ко вечеру идетъ навстрѣчу старая старуха во Кіевъ-градъ Богу молитися» и т. д.

---

[1]) Дни начинаютъ убывать съ двѣнадцатаго іюня, на день св. Петра аѳонскаго, когда, по народному выраженію, „солнце поворачивается на зиму, а лѣто на жары".

Оказалось, что эту старуху зовутъ Крупеничкой, а отчества своего за старостью она и не помнитъ. Такъ и пришлось назвать дѣвочку Крупеничкой. Когда царевна подросла, на царство ея отца нежданно-негадано напала «золота орда бесерменская». На войнѣ царь положилъ свою голову, а царевна попалась въ полонъ къ злому татарину. Онъ сталъ принуждать ее покинуть вѣру православную и повѣрить въ свою вѣру бесерменскую. А такъ какъ Крупеничка наотрѣзъ отказалась исполнить его требованіе, то онъ, окаянный, сталъ ее мучить работой великою, неволей тяжкою. А она, Крупеничка, крѣпко стояла на своей православной вѣрѣ.

И вотъ черезъ золоту орду бесерменскую проходила та самая старуха, отъ которой царевна получила свое имя. Увидала старуха ея мученія и пожалѣла ее. И оборотила она, старая, Крупеничку въ гречневое зернышко и положила зернышко въ свой мѣшокъ. Идетъ она, старая, путемъ-дорогой немалою, на святую Русь. И въ тѣ поры возговоритъ ей Крупеничка: «Сослужила ты для меня службу немалую, спасла меня отъ работы тяжкія; сослужи еще службу послѣднюю: какъ придешь на святую Русь, на широки поля привольныя, схорони меня въ землю».—Старуха по сказанному, какъ по писанному, все сдѣлала, что заповѣдала ей Крупеничка. Какъ схоронила она, старуха, гречневое зернышко на святой землѣ русской, на широкомъ полѣ привольномъ, и учало то зернышко въ ростъ иттить, и выросла изъ того зернышка греча о семидесяти семи зернахъ. Повѣяли вѣтры со всѣхъ со четырехъ сторонъ, разнесли тѣ семьдесятъ семь зеренъ на семьдесятъ семь полей. Съ той поры на святой Руси расплодилась греча. А то старина, а то и дѣянье добрымъ людямъ во услышанье.

Съ 23 іюня, дня св. Агриппины (Аграфены-купальницы), полагается начинать купаться въ рѣкахъ, озерахъ, прудахъ.

Въ Иванову ночь, иначе въ ночь на Ивана Купала (на 24 іюня), отправляется народное празднество: зажигаютъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ; поютъ особыя пѣсни; пляшутъ; купаются въ росѣ и въ рѣкахъ; собираютъ травы, вѣря, что въ эту ночь онѣ получаютъ особенную силу; ищутъ цвѣтъ папоротника, думая, что этотъ не существующій цвѣтъ можетъ помочь отыскать кладъ.

Къ концу іюня начинаетъ поспѣвать земляника. Если 27 іюня, на день Сампсона-сѣногноя, идетъ дождь, то, по народному замѣчанію, все лѣто будетъ мокрое.

Двадцать девятое іюня, Петровъ день,—конецъ весны, которую и провожаютъ на другой день особеннымъ весельемъ.

Загадки. Изъ окна въ окно золото веретено (лучъ).—Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ, рѣжутъ—я все терплю и всѣмъ добромъ плачу (земля).—Травы поѣмъ—зубы притуплю; песку хвачу—опять навострю (коса).

101. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.
Только вотъ—рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,

Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился и вздыхалъ.
Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «Здравствуй, дѣдъ!» —
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.
Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія...
Жди, да у моря сиди.
Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака—
То жъ, что бабѣ веретена
Али конь для сѣдока.
Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ—ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ...
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!
Чуть вдали кого завидишь—
Смотришь—въ лѣсъ бы... Вѣдь грѣшно!..
Лодка вишь имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно...
Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ».
Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся:
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.
Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото—
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ, какъ рѣшето.
«Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай».—
«На Петрово! Эко слово
Молвилъ!—думаетъ рыбакъ.—
Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..»
И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Долго смотритъ въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Н. Майковъ.

Загадка. По какой дорогѣ полгода ѣздятъ, а полгода ходятъ? (по рѣкѣ).

102. Золотая рыбка.

На морѣ, на окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть, и показалось ему такъ тяжело, какъ доселѣ никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего на всего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая—золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ:

— Не бери меня, старичокъ! пусти лучше въ сине море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю.

Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ:

— Мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай, гуляй въ морѣ!

Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха:

— Много ли поймалъ, старикъ?

— Да всего на всего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она взмолилась: отпусти, говорила, въ сине море; я тебѣ въ пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупу, даромъ на волю пустилъ.

— Ахъ, ты старой чортъ! Попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не сумѣлъ.

Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему спокою:

— Хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! Вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?

Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ на море и крикнулъ громкимъ голосомъ:

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Рыбка приплыла къ берегу.

— Что тебѣ, старикъ, надо?

— Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала.

— Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь.

Воротился старикъ.

— Ну, что, старуха, есть хлѣбъ?

— Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала.

Пошелъ старикъ на море.

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Приплыла золотая рыбка.

— Что тебѣ надобно, старикъ?

— Старуха прислала новое корыто просить.

— Хорошо, будетъ у васъ и корыто.

Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась.

— Ступай,—говоритъ,—къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится.

Пошелъ старикъ на море.

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ и спрашиваетъ:

— Что тебѣ, старикъ, надо?

— Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ; она, того и смотри, вся развалится!

— Не тужи, старикъ! Ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.

Воротился старикъ—на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается:

— Ахъ, ты, старый песъ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и, чай, думаешь, дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ,

ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкой, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись.

Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ:

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой.

— Что тебѣ, старикъ, надо?

Отвѣчаетъ старикъ:

— Не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой.

— Хорошо; не тужи, ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.

Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменный домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ.

— Здравствуй, жена! — говоритъ старикъ.

— Ахъ, ты, невѣжа этакой! Какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми, какъ можно больнѣе.

Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ, велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлый день дворъ убирай, а чуть гдѣ не чисто—сейчасъ на конюшню!

«Экая вѣдьма! — думаетъ старикъ: — далось ей счастье, а она, какъ свинья, зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!»

Ни много ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ:

— Ступай, старый чортъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.

Пошелъ старикъ на море.

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Приплыла золотая рыбка.

— Что тебѣ, старикъ, надо?

— Да что! Вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею.

— Не тужи; ступай домой да молись Богу, все будетъ сдѣлано.

Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокій дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ—зеленый лугъ, на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты «ура» кричатъ.

Ни много ни мало прошло времени, придоскучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ

свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: «Какой-такой старикъ?» Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ.

— Слушай, старый чортъ!—говоритъ ему старуха:—ступай къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались.

Старикъ было отнѣкиваться: куда тебѣ! коли не пойдешь—голова долой!

Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говоритъ:

— Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой.

Золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ—опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ—вдругъ море зашумѣло, взволновалось; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу.

— Что тебѣ, старикъ, надо?

— Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать.

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ—и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить по прежнему: старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Народная сказка (изъ сборника Аѳанасьева).

103. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

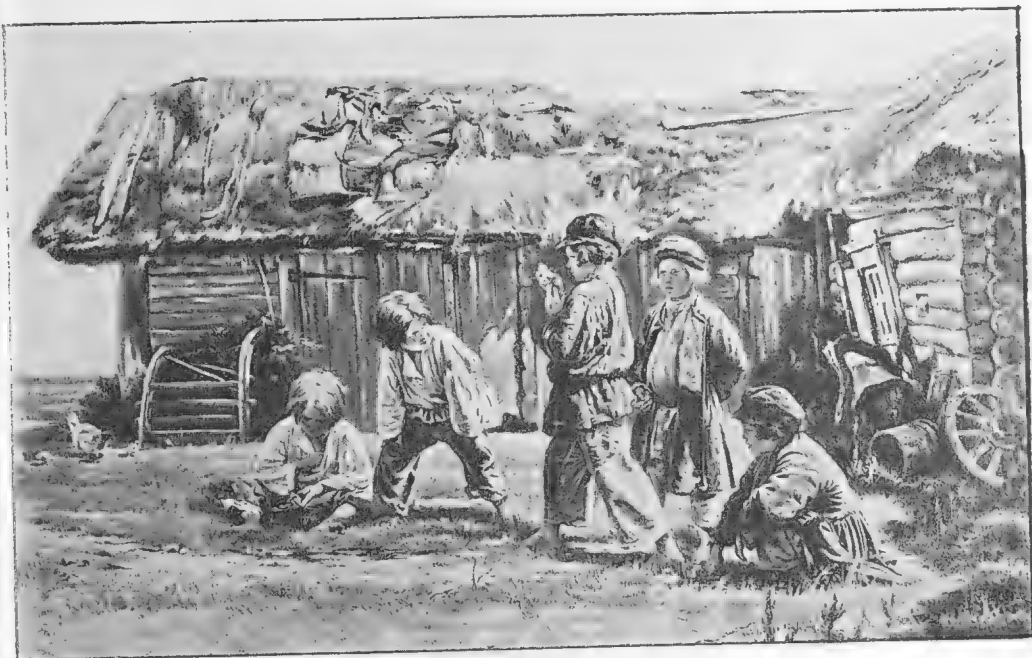
Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкой;
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ».
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:

«Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ:
Такъ пустилъ ее въ синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы ты взялъ съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось».
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня - рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто».
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу».
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть, изба вамъ ужъ будетъ».
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».
Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ».
Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,

На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
«Здравствуй, барыня-сударыня, дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?»
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
«Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть столбовою дворянрянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старикъ, взмолился:
«Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступить ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкою столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ поневолѣ».
Старичокъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Старичокъ къ старухѣ воротился,
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали,
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила.
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садись не въ свои сани!»
Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ».
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю:
Видитъ, на морѣ черная буря—

Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня-рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

104. Крестьянскія дѣти.

Опять я въ деревнѣ...
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся: въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи,
Летитъ и другая какая-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ:
Чу! шопотъ какой-то... А вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ!

Все сѣрые, карiе, синiе глазки—
Смѣшались, какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты!
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замеръ: коснулось души умиленье...
Чу! шопотъ опять!
Первый голосъ. — «Борода!..»
Второй. — «А баринъ, сказали!..»
Третiй. — «Потише вы, черти!»
Второй. — «У баръ бороды не бываетъ — усы».
Первый. — «А ноги-то длинныя, словно какъ жерди!»
Четвертый. — «А вона, на шапкѣ, гляди-тко—часы!»
Пятый.—«А, важная штука!»
Шестой.— «И цѣпь золотая»...
Седьмой. — «Чай, дорого стоитъ?»
Восьмой. — «Какъ солнце горитъ!»
Девятый. — «А вонъ, собака—большая, большая!
Вода съ языка-то бѣжитъ».
Пятый. — «Ружье! погляди-тко: стволина двойная,
Замочки рѣзные»...
Третiй (съ испугомъ).—«Глядитъ!»
Четвертый. — «Молчи, ничего! Постоимъ еще, Гриша!»
Третiй.— «Прибьетъ»...

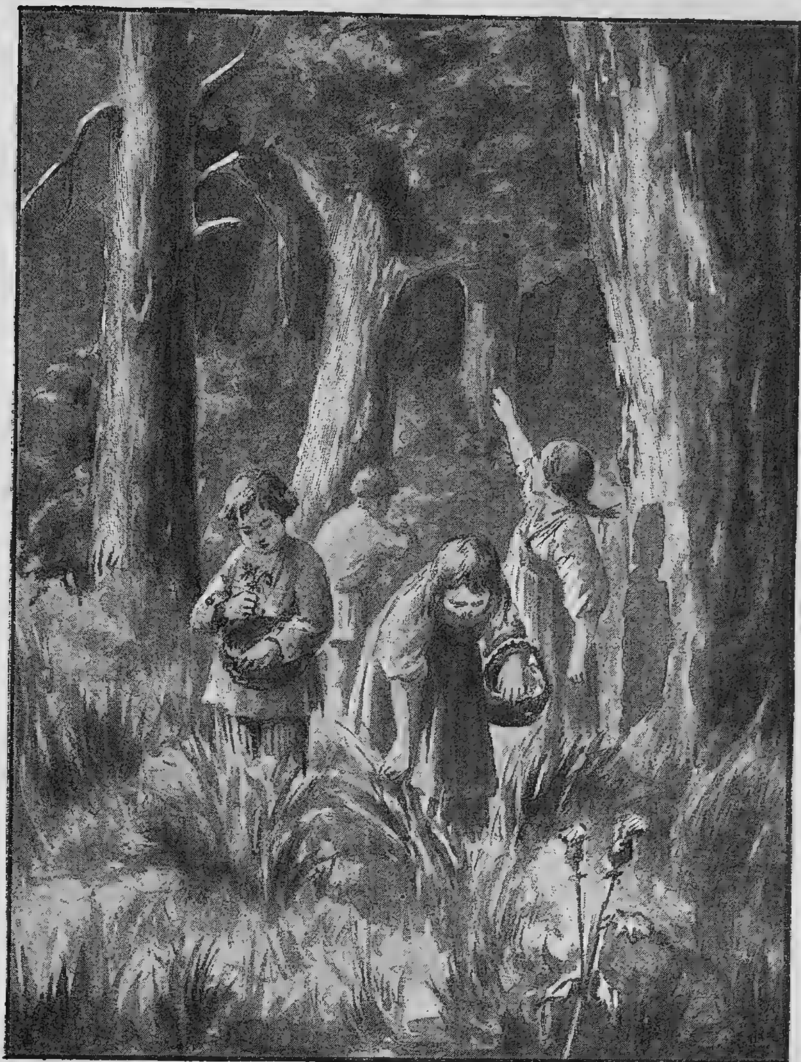
Испугались шпiоны мои
И кинулись прочь: человѣка заслыша,
Такъ стаей съ мякины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькаютъ въ щели.
Что было со мною — всему подивились
И мой приговоръ изрекли:
«Такому-то гусю ужъ что за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно—не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой»... — «Услышитъ, молчи!»

О милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей.
Счастливый народъ! Ни науки ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать

Змѣю! Я подпрыгнулъ,—ужалила больно!
Савося хохочетъ: «Попался спроста!»
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перила моста:
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ-вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ наши густые старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ; начнутся разсказы
Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, мордву, черемиса
И сказкой потѣшитъ и притчу ввернетъ:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всемъ потрафлять:
У насъ былъ Вавило, жилъ всѣхъ побогаче,
Да вздумалъ однажды на Бога роптать,—
Съ тѣхъ поръ захудалъ, разорился Вавило,
Нѣтъ меду со пчелъ, урожаю съ земли,
И только въ одномъ ему счастіе было,
Что волосы изъ носу шибко росли!..»
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды—
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дѣти и рады:
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи!
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали:
Что новый прохожій, то новый разсказъ...
Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вотъ изъ лѣсу вышли—навстрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной
Рѣка луговая; спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,
Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! Обѣдать пора!

Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагали и мухъ и козявокъ,
Корней молочко ему отдалъ свое—
Не пьетъ! отступились...
Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто нянчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску,
А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертитъ по песку!
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой:
Сплела себѣ славный вѣнокъ,
Все бѣленькій, желтенькій, блѣдно-лиловый
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной,
Бояться смиренной лошадки своей!..

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди—ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому:—черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусница, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ,—содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...
«Довольно, Ванюша! Гулялъ ты немало,
Пора за работу, родной!»
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:

Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣтъ начинаетъ,
Какъ колосъ растетъ, наливаетъ зерно;
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ — колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣба ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: «Полѣзай, пострѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

Однажды въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу—поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
«Здорово, парнище!»—Ступай себѣ мимо!—
«Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?» — Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу.—
(Изъ лѣсу раздался топоръ дровосѣка.)
«А что, у отца-то большая семья?»
— Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я... —
«Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?»—Власомъ. —
«А кой тебѣ годикъ?»—Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!—крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ уздцы и быстрѣй зашагалъ.

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй,—
«Эй, воры идутъ! — закричалъ я Фингалу:
«Украдутъ, украдутъ! Ну, прячь поскорѣй!»
Фингалушка скорчилъ серьезную мину,
Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
У ногъ моихъ легъ и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была;
Онъ началъ такія выдѣлывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла,

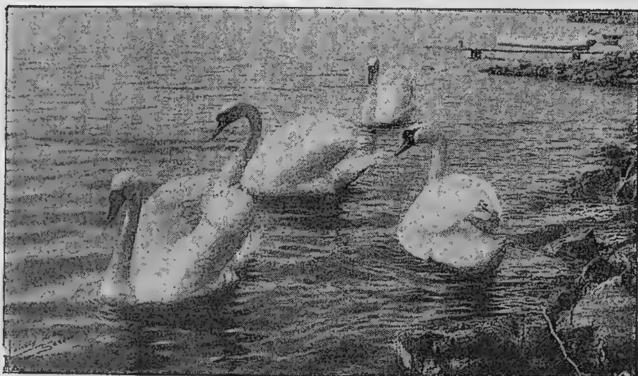
Дивятся, хохочутъ! Ужъ тутъ не до страха!
Командуютъ сами: «Фингалка, умри!»
«Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха!»
«Смотри—умираетъ—смотри!»
Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразиться грозѣ суждено.
И точно, ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ занялся оглушительнымъ лаемъ,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ, темная туча висѣла
    Надъ нашимъ театромъ какъ разъ;
Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали
    Босые къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣрнымъ Фингаломъ грозу переждали
    И вышли искать дупелей.

Некрасовъ.

105. Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями,—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички вдвоемъ
Близъ осоки втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ въ рубашкахъ бѣлыхъ
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.
«Ну, катай на перегонки!»
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.
«Тянутъ, тянутъ!»—закричали
Ребятишки вдругъ.—
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щукъ».
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
—«Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ—
Нечего глядѣть!»
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.
«Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови—придетъ...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь,—такъ вотъ!..»
И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
«Ну, за что ее ты, Мишка?»
Упрекнулъ другой.
«Экій малый уродился,—
Говоритъ старикъ:—
Все бъ дрался онъ да бранился,
Экій озорникъ!»
—«Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!»
Свату сватъ сказалъ.
—«Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша, безъ дѣла,
Одѣвать изволь».
—«Потерпи,—чай, не забудетъ

За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подраститъ».
—«Такъ-то такъ... Вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ толку кормить.
И дѣвчонка-то больная,
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива!»
Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.
А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

И. Никитинъ.

106. Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ.
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ;
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

И. Никитинъ.

107. Зеркало въ Матсуяма.

(Изъ сказокъ старой Японіи.)

Давно-давно, въ незапамятныя времена, въ тихомъ уединенномъ мѣстѣ жили молодые мужъ и жена. У нихъ была маленькая дочка, которую они любили всѣмъ сердцемъ. Именъ ихъ я не могу вамъ сообщить, такъ какъ они давно позабыты, но мѣсто, гдѣ они жили, называется Матсуяма и находится въ Этсиго.

Однажды, когда дѣвочка была еще крошкой, отцу ея понадобилось для устройства своихъ дѣлъ побывать въ большомъ городѣ, столицѣ Японіи.

Для матери и для ребенка это былъ бы слишкомъ далекій путь, такъ что отецъ отправился одинъ, нѣжно попрощавшись со своими и пообѣщавъ имъ принести хорошіе подарки.

Матери никогда не случалось бывать дальше сосѣдней деревни, и она невольно испытывала нѣкоторый страхъ при мысли о томъ, что ея мужъ предпринялъ такое большое путешествіе; однако въ то же время эта мысль внушала ей и маленькую гордость, потому что онъ первый изъ всей округи увидитъ тотъ большой городъ, гдѣ живетъ царь, окруженный своими вельможами, и гдѣ есть, на что посмотрѣть.

Наконецъ насталъ тотъ счастливый день, когда молодая женщина могла ждать возвращенія своего мужа; и вотъ она надѣла на свою дочку самое красивое изъ ея платьевъ, а сама нарядилась въ хорошенькое голубое платье, которое, какъ она знала, очень любилъ ея мужъ.

Вы легко можете себѣ представить, какъ была довольна эта милая женщина, когда она увидала, что ея мужъ вернулся совершенно здоровымъ, и какъ малютка смѣялась и хлопала ручонками отъ радости при видѣ прелестныхъ игрушекъ, подаренныхъ ей папой.

У путешественника оказался цѣлый запасъ разсказовъ о чудесныхъ вещахъ, видѣнныхъ имъ на пути и въ городѣ.

— А тебѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ своей женѣ,—я принесъ очень хорошенькую вещицу; она называется зеркаломъ. Посмотри и скажи мнѣ, что ты видишь.

Съ этими словами онъ подалъ ей бѣлый деревянный ящичекъ, гладко отполированный.

Открывъ ящичекъ, она нашла въ немъ металлическій кружокъ. Одна сторона кружка была бѣлая, какъ матовое серебро, и на ней были вырѣзаны рисунки, изображавшіе птицъ и цвѣты; другая же сторона была гладкая и блестящая, какъ самый чистый хрусталь. Молодая мать смотрѣла съ удовольствіемъ и удивленіемъ, такъ какъ изъ глубины зеркала ей улыбалось хорошенькое личико съ розовыми губками и блестящими глазками.

— Ну, что жъ ты видишь?—повторилъ свой вопросъ мужъ, очень довольный ея удивленіемъ и возможностью показать, что за время своего отсутствія онъ узналъ что-нибудь новенькое.

— Я вижу,— отвѣчала жена,— хорошенькую женщину, которая на меня смотритъ; ея губы шевелятся, точно она говоритъ, и на ней надѣто,— какъ это удивительно!—голубое платье, очень похожее на мое.

— Ахъ, ты, простушка моя, да вѣдь ты видишь свое собственное лицо,— проговорилъ мужъ, радуясь, что онъ знаетъ что-нибудь такое, что еще неизвѣстно его женѣ.— Этотъ металлическій кружокъ называется зеркаломъ; въ городѣ у всѣхъ есть зеркала, хотя здѣсь мы не видали ни одного.

Молодая женщина была въ восторгѣ отъ полученнаго подарка и въ теченіе нѣсколькихъ дней то-и-дѣло посматривала въ зеркало, такъ какъ вы, вѣроятно, помните, что она видѣла въ первый разъ въ жизни и зеркало и отраженіе въ немъ своего хорошенькаго личика. Но вскорѣ она нашла вещицу слишкомъ драгоцѣнной для повседневнаго употребленія, а потому, уложивъ зеркало снова въ тотъ же ящичекъ, спрятала его вмѣстѣ со своими другими драгоцѣнностями.

Прошло много лѣтъ, а мужъ съ женой жили по прежнему счастливо. Много радости доставляла имъ ихъ дочка, которая, выростая, становилась живымъ подобіемъ матери и была такая нѣжная и послушная, что всѣ ее любили.

Помня о той мимолетной тщеславной радости, которую она испытала сама, найдя себя такой хорошенькой, мать тщательно прятала зеркало отъ дочери, потому что боялась, что можетъ поселить въ ея душѣ гордую мысль о собственной красотѣ. Она даже никогда не упоминала о зеркалѣ, а отецъ окончательно забылъ о немъ.

И вотъ дочка выросла и осталась такой же простой, какой была нѣкогда ея мать; она даже не подозрѣвала о томъ, что она очень хорошенькая, и не знала о существованіи зеркала, которое могло бы показать ей ея красоту.

Между тѣмъ надъ счастливой семьей разразилось большое несчастье. Добрая и нѣжная мать тяжко захворала, и, несмотря на неусыпный, полный нѣжной любви уходъ дочери, болѣзнь все усиливалась, такъ что въ концѣ концовъ исчезла всякая надежда на выздоровленіе больной.

Когда бѣдная женщина поняла, что скоро ей придется разстаться съ близкими сердцу, она очень скорбѣла за тѣхъ, кого она оставляла на землѣ, въ особенности же за свою дорогую дочку. И вотъ она подозвала ее къ себѣ и сказала:

— Дорогое дитя мое, ты знаешь, что я очень больна; скоро я умру и оставлю тебя одну съ отцомъ. Когда меня не будетъ, обѣщай мнѣ смотрѣть въ это зеркало каждое утро и каждый вечеръ; въ немъ ты увидишь меня и будешь знать, что я всегда съ тобой и пекусь о тебѣ.

При этихъ словахъ она взяла зеркало и подала его своей дочери. Дочь, горько плача, дала требуемое обѣщаніе, а мать, успокоенная, скоро скончалась.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка, послушная и почтительная, никогда не забывала послѣдняго наказа своей матери; каждое утро и каждый вечеръ вынимала она зеркало и подолгу съ любовью смотрѣла въ него. Она видѣла въ немъ свѣтлый и улыбающійся образъ своей утраченной матери — не блѣдной и больной, какой она была въ послѣдніе дни своей жизни, но красивой и молодой, какъ въ былое время. Ей сообщала она по вечерамъ о пережитыхъ за день непріятностяхъ и затрудненіяхъ; ее просила она по утрамъ вдохнуть въ нее мужество и силу, необходимыя для того,

чтобы пережить все, что ей предстоитъ. Такимъ образомъ она продолжала жить съ матерью, стараясь угодить ей точно такъ же, какъ при жизни, и тщательно избѣгая такихъ поступковъ, которые могли бы ее огорчить. Самымъ большимъ удовольствіемъ было для нея, если она могла, смотря въ зеркало, сказать:

— Мама, сегодня я была такая, какой ты меня желала видѣть.

Замѣтивъ наконецъ, что каждое утро и каждый вечеръ она неизмѣнно смотрится въ зеркало и какъ будто разговариваетъ съ нимъ, отецъ спросилъ ее о причинѣ такого страннаго поведенія.

— Отецъ,— отвѣтила она:— я смотрю каждый день въ зеркало для того, чтобы увидать въ немъ мою дорогую мамочку и побесѣдовать съ ней.

И она разсказала при этомъ отцу о послѣднемъ предсмертномъ желаніи своей матери и о своемъ обѣщаніи, которое до сихъ поръ она свято исполняла.

Растроганный ея простотой, послушаніемъ и любовью, отецъ не могъ удержаться отъ слезъ. У него не хватило духу сказать своей милой дочери, что образъ, который она видитъ въ зеркалѣ, ни болѣе ни менѣе, какъ отраженіе ея собственнаго прелестнаго лица, которое, вслѣдствіе глубокой симпатіи и постояннаго сходства въ мысляхъ, день ото дня становилось все болѣе похожимъ на лицо ея покойной матери.

108. Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой;
«Смотри-ка,—говоритъ,—кумъ милый мой,
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть».
— «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

И. А. Крыловъ.

109. Вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада;
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все; часъ ночи недалекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!

Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились,
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава.
Гдѣ жъ крестьяне? День работавъ бодро,
Всѣ теперь за ужиномъ они;
Толкъ идетъ, чтобъ устояло вёдро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!..
Что за вечеръ! И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь!

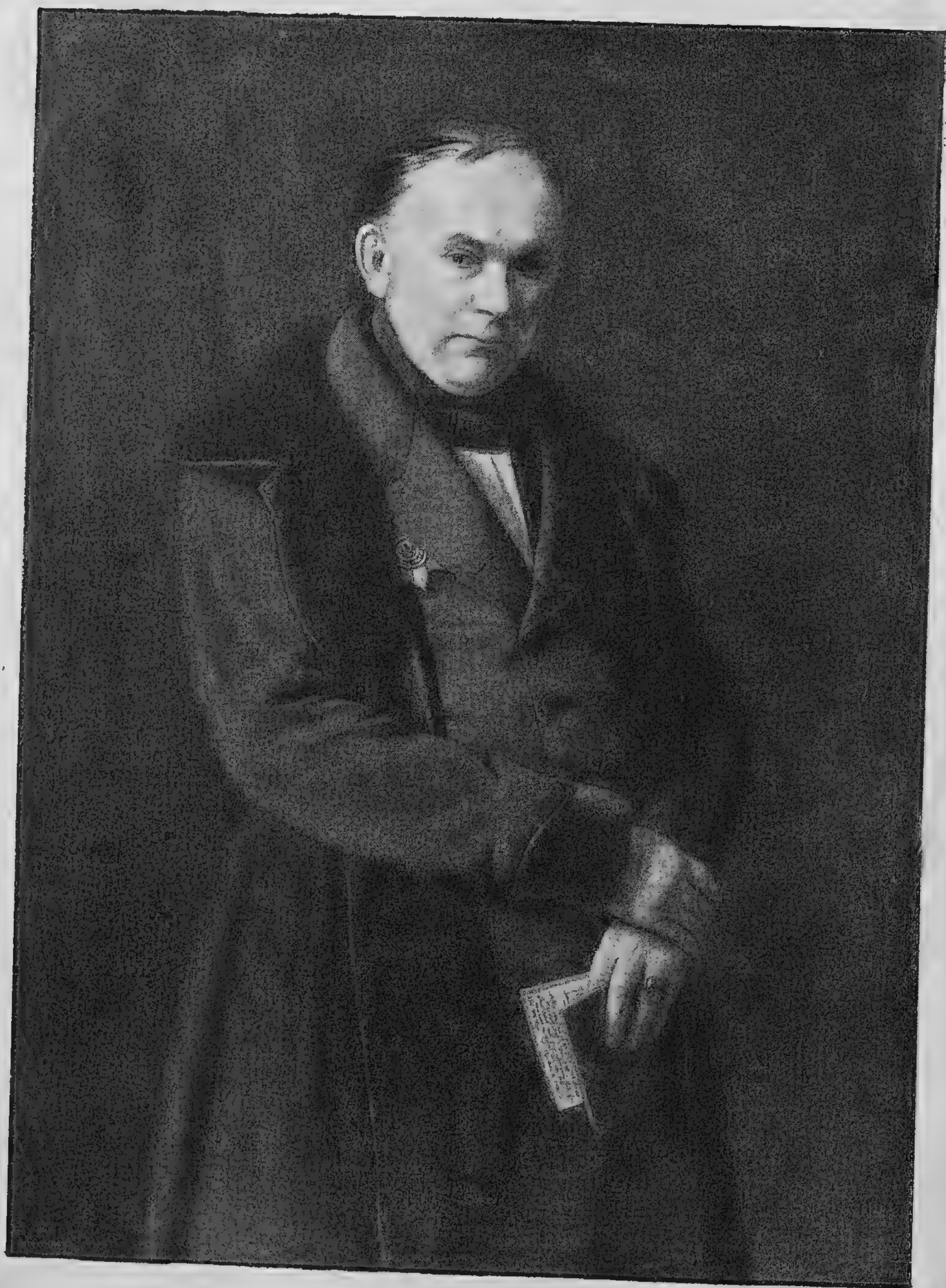
И. Аксаковъ.

110. Лѣтній вечеръ.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Лучъ погашаетъ за лучомъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.
Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній догъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.
А если зной для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ, въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
Итакъ, совсѣмъ немудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя на небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ!
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце пережда̀ть.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ; въ долъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни,
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ... Пора ко сну и намъ.

В. А. Жуковскій.

111. Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.

Тамъ—сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ растетъ, растетъ, какъ домъ.

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...

Только Жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ.

А. Н. Майковъ.

112. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

А. Пушкинъ.

113.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,—
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ.

«Дитя, подойди къ намъ поближе;
Тебя мы научимъ летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

«Подъ нами трепещутъ былинки,
Намъ такъ хорошо и тепло,
У насъ бирюзовыя спинки,
А крылышки—точно стекло.

«Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много,
Мы такъ тебя любимъ давно...
Смотри, какой берегъ отлогій,
Какое песчаное дно!»

А. Толстой.

114. Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, но животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,

Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ кота
И молитъ: «Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ?
Все это вѣдь за мной!»—Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ,—котъ Васька говоритъ.
«То такъ; да у него я ободралъ барана».
— Ну, попытайся жъ у Демьяна.—
«Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка».
— Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.—
«Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!»
— Ну, плохо жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ! —
«Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!»
— Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!—
Сказалъ тутъ Васька волку.—
Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы — самъ себя вини!
Что ты посѣялъ, то и жни.

И. А. Крыловъ.

Пословицы. Какъ аукнется, такъ и откликнется.—Не за то волка бьютъ, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ.—Каково постелешь, таково и поспишь.

115. Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ,
Шелъ подъ вечеръ, лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу,
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ,

И, гдѣ бъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
«Степанушка, родной, не выдай, милый!»
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новый Геркулесъ, со всей собравшись силой,
Что только было въ немъ,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой:
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
—Помилуй,—говоритъ:—за что?»—За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай, колетъ: всю испортилъ шкуру!

И. А. Крыловъ.

116. Іюль.

Іюль—макушка лѣта, страдная пора.

«Въ іюлѣ хоть раздѣнься, а все легче не будетъ», говорится въ народѣ, и правда, іюльская жара—самая жгучая. «Въ іюлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо», говоритъ другая поговорка. Всѣ въ полѣ, даже грудныхъ ребятъ уносятъ бабы съ собой, и дома остаются только дряхлые старики да ребятишки.

Тяжела іюльская страда: «всѣмъ лѣто пригоже, да макушка тяжела».

Идетъ еще сѣнокосъ, а тутъ, глядишь, и жатва поспѣла, и хотя пословица и говоритъ, что «гдѣ пахарь плачетъ, тамъ жница скачетъ», радуясь тому, «что послалъ Господь за труды людямъ», но жать очень тяжело. Спина ноетъ, солнцемъ печетъ, пить хо-

чется, насѣкомыя пристаютъ, а отмахнуться отъ нихъ, или напиться, или выкупаться—некогда: хлѣбъ поспѣлъ, и если станешь съ нимъ копаться, то онъ можетъ высыпаться.

Деревенскіе хороводы кончаются еще въ іюнѣ, и въ іюлѣ нѣтъ никакихъ народныхъ празднествъ.

Народъ думаетъ, что съ Ильина дня, съ 20 іюля, начинается уже осень. Обыкновенно къ этому дню поспѣваютъ обмолотить и смолоть немного новаго хлѣба, пекутъ изъ новой ржи хлѣбъ и приносятъ для благословенія въ церковь. Съ Ильина дня перестаютъ купаться.

Загадка. Маленькій, горбатенькій, все поле обрыщетъ, домой прибѣжитъ, цѣлый годъ пролежитъ (серпъ).

Пословицы. Матушка рожь кормитъ всѣхъ сплошь.—Бѣлыя ручки чужіе труды любятъ.

117. На полѣ въ страду.

Послѣ обѣда, на длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ отправились мы съ отцомъ въ поле; Миронычъ [1]) также присѣлъ съ нами. Я ѣхалъ на роспускахъ въ первый разъ въ моей жизни, и мнѣ очень понравилась эта ѣзда: сидя на сложенной вчетверо бѣлой кошмѣ, я покачивался, точно какъ въ колыбели, висящей на гибкомъ древесномъ сучкѣ. По колеямъ степной дороги роспуски опускались такъ низко, что растущіе высоко травы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и рукамъ, и это меня очень забавляло. Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. Но я замѣтилъ, что для большихъ людей такъ сидѣть неловко, потому что они должны были не опускать своихъ ногъ, а вытягивать и держать ихъ на воздухѣ, чтобъ не задѣвать за землю: я же сидѣлъ на роспускахъ почти съ ногами, и трава задѣвала только башмаки. Когда мы проѣзжали между хлѣбовъ по широкимъ межамъ, заросшимъ вишенникомъ съ красноватыми ягодами и бобовникомъ съ зеленоватыми бобами, то я упросилъ отца остановиться и своими руками нарвалъ цѣлую горсть дикихъ вишенъ, мелкихъ и жесткихъ, какъ крупный горохъ; отецъ не позволилъ мнѣ ихъ отвѣдать, говоря, что онѣ кислы, потому что не поспѣли; бобовъ же дикаго персика, называемаго крестьянами бобовникомъ, я нащипалъ себѣ цѣлый карманъ; я хотѣлъ и ягоды положить въ другой карманъ и отвезти маменькѣ, но отецъ сказалъ, что «мать на такую дрянь и смотрѣть не станетъ, что ягоды въ карманѣ раздавятся и перепачкаютъ мое платье, и что ихъ надо кинуть». Мнѣ жаль было вдругъ разстаться съ ними, и я долго держалъ ихъ въ своей рукѣ, но наконецъ принужденъ былъ бросить, самъ не знаю, какъ и когда.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонилась, не вылегла, какъ говорится, она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками и съ лошадьми не было видно. Это новое зрѣлище тоже мнѣ очень нра-

---

[1]) Приказчикъ.

вилось. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей; чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь несжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ; вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Когда мы выѣхали на десятину, которую жали человѣкъ съ десять, говоръ прекратился; но зато шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и неслыханными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: «Богъ на помочь!»

Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцомъ и со мной. На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость, нѣкоторые тяжело дышали, у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ: сколько людей на десятинѣ, не тяжело ли имъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что «тяжеленько, да какъ же быть, рожь сильна, прихватимъ вечера», сказалъ: «Такъ жните съ Богомъ!»

И въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе, и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ вверху и воткнутыхъ въ землю, висѣли люльки; молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя. Ребенокъ скоро успокоился, заснулъ; мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Отецъ разговаривалъ съ Миронычемъ, и я имѣлъ время всмотрѣться во все меня окружающее. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ знoѣ, охватило мою душу, и, много разъ потомъ бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе... Съ этой десятины поѣхали мы на другую, на третью и такъ далѣе.

Сначала мы вставали съ роспусковъ и подходили къ жнецамъ, а потомъ только подъѣзжали къ нимъ, останавливались, отецъ мой говорилъ: «Богъ на помочь». Вездѣ было одно и то же: тѣ же поклоны, тѣ же добрыя обрадованныя лица и тѣ же простыя слова: «Благодарствуемъ, батюшка Алексѣй Степанычъ!» Останавливаться вездѣ было невозможно: недостало бы времени. Мы объѣхали яровые хлѣба, которые тоже начинали поспѣвать, о чемъ отецъ мой и Миронычъ говорили съ безпокойствомъ, не зная, гдѣ взять рукъ, и какъ убраться съ жнитвомъ.

— Вотъ она, страда-то, настоящая-то страда, батюшка Алексѣй Степанычъ,— говорилъ главный староста: — ржи поспѣли поздно, яровые, почитай, поспѣваютъ, уже и поздніе овсы стали мѣшаться, а пришла пора сѣять. Вчера Богъ далъ такого дождика, что борозду пробилъ; теперь земля сыренька, и съ завтрашняго дня всѣхъ мужиковъ погоню сѣять; такъ извольте разсудить: съ однѣми бабами немного нажнешь, а ржи-то осталось половина несжатой. Не позволите ли, батюшка, сдѣлать лишній сгонъ?

Отецъ отвѣчалъ, что крестьянамъ вѣдь также надо убираться, и что отнять у нихъ день въ такую страдную пору—дѣло нехорошее, и что лучше сдѣлать помочь и позвать сосѣдей. Староста началъ было распространяться о томъ, что у нихъ сосѣди дальніе и къ помочамъ непривычные; но въ самое это время подъѣхали мы къ горохамъ и макамъ, которые привлекли мое вниманіе. Отецъ приказалъ Миронычу сломить нѣсколько еще зеленыхъ головокъ мака и выдрать съ корнемъ охапку гороха съ молодыми стручками и лопатками; все это онъ отдалъ въ мое распоряженіе и даже позволилъ съѣсть одинъ молоденькій стручокъ, плоскія горошинки котораго показались мнѣ очень сладкими и вкусными. Въ другое время это заняло бы меня гораздо сильнѣе, но въ настоящую минуту ржаное поле съ жнецами и жницами наполняло мое воображеніе, и я довольно равнодушно держалъ въ рукахъ, за тонкіе стебли, съ десятокъ маковыхъ головокъ и охапку зеленаго гороха.

Уже стало темно, когда мы воротились. Мать начинала безпокоиться и жалѣть, что меня отпустила. Въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ утомился и заснулъ, не дождавшись даже чаю.

С. Аксаковъ.

118. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О Божья благодать!.. О, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы и жнецы, ныряя, точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба.

А. Н. Майковъ.

119.

Не остывшая отъ зною
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею...

Ѳ. И. Тютчевъ.

120. Разсказъ ржаного колоса.

Я—старый колосъ, забытый, не срѣзанный пахаремъ. Грустно умирать позабытымъ, въ одиночествѣ, подъ вой холоднаго вѣтра! Я каждый день плачу, роняя свои зерна... Но и мнѣ было хорошо, — и я зналъ весну и лѣто... Я хочу разсказать вамъ свою исторію.

Смутно припоминается мнѣ дѣтство. Едва я выглянулъ на Божій свѣтъ изъ мягкой колыбели земли, едва поласкалъ меня холодѣвшій лучъ осенняго солнца, какъ наступила зима. Поля покрылись снѣгомъ, пошли морозы. Я спрятался подъ бѣлымъ пушистымъ ковромъ и всю зиму проспалъ, пролежалъ безъ жизни...

Проснулся я весною. Меня разбудило ласковое солнышко, веселые голоса прилетѣвшихъ птицъ, тихое журчанье ручейковъ, сбѣгавшихъ по полямъ въ ложбины. Кое-гдѣ еще виднѣлись остатки снѣга, чернаго по краямъ, но снѣгъ этотъ таялъ подъ лучами... Въ воздухѣ чувствовался запахъ распускающихся почекъ, рѣяли веселыя ласточки,— и какая это была милая колыбельная пѣсенка, и что за рѣзвые голоса! Ласточки такъ быстро носились въ небѣ, такъ низко спускались, почти задѣвая меня бѣлоснѣжною грудью!

Я сладко вздохнулъ послѣ тяжелаго сна и потянулся вверхъ, къ милому, свѣтлому солнцу...

Мнѣ очень хотѣлось подняться выше, посмотрѣть кругомъ на все, поцѣловать рѣзвыхъ ласточекъ, поговорить съ братьями... Солнце не скупилось на тепло, мать-земля хорошо кормила меня, и я быстро росъ, перегоняя своихъ сосѣдей.

И вотъ, въ одно ясное утро, я увидѣлъ все, чего прежде не видѣлъ. Необозримая зеленая равнина уходила вдаль и сливалась съ голубымъ небомъ. Далеко, далеко—черною стѣною поднимался зубчатый лѣсъ. На пригоркѣ раскинулось село. Черныя избы лѣпились другъ къ другу. Кое-гдѣ поднимался бѣлый дымокъ и разстилался, таялъ въ воздухѣ. Около меня пролегала дорога къ селу. Сиротливыя ветлы у его околицы покрылись уже молодой зеленью, и ихъ вѣтви тянулись въ воздухъ, какъ длинныя зеленыя руки. Въ сторонѣ стояла бѣлая церковь. Я услышалъ звуки колокола, пріятные, долгіе звуки, замиравшіе вдали... На рѣкѣ, протекавшей у села, мальчики ловили рыбу, а бабы сту-

чали вальками... Солнце сіяло; жаворонокъ посылалъ мнѣ серебристую трель; утренній вѣтерокъ тихонько шуршалъ верхушками молодыхъ колосьевъ, и мнѣ стало такъ хорошо, что я сладко задремалъ. Но стукъ колесъ разбудилъ меня. Я увидѣлъ косматую лошаденку, тащившую телѣгу. На ней была положена соха. Пожилой мужикъ и бѣлокурый мальчикъ сидѣли рядомъ. Не успѣлъ я хорошенько разглядѣть лицо мальчугана, его волосы, выбивавшіеся изъ-подъ шапчонки, его быстрые глаза, бѣгавшіе по сторонамъ, его рваный зипунишко, какъ мужикъ проговорилъ:

— Ну, Ванюшка, стой! Вотъ наша полоса, глянь!

— И я буду пахать, батя?

— Будешь и ты. Стой же!

— Тпру!

И маленькія ручонки понатянули вожжи. Косматая лошаденка остановилась противъ меня, черезъ дорогу.

Я очень обрадовался сосѣдямъ. Ванюшка былъ такой веселый! Онъ бѣгалъ по дорогѣ, карабкался на телѣгу, хлопалъ лошадь по шеѣ, теребилъ ея косматую гриву. И Сивка не боялся Вани, а довѣрчиво тянулъ къ нему кудлатую голову. Я такъ былъ радъ, когда Ваня подходилъ ближе и къ нашей полосѣ. Я узналъ много интереснаго за эти два дня, когда Ваня съ отцомъ пахали свою полосу. Семенъ, отецъ Вани, держалъ соху, а лошаденка ковыляла по бугристой землѣ. Сынъ шелъ по слѣдамъ отца, а иногда и его замѣнялъ.

— Ну, учись, Ванька, пахать, учись! — говорилъ тогда Семенъ.

Но Ванѣ трудно было ладить съ тяжелою сохой. Услышалъ я тутъ въ первый разъ и пѣсню, унылую мужицкую пѣсню.

Пришлось узнать мнѣ и то, что въ прошлый годъ мало родилось хлѣба, и что Семенъ возлагалъ большія надежды на сѣяв-

шееся просо... Увидѣлъ я и дѣвочку, сестру Вани. Она приносила изъ села хлѣбъ и воду отцу.

— Ну, что тамъ у тебя дома, ничего? — спрашивалъ Семенъ.

— Ничего, батя! — отвѣчала дѣвочка.

Гдѣ же была ихъ мать? Я долго недоумѣвалъ, пока не услышалъ разговора Вани съ отцомъ.

— Когда поставишь крестъ матери-то? — спрашивалъ сынъ.

— Подожди, срубимъ и поставимъ.

Мать ихъ умерла! Я пожалѣлъ сиротъ. Я самъ лежалъ въ теплыхъ объятіяхъ матери-земли и знаю, какъ хорошо въ этихъ объятіяхъ...

Наконецъ Семенъ, посѣявъ просо, убрался со своею телѣгою домой.

II.

Подошелъ и май. Я росъ и становился полнѣе. На мнѣ появились листочки. Я умывался утромъ и вечеромъ душистою росою, мнѣ пѣли жаворонки, и улыбалось солнце. Набѣгавшій вѣтеръ приносилъ ароматы травъ и цвѣтовъ. На мужицкихъ гумнахъ пышно распустились ветлы и закрыли деревушку. Мнѣ было очень весело. По дорогѣ постоянно ходилъ народъ. Близко отъ меня какой-то купецъ посѣялъ просо и засадилъ бахчу. Туда ходили полоть толпы дѣвокъ и бабъ. Подъ вечеръ онѣ возвращались въ село. Звонкіе голоса ихъ дрожали въ чуткомъ воздухѣ и повторялись эхомъ за рѣкою. Когда же прозрачная ночь покрывала поля,— мнѣ такъ хорошо было любоваться голубымъ звѣзднымъ небомъ, такъ пріятно было вглядываться въ сумрачную таинственную даль! Широкая красная полоса потухающей зари красиво лежала вдали, надъ темнымъ лѣсомъ... Убаюканный грезами дня, я сладко дремалъ ночью и пробуждался при первыхъ звукахъ жаворонка, при первомъ лучѣ утренней зари. По дорогѣ уже двигались работники и работницы, и суета дня скоро начиналась.

Въ одинъ изъ майскихъ дней я увидѣлъ и своего хозяина. Это былъ широкоплечій мужикъ среднихъ лѣтъ. У него были грубыя, мозолистыя руки, смуглое лицо, на которомъ свѣтились большіе глаза, густая борода. Онъ пришелъ съ женою. Жена была совсѣмъ старуха. Я очень удивлялся и послѣ, отчего такъ быстро старѣютъ крестьянскія женщины. Въ тридцать лѣтъ—уже глубокія морщины, ввалившіеся глаза, сѣдѣющіе волосы. Потомъ я понялъ, что тяжелая жизнь и тяжелая работа виноваты въ этой преждевременной старости...

Хозяинъ и хозяйка остановились близко отъ меня... Онъ покачалъ грустно головою, а она подперла голову рукой и, какъ мнѣ показалось, всплакнула немножко.

— Какая она, матушка, рѣденькая, рожь-то наша!—обратилась хозяйка къ мужу.

— И не дай Богъ такого года, какъ прошлый! — проговорилъ мужъ.

Немного погодя, погоревавъ, хозяева ушли; опустивъ головы, пошли медленно къ селу.

Я видѣлъ и у сосѣднихъ полосъ мужиковъ и бабъ. Горевали и тамъ. Я слышалъ, какъ бабы упрашивали рожь расти выше и лучше:

— Кормилица наша, выростай лучше! Хлѣбушка совсѣмъ нѣтъ!..

Только и разговоровъ было у бѣдняковъ, что о «хлѣбушкѣ».

— Хлѣбушка бы Господь уродилъ намъ!

У всѣхъ были озабоченныя лица.

Изрѣдка я поглядывалъ и на просо Семена. Оно мнѣ очень нравилось своей нѣжной зеленью. Но разъ, когда я проснулся, дрожа отъ холода, раньше обыкновеннаго, я увидѣлъ, что нѣкоторые листики проса пожелтѣли. Въ обѣдъ пришелъ и самъ Семенъ съ Ванюшкой.

— Ахъ, сынокъ, просо-то наше морозъ тронулъ! Пожалуй, плохо совсѣмъ придется,—вздохнулъ глубоко Семенъ.

Ванюшка ничего не сказалъ, только я замѣтилъ, что онъ съ какимъ-то испугомъ заглядывалъ въ глаза отцу.

Потомъ я опять увидалъ моихъ друзей. Они пришли полоть просо. Семенъ, его дѣвочка, потомъ старуха-тетка цѣлые дни не разгибаясь ходили по кочковатой землѣ и выбирали сорныя травы. Солнце уже порядочно припекало, и, когда старуха разгибала спину, я слышалъ ея глубокіе вздохи; я видѣлъ, какъ струился потъ по ея изборожденному мелкими морщинами лицу.

Въ полдень работники садились за скудный обѣдъ, за хлѣбъ и квасъ.

— Господи Іисусе, спаси и помилуй!—вздыхала старуха.

— Если бы просцо уродилось, — говорилъ Семенъ: — а то поміру пойдемъ...

— Спаси насъ, Мати Божія!—крестилась старуха.

«Тяжела мужицкая работа!» думалъ я тогда. И мнѣ поскорѣе хотѣлось вырости, стать сочнѣе и полнѣе. И я цѣлые дни, качаемый вѣтромъ, нагибался близко къ товарищамъ и шепталъ имъ, чтобъ они скорѣе росли, чтобы наша нива облегчила долю хозяевъ.

III.

Наступилъ и іюнь. Мой стебель замѣтно утолщался, я выросъ и все понималъ. Мнѣ такъ никогда не было весело! Помню я Троицынъ день, веселый, ясный день! Я проснулся очень рано и увидалъ, какъ провезли въ сосѣднюю помѣщичью усадьбу цѣлый возъ молодыхъ березокъ. Я чувствовалъ ихъ запахъ. Вокругъ меня летали мотыльки. Золотая пчелка прожужжала мнѣ хорошенькую сказку. Жаворонокъ разсыпался серебромъ. Вчера я, всѣ мои

братья, сосѣдніе колосья, и просо Семена умылись дождемъ и весело блестѣли подъ яркими лучами. Вдали гудѣлъ церковный колоколъ, и мнѣ казалось, что ему благоговѣйно внимали всѣ поля.

По дорогѣ, мимо меня, изъ сосѣднихъ деревень шли толпы наряженныхъ дѣвушекъ въ церковь. Онѣ сбросили одежду труда, веселый праздникъ сіялъ на ихъ лицахъ, на яркихъ цвѣтахъ юбокъ, сарафановъ и платковъ. Поля оглашались веселымъ говоромъ. У церкви, я видѣлъ, толпилось много народу... Вечеромъ къ рѣкѣ прошли мимо меня толпы дѣвушекъ съ вѣнками, съ пѣснями.

«Веселитесь, добрые люди!» — пожелалъ я имъ отъ души: — «вамъ послѣзавтра опять приниматься за работу!»

Засыпая этой ночью, я слышалъ, какъ звонко кричали перепела, а дружная пѣсня, съ звуками гармоники, доносившаяся изъ села, крѣпко убаюкала меня.

Веселый день былъ эта Троица.

Но въ іюнѣ же пришлось мнѣ вынести и горе. Разъ, помню, случилась страшная гроза. Однако съ утра безоблачное небо не предвѣщало дурной погоды. Надъ нами въ вышинѣ плавали ястребы. Тучи скворцовъ проносились мимо. Со свистомъ утромъ пролетѣли утки. Но съ полдня облака со всѣхъ краевъ неба стали сползаться въ одно мѣсто, образовалась зловѣщая синяя туча, заслонившая солнце. Поднялся сильный вѣтеръ. Тучи пыли понеслись на насъ съ дороги, я насилу устоялъ въ борьбѣ съ вѣтромъ, но многіе изъ моихъ друзей полегли. Галки и вороны пугливыми стаями носились надъ нами. Ветлы низко нагибались подъ напоромъ вѣтра. Наконецъ надъ полями прокатился громъ, и передъ нимъ все смолкло. Крикливыя галки куда-то спрятались. Блеснула молнія, и полился дождь. Буря разгулялась. Я очень испугался и прижался къ сосѣду. Долго я помнилъ эту грозу... Крупнымъ дождемъ помяло хлѣба, и многіе изъ нихъ не поправились... Я пожалѣлъ ихъ бѣдныхъ хозяевъ, но на нашей полосѣ было благополучнѣе, чѣмъ на другихъ...

На слѣдующій день и слѣда не было вчерашней грозы. Земля скоро высохла, а травы и хлѣба еще веселѣе смотрѣли на солнце. На небѣ плавали бѣловатые, пушистые клочки облаковъ.

Жаворонки заливались, ласточки еще быстрѣе сновали въ воздухѣ, а я весело болталъ съ товарищами.

Но ночью меня разбудили сосѣдніе колосья. Былъ сильный вѣтеръ, и они низко нагибались ко мнѣ:

— Вставай, соня, вставай скорѣе!

Я всталъ — и не понималъ, зачѣмъ меня разбудили.

— Смотри, — сказалъ мнѣ сосѣдній колосъ: — въ селѣ страшный пожаръ.

Тутъ только я разслышалъ звуки набата и увидѣлъ зарево пожара. Церковь и вся окружность были ярко освѣщены. Громадный столбъ пламени поднимался вверхъ и озарялъ испуганныя поля.

Въ вихрѣ этого пламени летѣли и кружились снопы крупныхъ искръ. Оно пожирало крестьянскія хаты, какъ какое-то огненное чудовище. Кладушки хлѣба, сохранившіяся только у богатыхъ крестьянъ, горѣли ярче всего. Темные силуэты ветелъ выдѣлялись на яркомъ фонѣ. До меня доносились звуки набата, крики отчаянія и причитанія бабъ. Испуганные пожаромъ, голуби, высоко взвиваясь, какъ огненныя тряпки, носились въ небѣ. Какъ громадный жертвенникъ, взвивалось пламя пожара къ ночнымъ небесамъ.

Всю ночь я плакалъ и дрожалъ отъ испуга и жалости...

«Бѣдные труженики, гдѣ-то вы найдете пріютъ?»—думалось мнѣ.—«А мой Ванюшка, не сгорѣла ли и его хата?»

Утромъ мы не узнали села. Половина избъ сгорѣла. На черномъ, обугленномъ пространствѣ копошились люди. Причитанія бабъ доносились утреннимъ вѣтромъ. Цѣлую недѣлю стонъ и вопли стояли на сосѣдней дорогѣ. Погорѣльцы шли въ городъ и изъ города. Въ село проѣхали становой и исправникъ. Домъ Семена не сгорѣлъ.

Я это скоро узналъ: Семенъ съ дочерью и односельчанами шли на работу къ купцу и дорогой разговаривали о пожарѣ.

— Около меня занялось,—разсказывалъ Семенъ:—Ванюшка мой страсти какъ испугался... Кричитъ: «Батя, батя, сгоримъ!» Помертвѣлъ весь... Но Господь помиловалъ: вѣтеръ былъ въ другую сторону...

Хозяинъ мой тоже не сгорѣлъ. Слава Богу, у меня немного отлегло отъ сердца! Гдѣ бы тогда пришлось пріютиться бѣднымъ сиротамъ?

IV.

Пришелъ и іюль, а съ нимъ и нестерпимая жара. Я совсѣмъ выросъ. Я тогда былъ длинный, полный колосъ. Зерна мои налилися, и подъ ихъ тяжестью я низко наклонялся. Изъ сосѣдняго поля доносился медовый ароматъ гречихи и тяжелый запахъ конопли. Цѣлый рой кузнечиковъ, зеленыхъ и желтыхъ, прыгалъ около меня. Жужжали пчелы, и гудѣли комары. Поле зажелтѣло. Просо Семена уже колосилось. Но какое оно было рѣдкое и низенькое! На бахчахъ уже поспѣвали овощи. Около насъ провозили воза зеленыхъ огурцовъ и душистыхъ дынь. Нѣсколько разъ приходилъ хозяинъ съ женою. У ней на рукахъ кричалъ маленькій ребенокъ.

— Ну, скоро будемъ жать нашу рожь!—заявилъ въ одно изъ посѣщеній хозяинъ.

— Какая она рѣденькая... Никола угодникъ! Чѣмъ мы будемъ зиму-то кормиться?—промолвила жена печально.

— Чего плачешь-то? Можетъ, умолотъ будетъ хорошъ. Ну, а не то поголодаемъ, не впервой, чай! — отрѣзалъ мужъ.

Когда стали жать нашу полосу, я испугался. Спѣлые колосья, мои братья, подрѣзывались острымъ серпомъ и ложились на землю. Но я какимъ-то чудомъ спасся: острый серпъ прошелъ мимо. Какъ я былъ радъ тогда! Мнѣ было жаль друзей, когда они, подрѣзываемые серпомъ, стонали отъ боли. Но теперь я жалѣю, что меня тогда не срѣзали... Грустно стоять одинокимъ, смотрѣть на голое поле, слушать вой вѣтра и умирать медленной, мучительной смертью подъ непривѣтливымъ октябрьскимъ небомъ! Но тогда, какъ бы то ни было, я хотѣлъ жить: мнѣ было тепло, привольно, я видѣлъ все, что кругомъ дѣлалось. Какая это тяжелая работа— въ страдную пору! Подъ жаркими лучами мнѣ порою и такъ, безъ работы, было тяжело. Каково же было моимъ бѣднымъ хозяевамъ день деньской нагибаться, едва расправляя спину! Хозяйка, въ грязной рубахѣ, босая, все стонала и охала. Но серпъ быстро бѣгалъ у ней. Хозяинъ менѣе уставалъ, но онъ былъ сильный, могучій мужикъ. Лица ихъ загорѣли, и съ нихъ слѣзала кожа. Руки были покрыты мозолями. Ноги имъ пришлось не разъ занозить. А ѣли они только хлѣбъ, пили теплую воду, плохо утолявшую жажду. Я все видѣлъ и слышалъ. Около меня были поставлены три палки, и на нихъ повѣшена колыбель. Больной ребенокъ весь день кричалъ, и мать должна была часто отрываться отъ работы.

Я съ любовью смотрѣлъ на исхудалое личико ребенка, мнѣ такъ хотѣлось его утѣшить! Я низко нагибался къ нему, но не могъ его достать... Я звалъ жаворонковъ, ласточекъ, чтобы они позабавили его веселыми пѣсенками... Но они не прилетали, а ребенокъ все плакалъ и плакалъ...

Да, тяжела страдная пора!

И на всѣхъ сосѣднихъ поляхъ копошились эти потные, грязные, истомленные труженики! Всѣхъ ихъ пекло солнце, знойный вѣтеръ обвѣтривалъ имъ лица. Многіе изъ нихъ рѣзали серпами и косами обнаженныя руки и ноги.

И съ сосѣднихъ полосъ доносились крики маленькихъ ребятъ. На одной изъ этихъ полосъ работалъ и Семенъ. Я не узналъ въ грязномъ, загорѣвшемъ мужикѣ добраго, веселаго Семена. Но Ванюшка не унывалъ и бѣгалъ по полю за бабочками, ловилъ жуковъ и кузнечиковъ, или барахтался въ копнахъ съ собачонкой.

Тяжела работа подъ палящимъ солнцемъ: ни веселой пѣсни ни живого разговора; но и прохладной ночью мало веселья. Вездѣ плохой урожай, настроеніе тружениковъ печальное. Но картина вечера интересна. Костры покрывали поле. Копны, какъ неподвижные часовые, темнѣли вдали. Иногда эту картину освѣщали вспыхивающія на горизонтѣ зарницы. Рѣдко-рѣдко какой-нибудь дро-

жащій голосъ затягивалъ пѣсню. Но, заунывная, наболѣвшая, она срывалась и повисала стономъ надъ пашнями...

Наконецъ нашу полосу убрали. На ней стояли четыре копны. Въ этотъ вечеръ я подслушалъ разговоръ хозяевъ.

— Ну, Матреха, мало у насъ хлѣбушка! — сказалъ мужикъ.

— Чего мы ѣсть-то будемъ? — всплакнувъ, спросила та.

— Ну, не нюнь! Силушка не изболѣла еще.

И мужикъ молодцовато тряхнулъ волосами. Въ это время закричалъ ребенокъ.

— Что ты все кричишь, болѣзный? Хоть бы Господь прибралъ тебя скорѣе...

Я и во снѣ этой ночью слышалъ охрипшій голосъ ребенка...

Исхудавшая клячонка свезла хлѣбъ на гумно хозяина. Она тоскливо опустила голову, какъ бы предчувствуя, что ей придется всю зиму ѣсть солому...

Я остался одинокимъ,—и начались мои страданія... Я былъ одинъ среди опустѣвшаго поля. Не съ кѣмъ мнѣ было перемолвить слова. Просо Семена было далеко. Я насилу удерживалъ въ своихъ лепесткахъ тяжелыя зерна. Жаворонки и ласточки меня бросили. Пролетали только грузныя утки да длинноносые журавли. Они важно выступали и осторожно поднимали свои головы, если кто-нибудь показывался вблизи. Я очень скучалъ: мнѣ такъ хотѣлось повидать хотя Семена съ Ваней. Наконецъ я ихъ увидалъ. Они шли съ работы, съ бахчей. Остановились у проса.

— Скоро, батя, убирать будемъ?—спросилъ сынъ.

— Скоро, Ваня, скоро. Плохо просо-то, родной!

— Плохо, батя?

— Плохо, мало каши будетъ...

И они ушли къ селу.

Немного погодя сжали просо. Немного его было. Вѣтеръ донесъ до меня слова Семена:

— Ну, Ванюшка, хлѣба мало, мнѣ все неможется! По-міру пойдемъ съ тобой, сынокъ! Пойдемъ, не миновать...

И когда они проходили мимо меня, я увидѣлъ въ свѣтлыхъ глазахъ Ванюшки слезинки. Не знаю, отъ вѣтра ли онѣ набѣжали, или Ваня испугался словъ отца—таскаться по-міру...

V.

Пронесся и сентябрь. Листья ветелъ пожелтѣли. Всѣ поля обнажились. Только на дальнихъ лугахъ стояли стога сѣна. Грязная равнина тоскливо убѣгала вдаль. Птицы готовились улетать въ далекія, теплыя страны. По ночамъ бывали морозы. Мужики отпахали уже озимыя поля. Какія худыя у нихъ клячонки! Заунывныя пѣсни надрывали мнѣ душу. Я растерялъ больше половины зеренъ, но остальныя изъ всѣхъ силъ удерживалъ въ слабѣвшихъ

листочкахъ. Я весь почернѣлъ и состарѣлся. Но тогда мнѣ еще хотѣлось жить: иногда осеннее солнце ласково меня грѣло, а поздния птицы напѣвали веселыя пѣсни. Да притомъ мнѣ очень хотѣлось повидать Ваню и хозяевъ. Передъ смертью я очень желалъ посмотрѣть на голубые глаза мальчика и кивнуть ему ласково на прощанье.

А дни шли, дождливые, печальные, съ воемъ вѣтра, разгуливавшаго на свободѣ...

Послѣднее, что я еще помню, — это день одного изъ послѣднихъ чиселъ октября. Все кругомъ мертво, пустынно, ни на что не хотѣлось смотрѣть. Небо непрерывно плачетъ мелкимъ, холоднымъ дождемъ. У меня осталось только два зерна, два тощихъ зерна, сжавшихся отъ холода... Мнѣ все надоѣло, я былъ боленъ и грустно задумался. Я думалъ о прошломъ. Какъ все быстро пролетѣло: ясная весна, теплое, пышное лѣто!.. Куда дѣвалась зелень и ароматъ полей? Куда улетѣли звонкіе жаворонки, быстрыя ласточки? Отчего неласково смотритъ холодное солнце? Мнѣ хотѣлось умереть...

Въ то время, какъ я задумался, тарантасъ сосѣдняго барина остановился противъ меня. Кучеръ слѣзъ поправить что-то у лошадей, а баринъ торопилъ его:

— Скорѣе, Өедоръ, занавѣшивай тарантасъ! Дождь сюда попадаетъ...

Өедоръ поправилъ занавѣску и полѣзъ на козлы.

— Дяденька, подайте Христа ради!—вдругъ услышалъ я знакомый дѣтскій голосъ, и задрожалъ отъ волненія.

— Дайте, дяденька, на хлѣбушко!—послышался и другой тоненькій голосокъ.

Это были Ваня съ сестрою.

Изъ глубины тарантаса протянулась рука съ чѣмъ-то, и баринъ крикнулъ:

— Пошелъ, Өедоръ!

Тарантасъ тронулся, а дѣти остались на дорогѣ. Бѣдные, маленькіе горемыки! Нужда уже выгнала ихъ просить «Христа ради».

Маленькіе нищіе пошли по грязной дорогѣ. Я провожалъ ихъ взглядомъ. Я силился закричать имъ послѣднее «прости», но вѣтеръ надломилъ мой изболѣвшій стебель, и я совсѣмъ повалился на землю.

Довольно жить! Я разсказалъ вамъ свою исторію. Черезъ часъ, можетъ быть, вѣтеръ понесетъ меня и размечетъ мой стебель. Довольно жить,—я и такъ много испыталъ...

В. Огарковъ.

Пословицы. Нужда—что ржа.—Бѣдность—святое дѣло.

121. Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана;
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

Я. Полонскій.

122. Цыгане.

Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все; луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.

А. Пушкинъ.

123. Переходъ цыганъ на другое кочевье.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ—
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, неспокойно.

А. Пушкинъ.

124. Льговъ.

— Поѣдемте-ка въ Льговъ, — сказалъ мнѣ однажды уже извѣстный читателямъ Ермолай:—мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго, но, за неимѣніемъ пока другой дичи (дѣло было въ началѣ сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бѣгать по полямъ за куропатками мнѣ надоѣло), я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ — большое степное село съ весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка верстъ за пять отъ Льгова превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кое-гдѣ по серединѣ заросшій густымъ тростникомъ, по-орловскому—майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряковыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то-и-дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда; но, во-первыхъ, у самаго берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергался нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошного майера наши собаки не были въ состояніи: несмотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоцѣнные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ,— промолвилъ наконецъ Ермолай: — Дѣло не ладно: надо достать лодку... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу, изъ-за густой ракиты, выбѣжала довольно дрянная легавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блё-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одно-

ствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами; небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали,—все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ Владимиръ... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берегъ нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамотѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кое-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постояннаго занятія, питался только что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и, видимо, щеголялъ своими манерами. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно, но все-таки не терялъ чувства собственнаго достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъявить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ, не слишкомъ образованный и уже вовсе не «субтильный», началъ было его «тыкать». Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владимиръ говорилъ ему «вы-съ»...

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? — спросилъ я его. — Зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, — возразилъ онъ: — это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-съ, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-съ. Вотъ-съ, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать, въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-съ и взялъ его на охоту-съ. Вотъ-съ, мы какъ слѣдуетъ поохотились; наконецъ вздумалось намъ отдохнуть-съ. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикулъ-съ, при чемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но по неопытности своей онъ не послушался-съ. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки...

Мы дошли до Льгова. И Владимиръ и Ермолай, оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаникъ [1], — замѣтилъ Владимиръ, — да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? — спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владимиръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви.

Приходъ Ермолая, Владимира и человѣка съ страннымъ прозвищемъ «Сучокъ» прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? — спросилъ я.

— Лодка есть, — отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да изъ дырьевъ клепки повывалились.

— Велика бѣда! — подхватилъ Ермолай: — паклей затянуть можно.

— Извѣстно, можно, — подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой неисправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Ну, — сказалъ я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А вѣдь этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдемъ? — сказалъ я Владимиру.

— Богъ милостивъ, — отвѣчалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

— Да, онъ не глубокъ, — замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно спросонья; — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть тоже и колдобины [2].

— Однакоже, если трава такъ сильна, — замѣтилъ Владиміръ: — такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не достанешь, — сказалъ Владимиръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владимиръ отошелъ для приличія нѣсколько въ сторону и тоже сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ, по старой привычкѣ, руки за спиной.

---

[1] Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.
[2] Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

— Скажи, пожалуйста,—началъ я:—давно ты здѣсь рыбакомъ?
— Седьмой годъ пошелъ,—отвѣчалъ онъ, встрепенувшись.
— А прежде чѣмъ ты занимался?
— Прежде ѣздилъ кучеромъ.
— Кто жъ тебя изъ кучеровъ разжаловалъ?
— А новая барыня.
— Какая барыня?
— А что насъ-то купила. Вы не изволите знать: Алёна Тимоѳевна, толстая такая... немолодая.
— Съ чего жъ она вздумала тебя въ рыболовы произвести?
— А Богъ ее знаетъ. Пріѣхала къ намъ изъ своей вотчины, изъ Тамбова, велѣла всю дворню собрать да и вышла къ намъ. Мы сперва къ ручкѣ, и она ничего: не серчаетъ... А потомъ и стала по порядку насъ разспрашивать: чѣмъ занимался, въ какой должности состоялъ? Дошла очередь до меня; вотъ и спрашиваетъ: ты чѣмъ былъ? Говорю: кучеромъ. Кучеромъ? Ну, какой ты кучеръ, посмотри на себя: какой ты кучеръ? Не слѣдъ тебѣ быть кучеромъ, будь у меня рыболовомъ, и бороду сбрей. На случай моего пріѣзда къ господскому столу рыбу поставляй, слышишь?.. Съ тѣхъ поръ вотъ я въ рыболовахъ и числюсь. — Да прудъ у меня, смотри, содержать въ порядкѣ... А какъ его содержать въ порядкѣ?
— Чьи же вы прежде были?
— А Сергѣя Сергѣича Пехтерева. По наслѣдствію ему достались. Да и онъ нами недолго владѣлъ, всего шесть годовъ. У него-то вотъ я кучеромъ и ѣздилъ... да не въ городѣ — тамъ у него другіе были, а въ деревнѣ.
— И ты смолоду все былъ кучеромъ?
— Какое все кучеромъ! Въ кучера-то я попалъ при Сергѣѣ Сергѣичѣ, а прежде поваромъ былъ,—но не городскимъ поваромъ, а такъ, въ деревнѣ.
— У кого жъ ты былъ поваромъ?
— А у прежняго барина, у Аѳанасія Нефедыча, у Сергѣя Сергѣичина дяди. Льговъ-то онъ купилъ, Аѳанасій Нефедычъ купилъ, а Сергѣю Сергѣичу имѣнье-то по наслѣдствію досталось.
— У кого купилъ?
— А у Татьяны Васильевны.
— У какой Татьяны Васильевны?
— А вотъ, что въ запрошломъ году умерла, подъ Болховымъ... то-бишь подъ Карачевымъ... Не изволите знать? Мы къ ней поступили отъ ея батюшки, отъ Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владѣла... годиковъ двадцать.
— Что жъ, ты у ней былъ поваромъ?
— Сперва, точно, былъ поваромъ, а то и въ кофишенки попалъ.
— Во что?
— Въ кофишенки.
— Это что за должность такая?
— А не знаю, батюшка. При буфетѣ состоялъ, и Антономъ назывался, а не Кузьмой. Такъ барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?
— Кузьма.
— И ты все время былъ кофишенкомъ?
— Нѣтъ, не все время: былъ и ахтеромъ.
— Неужели?
— Какъ же, былъ... на кеатрѣ игралъ. Барыня наша кеатръ у себя завела.
— Какія же ты роли занималъ?
— Чего изволите-съ?
— Что ты дѣлалъ на театрѣ?
— А вы не знаете? Вотъ, меня возьмутъ и нарядятъ; я такъ и хожу наряженный, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори,—я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ же!
— А потомъ чѣмъ былъ?
— А потомъ опять въ повара поступилъ.
— За что же тебя въ повара разжаловали?
— А братъ у меня сбѣжалъ.
— Ну, а у отца твоей первой барыни чѣмъ ты былъ?
— А въ разныхъ должностяхъ состоялъ: сперва въ казачкахъ находился, фалеторомъ былъ, садовникомъ, а то и доѣзжачимъ.
— Доѣзжачимъ?.. И съ собаками ѣздилъ?
— Ѣздилъ и съ собаками, да убился: съ лошадью упалъ и лошадь зашибъ. Старый-то баринъ у насъ былъ престрогій: велѣлъ меня выпороть да въ ученье отдать въ Москву, къ сапожнику.
— Какъ въ ученье? Да ты, чай, не ребенкомъ въ доѣзжачіе попалъ?
— Да лѣтъ, этакъ, мнѣ было двадцать слишкомъ.
— Какое жъ тутъ ученье въ двадцать лѣтъ?
— Стало-быть, ничего, можно, коли баринъ приказалъ. Да онъ, благо, скоро умеръ,—меня въ деревню и вернули.
— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?
Сучокъ приподнялъ свое худенькое и желтенькое лицо и усмѣхнулся.
— Да развѣ этому учатся?.. Стряпаютъ же бабы!
— Ну,—промолвилъ я,—видалъ ты, Кузьма, виды на своемъ вѣку! Что жъ ты теперь въ рыболовахъ дѣлаешь, коль у васъ рыбы нѣту?
— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что въ рыболовы произвели. А то вотъ другого, такого же, какъ я, старика, Андрея Пупыря, въ бумажную фабрику, въ черпальную барыня приказала поставить. Грѣшно, говоритъ, даромъ хлѣбъ ѣсть... А Пупырь-то еще на милость надѣялся: у него двоюродный племянникъ въ барской конторѣ сидитъ конторщикомъ: доложить обѣщался объ немъ барынѣ, напомнить. Вотъ-те и напомнилъ!.. А Пупырь въ моихъ глазахъ племяннику-то въ ножки кланялся.
— Есть у тебя семейство? Былъ женатъ?

— Нѣтъ, батюшка, не былъ. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное!—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало, говоритъ: что за баловство? чего имъ надо?

— Чѣмъ же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются—и то слава Тебѣ, Господи! много доволенъ! Продли Богъ вѣка нашей госпожѣ!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка,—произнесъ онъ сурово.—Ступай за шестомъ—ты!..

Сучокъ побѣжалъ за шестомъ. Во все время моего разговора съ бѣднымъ старикомъ охотникъ Владимиръ поглядывалъ на него съ презрительной улыбкой.

— Глупый человѣкъ-съ,—промолвилъ онъ, когда тотъ ушелъ:—совершенно необразованный человѣкъ, мужикъ-съ, больше ничего-съ. Дворовымъ человѣкомъ его назвать нельзя-съ... и все хвасталъ-съ... Напрасно изволили безпокоиться, изволили съ нимъ разговаривать-съ.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на дощаникѣ Сучка. (Собакъ мы оставили въ избѣ, подъ надзоромъ кучера Іегудіила.) Намъ не очень было ловко, но охотники—народъ неразборчивый. У тупого задняго конца стоялъ Сучокъ и «пихался»; мы съ Владимиромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самаго носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, «срывались» съ пруда, испуганныя нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними: весело было видѣть, какъ эти кургузыя птицы кувыркались на воздухѣ, тяжко шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя ныряли; иныя, убитыя наповалъ, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ, но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владимиръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично, и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и наконецъ излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно; я—довольно плохо, по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: «Вонъ, вонъ еще утица!»—и то-и-дѣло почесывалъ спину—не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлыя, круглыя облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шушукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, свер-

калъ на солнцѣ. Мы собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно непріятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ понемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника, какъ вдругъ отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ налегъ на край) наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось, и торжественно пошло ко дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно; черезъ мгновенье мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть, по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу, ты, пропасть!—пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду:— какая оказія! А все ты, старый чортъ!—прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку.—Что это у тебя за лодка?

— Виноватъ,—пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, — продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было ужъ не до возраженій: онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно безсмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственнаго достоинства!

Проклятый дощаникъ слабо колыхался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся; кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. «Плохо», подумалъ я.

— Какъ намъ быть?—спросилъ я Ермолая.

— А вотъ посмотримъ, не ночевать же здѣсь,—отвѣчалъ онъ.— Нá, ты, держи ружье,—сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду, сыщу бродъ, — продолжалъ Ермолай съ увѣренностью, какъ будто во всякомъ прудѣ непремѣнно долженъ существовать бродъ, взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь ли плавать?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю,—раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ,—равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совершенно успокоенный, только изрѣдка отдувался и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, — жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекликивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами; иныя собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, «коломъ» и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашелъ... Пойдемте.

Мы хотѣли было тотчасъ же отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухсотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: «Лѣвѣй, — тутъ направо колдобина!» или: «Правѣй, — тутъ налѣво завязнешь»... Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри. «Ну, ну, ну!» грозно кричалъ на него Ермолай,—и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли наконецъ до берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности, обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ и собирались ужинать. Кучеръ Іегудіилъ, человѣкъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно потчевалъ табакомъ Сучка. Сучокъ нюхалъ съ остервенѣніемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе. Владиміръ принималъ томный видъ, наклонилъ голову на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертѣли хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подъ навѣсомъ... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна [1]... На селѣ раздавались пѣсни.

И. Тургеневъ.

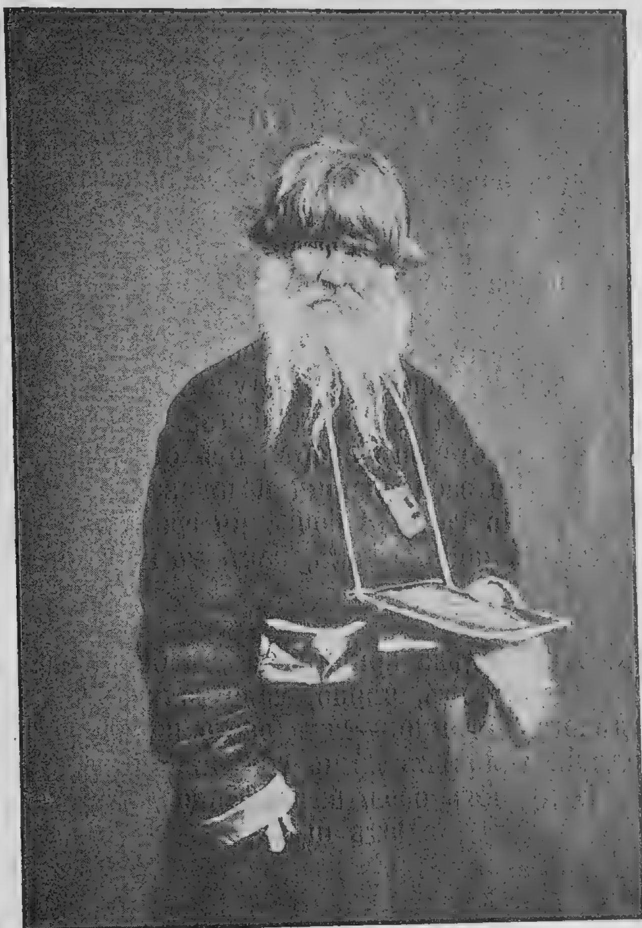
[1]) Шерсть.

125. Власъ.

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ;
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ;
Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ;
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;
У всего сосѣдства бѣднаго
Скупитъ хлѣбъ, а въ черный годъ
Не повѣритъ гроша мѣднаго,
Втрое съ нищаго сдеретъ!
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кащеемъ—мужикомъ;
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ и грянулъ громъ!
Власу худо; кличетъ знахаря—
Да поможешь ли тому,
Кто снималъ рубашку съ пахаря,
Кралъ у нищаго суму?
Только пуще все неможется,
Годъ прошелъ—а Власъ лежитъ,
И построить церковь божится,
Если смерти избѣжитъ;
Говорятъ, ему видѣніе
Все мерещилось въ бреду:
Видѣлъ свѣта преставленіе,
Видѣлъ грѣшниковъ въ аду:
Мучатъ бѣсы ихъ проворные,
Жалитъ вѣдьма-егоза,
Еѳіопы—видомъ черные
И какъ угліе глаза—
Крокодилы, зміи, скорпіи
Припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ...
Воютъ грѣшники въ прискорбіи,
Цѣпи ржавыя грызутъ,
Громъ глушитъ ихъ вѣчнымъ грохотомъ,
Удушаетъ лютый смрадъ,
И кружитъ надъ ними съ хохотомъ
Черный тигръ-шестокрылатъ.
Тѣ на длинный шестъ нанизаны,
Тѣ горячій лижутъ полъ...
Тамъ, на хартіяхъ написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ...
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.
Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Поданіемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки-Москвы
И у Каспія широкаго
И у царственной Невы.
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную

На посильные дары.
И дают, дают прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Вырастаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной.

Некрасовъ.

126. Волкъ и журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть.
По счастію, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!—звѣрь вскричалъ коварный:—

Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся».

127. Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая—себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется.
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмется,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку.
Кто дѣловъ истинно,—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ
И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

И. А. Крыловъ.

128. Гонецъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.
Какъ стекло, булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца;
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою—
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана-злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

А. Пушкинъ.

129. Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ,
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой - рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей - соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице — чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера
Со своей дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе-то каменья въ борозду валитъ.
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,

Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Поди-тко, Вольга Святославговичъ,
Со своею со дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати!
Далеко ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хороброю?»
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Къ третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьево дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
Два мѣха соли, по сороку пудъ.
И живутъ-то мужики все разбойники,
Они просятъ грошевъ подорожныихъ;
А былъ я съ шалыгой подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ».
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай - оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ».
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
А и оставилъ онъ тутъ сошку кленовую.
Онъ садился на кобылку солововеньку,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному раздольицу, по чисту полю.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не для ради прохожаго, проѣзжаго,
А для ради мужика — деревенщины.
Они сошка съ земельки повыдернутъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнутъ,
Изъ сошки омѣшики повыколнутъ,
Мнѣ нечѣмъ будетъ, молодцу, крестьянствовати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошка за ракитовъ кустъ».
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ молодца
Со своей съ дружинушки съ хороброей,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ молодца
Ко этой ко сошкѣ кленовоею:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошкѣ кленовоей,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣхали они цѣлымъ десяточкомъ
Ко этой ко славной ко сошкѣ кленовенькой;
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ,
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единаго.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичъ!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя:
А не могутъ они сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ,
Не дружинушка тутъ есть хоробрая—
Столько одна есте хлѣбоясть».
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловӗнькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей;
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Да по славному раздолью, чисту полю.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати,
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говорилъ оратай таковы слова:
«Глупый Вольга Святославговичъ!
Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки

И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ».
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу да во скирды складу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю да и мужиковъ напою—
Станутъ мужички меня покликивати:
Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

130. Ягоды.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была большая охотница до этихъ ягодъ, но употреблять ихъ при кумысѣ доктора запрещали. Вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ, мать стала ѣздить въ поле по ягоды, предпочтительно на залежи. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно, и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружающіе меня, и мужчины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Мокей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда возвращался уже къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ. Мать обыкновенно скоро утомлялась собираніемъ ягодъ, и потому садилась на дроги, выѣзжала на дорогу и каталась по ней часъ и болѣе, а потомъ заѣзжала за нами; сначала мать каталась одна или съ отцомъ, но черезъ нѣсколько дней я сталъ проситься, чтобъ она брала меня съ собою, и потомъ я уже всегда ѣздилъ прогуливаться съ нею. У насъ съ сестрицей были прекрасные съ крышечками берестовые бурачки, испещренные вытисненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, т.-е. не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачокъ, говорила: «Ну, барышня, опять набрала зеленухи!» и потомъ наполняла ея бурачокъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды, и что моя клубника лучше Евсеичевой; это, конечно, было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала, и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ея бурачокъ своей клубникой.

По возвращеніи домой, начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки, изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія постилы; русскими назывались постилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими—тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмечками, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сначала едва ли не болѣе собиранія ягодъ; но наконецъ и они мнѣ наскучили. Болѣе всего любилъ я смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь, можетъ быть потому что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахара начнетъ вздуваться и покрываться бѣловатою пеленою.

С. Аксаковъ.

Словарь.

(Составленъ по „Толковому словарю живого великорусскаго языка“ В. И. Даля).

А.

Амшеникъ (иначе—мшаникъ, или омшаникъ) — промшоная, конопаченая отдѣльная избенка, рѣдко съ печью; зимой служитъ кладовой для овощей; пчелъ убираютъ на зиму въ амшеникъ.

Б.

Бахча—огородъ въ полѣ, въ степи, не при домѣ; разводятъ на бахчахъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы, кукурузу, подсолнечники и т. д.

Берда — принадлежность ткацкаго станка, родъ гребня для прибоя утка́ (основа—продольныя нити въ ткани, утокъ—поперечныя).

Бобовникъ — дикій персикъ или миндаль (кустарникъ).

Бричка—легкая полукрытая повозка; повозка съ верхомъ.

В.

Валекъ — небольшой валъ, катокъ, скалка.

Вальяжный — литой, массивный, крѣпкій.

Верша — рыболовный снарядъ изъ прутьевъ, въ видѣ бутылки, воронки.

Ветла — верба, лоза, ива, ракита различныхъ родовъ.

Взлобокъ—пригорокъ.

Власяница—волосяная одежда, которая колетъ тѣло.

Воеводиха—правительница за воеводу, а воеводой въ старину назывался градоначальникъ.

Волжанка—родъ мелкой приволжской ивы.

Втулка — кольцо, гайка, трубка, вставленная въ какое-либо отверстіе; колесная втулка — гайка, обручикъ, вбиваемый внутрь ступицы.

Вятель—та же верша (см. выше), но съ сѣтчатыми крыльями по бокамъ.

Г.

Гайдамакъ — воинъ изъ отряда запорожцевъ временъ борьбы съ поляками.

Гнетъ — тяжесть, прессъ, давило; палка, привязываемая къ веревкѣ, охватывающей возъ со снопами, лежащая сверху этихъ сноповъ.

Гоголь—водяная птица изъ породы утокъ.

Голова— старшій мѣстный начальникъ.

Грандіозность — величественность, великолѣпіе.

Грива — поросшая лѣсомъ полоса, особнякъ, береженый лѣсъ.

Гужики—кожаныя петли, прикрѣпленныя къ хомуту; служатъ для вдѣванія оглобель.

Гусельки — родъ лежачей арфы; играющій перебираетъ проволочныя струны пальцами.

Гумно — огороженное мѣсто въ деревняхъ, гдѣ ставятъ въ скирды хлѣбъ, и гдѣ построены рига для молотьбы, а иногда и овинъ для сушки хлѣба; расчищенное мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ.

Д.

Донце — дощечка, на которую садится пряха, втыкая въ нее же гребень.

Дружка — главный распорядитель на свадьбѣ, бойкій, знающій весь обрядъ, говорунъ, общій увеселитель и затѣйникъ.

Душегрѣйка — короткая женская безрукавка.

Ж.

Жемыхи (жмыхи)—отжимки по выбитіи коноплянаго, льняного или другого растительнаго масла.

З.

Займище—мѣсто, занятое кѣмъ-нибудь подъ распашку, подъ расчистку изъ-подъ лѣсу.

Затрапезъ — пестрядь, пестрядина, льняная полосатая ткань, грубая и некрасивая.

И.

Изволокъ—отлогая гора, пологость или подъемъ.

Источнымъ голосомъ — дикимъ, отчаяннымъ голосомъ, послѣднимъ, предсмертнымъ (точно душа истекаетъ).

К.

Калика — странникъ, богатырь въ смиреніи.

Кафельный—изразцовый.

Кармазинный — ярко-алаго, багрянаго цвѣта; изъ ярко-алаго сукна.

Касатка—ласточка, пташка.

Кладь хлѣба—стогъ, скирда.

Кичка — бабій головной уборъ съ рогами, родъ повойника.

Кожухъ—шуба, тулупъ.

Козырныя санки—маленькія городскія санки, одиночныя и безъ полсти.

Комиссаръ—смотритель, приставъ, приказчикъ.

Косявчето окошечко—окно съ косяками, для отличія отъ окна волокового.

Красная рыба — хрящевая рыба (бѣлуга, осетръ, севрюга).

Кречетка — птица, степная пиголица.

Кроншнепъ —большой степной куликъ.

Кряжъ — гряда; хребетъ; степной кряжъ — верхняя окраина уступа или низменности.

Кулига — клинъ земли, полоса, загонъ; ровное мѣсто, чистое и безлѣсное; небольшой покосъ, пожня особнякомъ среди пашенъ или лѣсу; прогалинка, полянка, отличная растительностью, травою, ягодами.

Л.

Ледянки — катушки для катанья съ горы.

М.

Маячить — шевелиться на воздухѣ, мотаться, показываться, появляться неясно; говорить знаками; начинать лепетать (о ребенкѣ).

Морда — рыболовный снарядъ-плетенка изъ лозы съ двойной воронкой и съ крыльями изъ тычинокъ.

Мочка — вычесанный, свернутый и перевязанный пучокъ, изготовленный для пряжи; сколько берется заразъ на гребень.

Мякина—избитый цѣпомъ хлѣбный колосъ, отъ котораго отвѣяно зерно.

О.

Обжи—оглобли у сохи.

Омѣшики — сошники (сошникъ — часть сохи, которой взрывается земля).

Орать—пахать.

Отъѣзжія поля — псовая охота въ дальности отъ жилья.

Однорядка—однобортный кафтанъ.

П.

Пабѣдье—ѣда въ послѣобѣденное время; пообѣденное время, отдыхъ.

Парубокъ—парень (малороссійское слово).

Паръ — паренина, паровое поле, вспаханное и уже заросшее.

Перемока—короткій дождь.

Повыколнуть—повыколупать.

Пожня — покосъ, укосъ, сѣнокосъ, пажить, травное мѣсто, лугъ; луга всегда разумѣются низменные, нерѣдко поемные, по рѣчкамъ; пожня бываетъ и въ лѣсу, между пашнями.

Полдникъ—обѣдъ.

Поленица—удальцы, наѣздники.

Помститься — померещиться, привидѣться.

Поприще—путевая мѣра, вѣроятно, суточный переходъ, около двадцати верстъ.

Пороша—пушной, рыхлый снѣгъ, идущій въ безвѣтріе, а потому покрывающій землю ровно.

Посулъ — обѣтъ, обѣщаніе (подразумѣвается нѣчто невѣрное).

Притолка — верхній брусъ въ дверяхъ, въ калиткѣ, въ воротахъ (лбомъ притолокъ всѣ притолоки—поговорка).

Прыскучій (звѣрь) — рыскучій, дикій, покидающій слѣдъ по полямъ и горамъ. Попрыскъ—слѣдъ.

Прясло — звено изгороди, колѣно забора.

Пядь — мѣра въ четверть аршина; протяженіе между большимъ и указательнымъ пальцами, растянутыми по плоскости.

Пясть—кисть руки, ладонь.

Р.

Ратай—пахарь, земледѣлецъ.

Роспуски—станокъ, дроги для возки воды и вообще клади.

Ротитися—божиться, клясться, заклинаться.

С.

Свѣжина—убоина, не соленое, свѣжее мясо; свѣжая свинина.

Свѣтелка—чистая, свѣтлая комната.

Скирдъ—длинная и большая кладь хлѣба или сѣна.

Скоморохъ — музыкантъ, дудочникъ, гуслярь, потѣшникъ, шутъ.

Соловая—желтоватая со свѣтлымъ хвостомъ и гривою.

Срубъ—срубленныя четыре стѣны; изба или иное бревенчатое строеніе вчернѣ.

Ссягать—доставать.

Столбовая дворянка — знатная родовая дворянка.

Стрепетъ—степная птица.

Стряпчій—повѣренный, ходатай по дѣламъ, законникъ.

Сурокъ — звѣрекъ, живущій въ норахъ; водится у насъ въ степяхъ на востокѣ.

Сурчина—сурочья нора.

Сусальное золото — золото въ тончайшихъ листкахъ для сусальной позолоты.

Т.

Теремъ—поднятое, высокое жилое зданіе или часть его.

Тупиться — смотрѣть упорно въ землю.

У.

Убрусъ—платокъ, фата, ширинка, полотенце, особенно нарядное.

Ухвостье—задній конецъ чего-либо; легковѣсное зерно, отлетающее въ сторону при вѣяніи.

Усадьба (у рыбаковъ)—часть рѣки, гдѣ имѣютъ право ловить рыбу.

Урема—кусты по берегамъ рѣкъ.

Х.

Ходъ (у коляски)—оси съ колесами, весь низъ, кромѣ кузова.

Ч.

Чапракъ—суконная, ковровая, мѣховая подстилка подъ конское сѣдло, сверхъ потника.

Челнокъ (при тканьѣ) — колодочка въ видѣ челна, съ носками въ оба конца, съ гнѣздомъ посрединѣ, куда вставляется цѣвка съ уткомъ (см. «берда»).

Черепеникъ—гречишники, гречневики, столбцы—пряженое въ постномъ маслѣ тѣсто въ видѣ стопокъ; крестьянская шляпа въ формѣ гречневика.

Черленый — багряный и багровый, ярко-малиновый.

Чилизникъ—см. бобовникъ.

Чупрунъ—длинные передніе волосы на головѣ.

Ш.

Шалыга—плеть съ заплетенной пулей, кистень.

Шинокъ—питейный домъ.

Ширинка — полотенце, отрѣзокъ цѣльной ткани, во всю ширину ея.

Шлея—часть упряжи, которая удерживаетъ хомутъ на мѣстѣ: круговой широкій ремень отъ гужей (см. гужики) во всю длину лошади, придерживаемый откосными ремнями къ нахребетнику.

Шпенечекъ—шипъ, тычокъ, гвоздь безъ шляпки.

Щ.

Щурята—маленькія щучки.

Я.

Яровчаты (гусельки) вм. яворчаты, изъ явора (дерево).

Списокъ рисунковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ.

ИЗЪ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Хрестоматія для городскихъ училищъ, торговыхъ школъ, учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій. Съ портретами писателей. 812 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Мин. Нар. Пр. допущена въ ученическія библіотеки средних учебныхъ заведеній и городскихъ (по Положенію 1872 года) училищъ, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ИЗЪ РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛѢ ГОГОЛЕВСКАГО ПЕРІОДА. 916+IV стр. Съ портретами писателей. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Изъ обширнаго литературнаго матеріала пореформенной эпохи составители сборника старались выбирать такія произведенія или отрывки ихъ, которые характеризуя, съ одной стороны, въ самыхъ основныхъ чертахъ творчество того или иного писателя, давали бы возможность, съ другой, судить о смѣнѣ настроеній въ „алканіи правды" лучшихъ представителей тогдашняго русскаго общества".

Составили: *Н. Н. Городецкій, П. Ѳ. Дворниковъ, С. А. Дмитріевъ, А. П. Заборскій, Н. В. Касаткинъ, А. Е. Корольковъ, В. К. Крестовъ, М. С. Семеновъ, А. С. Толстой и Н. В. Тулуповъ.*

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н., проф. **Теорія поэзіи и прозы.** Цѣна 60 коп.

ОСТРОГОРСКІЙ, В. Краткій учебникъ теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. 78 стр. Ц. 50 к.

Допущенъ Мин. Нар. Пр. въ качествѣ руковод. для сред. учебн. завед.

ЕГО ЖЕ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій (по Эккардту). Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. XIX+III+107+78 стр. Ц. 1 р.

Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ библіотекъ-читаленъ. Рекомендовано Учен. Ком. Вѣдом. учрежд. Импер. Маріи для употребленія въ качествѣ пособія при обученіи русской словесности въ старшихъ и педагогич. классахъ средн. учебн. заведеній вѣдомства.

ЕГО ЖЕ. Бесѣды о преподаваніи словесности. 109 стр. Ц. 1 р.

Допущены Мин. Нар. Пр. въ учительскія библіот. низшихъ учебн. завед. Рекомендованы Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

ЕГО ЖЕ. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Для чтенія юношества. 176 стр. Ц. 50 к.

Мин. Нар. Пр. допущена въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

СЕМЕНОВЪ, М. Исторія и теорія русской словесности. Для городскихъ, по Полож. 1872 г., училищъ, торговыхъ и низшихъ техническихъ училищъ. Ц. 75 к.

ЧЕХОВЪ, Н. В., и СКВОРЦОВЪ, Н. А. Родные поэты. Для начальныхъ училищъ. Выпускъ I. Для средняго отдѣленія. Изящное изданіе съ массой рисунковъ и снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к.

НЕЛИДОВЪ Ѳ. Ѳ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Ч. I. Ц. 1 р.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній рекомендованы въ фундаментальныя библіотеки военныхъ учебныхъ заведеній.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н., профессоръ. Грамматика русскаго языка. Ц. 35 к.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній рекомендована въ фундаментальныя библіотеки военныхъ учебныхъ заведеній.

ЕГО ЖЕ. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. Ц. 75 к.

Гл. Упр. военно-учебныхъ заведеній рекомендовано въ фундаментальныя библіотеки военныхъ учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 руб.

